

9(С18)

Л 44

№ 7958

Лодвиг

**Пятой
Красной**

9(с18)
П44

Подвиг Пятой Красной

8564

Новосибирск
ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984

Рецензент — Ф. С. ПЕСТРИКОВ,
доктор исторических наук

Книга рассказывает о героическом походе Пятой Красной Армии, освобождении от колчаковцев и интервентов Западной Сибири.

В сборнике публикуются воспоминания героев гражданской войны — командармов М. Тухачевского и Г. Эйхе, комиссара 27 дивизии А. Кучкина, командира партизанского корпуса И. Громова, командиров полков С. Вострецова, В. Чуйкова и других.

Книга рассчитана на массового читателя.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Одной из самых героических и поучительных страниц гражданской войны в Советской России явился разгром армий главы всероссийской контрреволюции адмирала Колчака.

Восточный фронт, на котором более полутора лет (июнь 1918—январь 1920 гг.) велась кровопролитная война, занимал особое место в обороне Республики Советов. Он был первым фронтом (в полном значении этого слова), созданным в годы гражданской войны, дважды являлся главным (летом 1918 г. и весной 1919 г. здесь решалась судьба революции), на этом фронте родилась 5 армия, в частях и соединениях которой ярко проявились основные качества вооруженных сил Республики: освобождение эксплуатируемых от гнета помещиков и капиталистов, защита социалистических завоеваний, воплощение великих идей пролетарского интернационализма, дружба народов Советской России.

Сборник «Подвиг Пятой Красной» открывается предписанием В. И. Ленина Высшему военному совету об усилении Восточного фронта и извлечением из речи В. И. Ленина перед слушателями Свердловского университета, отправлявшимися на фронт, произнесенной им 24 октября 1919 г. И это закономерно. В немногих словах вождя революции раскрывается роль Восточного фронта для Республики, анализируются социальные условия вооруженной борьбы Советской России против ставленника международного империализма и внутренней реакции — Колчака, классовая и военная расстановка сил.

Героическая 5 армия еще билась с белогвардейскими полчищами на просторах великой Сибирской равнины, а Владимир Ильич, анализируя обстановку, говорил: «...Мы подходим к тому, что последний оплот сил Колчака будет сломлен»¹. Эта уверенность вытекала из того исторического обстоятельства, что миллионы сибирских крестьян, получивших кровавый урок от Колчака, стали сторонниками Советской власти.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 241.

Многие из тех процессов и событий, на которые в речи указывал В. И. Ленин и которые вытекали непосредственно из социальных условий и военной обстановки гражданской войны в Сибири, в своей конкретной форме отражены в предлагаемом читателю сборнике. 5 армия громила врага, восстанавливала партийные организации и Советы, развернула беспрецедентную по масштабам культурно-воспитательную работу в освобождаемых районах, перестраивала партизанские полки, боролась с тифом... Бойцы-пятармейцы проявляли отвагу и мужество в боях, командиры — высокую дисциплину и умение применять в специфических условиях гражданской войны стратегию и тактику вооруженной борьбы и все вместе — преданность идеалам Коммунистической партии.

Обзорный очерк доктора исторических наук В. Т. Шуклецова «Разгром колчаковцев и интервентов в Сибири» вводит читателя в атмосферу событий тех лет. Доктор исторических наук В. С. Познанский в очерке «В первых рядах армии-освободительницы» рассказывает о роли коммунистов в организации побед 5 дважды Краснознаменной армии. Авторы большинства статей, очерков и воспоминаний — участники великого похода 5 армии, среди них — бывшие командующие 5 армией М. Н. Тухачевский (впоследствии Маршал Советского Союза) и Г. Х. Эйхе; командиры полков В. И. Чуйков (впоследствии Маршал Советского Союза) и С. С. Вострецов — герой гражданской войны, бывший кузнец; командир батальона А. А. Матусевич — герой освобождения Новониколаевска (Новосибирска); один из организаторов борьбы в тылу Колчака, командир партизанского корпуса И. В. Громов и другие.

Воспоминания, написанные, в основном, по следам событий, дополняются документами и фотографиями, расширяющими представление читателей об описываемом периоде.

Материалы расположены в хронологическом порядке и даются в сокращении. Все они, за исключением очерков В. Т. Шуклецова, В. С. Познанского и воспоминаний А. А. Матусевича, публиковались:

М. Тухачевский. Курган — Омск; *И. Погодин.* Щегловская тайга. — В кн.: Борьба за Урал и Сибирь. М.—Л., 1926.

Г. Эйхе. Разгром войск Колчака. Сибирские огни, 1965, № 3.

И. Громов. Алтайские партизаны; *И. Бурсак.* Конец белого адмирала. — В кн.: Разгром Колчака. М. Воениздат, 1969.

В. Чуйков. Не боги горшки обжигают. — В кн.: В. Чуйков. Закалялась молодость в боях. М., изд-во ЦК ВЛКСМ Молодая гвардия, 1970.

С. Вострецов. Медведовка. — В кн.: Под красной звездой. М., Военный вестник, 1925.

А. Кучкин. Великий марш. — В кн.: А. П. Кучкин. В боях и походах от Волги до Енисея. М., Наука, 1969.

К. Молотов. Как произошел переворот в Томске. — В кн.: Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.). Томск, 1957.

Р. Азарх. Ратный труд. — В кн.: Женщины в революции. Новосибирск, Западно-Сибирское книжное изд-во, 1968.

Эпизод о действиях отряда А. А. Матусевича в Новониколаевске приводится по документам партийного архива Новосибирского обкома КПСС.

Настоящий сборник не претендует на рассказ о главных моментах борьбы с колчаковщиной, в воспоминаниях даются лишь некоторые наиболее яркие эпизоды освобождения территории Западной Сибири, в которых отражаются условия героической борьбы и разгром Колчака красноармейцами, партизанами, трудящимися тыла при решающей роли 5 армии.

ПРЕДПИСАНИЕ В. И. ЛЕНИНА
ВЫСШЕМУ ВОЕННОМУ СОВЕТУ
ОБ УСИЛЕНИИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

В ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

10 августа 1918 г.

В. секретно

В собственные руки М. Д. Бонч-Бруевичу

Считаю необходимым всячески усилить Восточный фронт. Предлагаю Высшему военному совету разработать план снятия с Западного фронта **наибольшего** числа частей. План этот надлежит провести в кратчайший срок. Должны пойти все боеспособные части. Железные дороги получат предписание немедленно пропустить уже идущие части на фронт и будут всемерно готовиться к принятию и перевозке новых.

Предлагаю Высшему военному совету следить за правильностью и быстротой выполнения нарядов железными дорогами. О промедлениях председателю Высшего военного совета докладывать мне.

Ответственность за скорейшее выполнение плана возлагаю на Высший военный совет.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

Впервые напечатано (факсимиле) в
1930 г. в книге «Гражданская война.
1918—1921», т. III

Печатается по тексту, написанному
рукой Э. М. Склянского и подписанному
В. И. Лениным

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 146.

В. И. Ленин

ИЗ РЕЧИ ПЕРЕД СЛУШАТЕЛЯМИ
СВЕРДЛОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ОТПРАВЛЯЮЩИМИСЯ НА ФРОНТ,

24 ОКТЯБРЯ 1919 г.

...Возьмите другой фронт — колчаковский. Вы знаете, что, когда наступали войска Колчака к Волге, европейская капиталистическая печать торопилась возвестить всему миру падение Советской власти и признание Колчака верховным правителем России. Но не успела торжественная грамота об этом признании дойти до самого Колчака, как наши войска погнали его в Сибирь, и вы знаете, что мы подходили к Петропавловску и Иртышу, и Колчаку пришлось распределить свои силы иначе, чем он предполагал. Было время, когда нам пришлось отойти, потому что местные рабочие и крестьяне опоздали со своей мобилизацией. Но сведения, которые мы получаем из колчаковского тыла, говорят, что у него несомненный развал, а население восстает против него поголовно, даже зажиточные крестьяне. И мы подходим к тому, что последний оплот сил Колчака будет сложен, и этим мы закончим год революции, в течение которого вся Сибирь была под властью Колчака, когда ему помогали и эсеры, и меньшевики, которыми еще раз была проделана история соглашения с буржуазным правительством. Вы знаете, что Колчаку оказывала помощь вся европейская буржуазия. Вы знаете, что сибирская линия охранялась и поляками, и чехами, были и итальянцы, и американские офицеры-добровольцы. Все, что могло бы парализовать революцию, все пришло на помощь Колчаку. И все это рухнуло, потому что крестьяне, сибирские крестьяне, которые менее всего его наблюдают, получили такой урок от Колчака, такое практическое сравнение (а крестьяне любят сравнения практические), что мы можем сказать: Колчак дал нам миллионы сторонников Советской власти в самых отдаленных от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать. Вот чем кончилась власть Колчака, и вот почему на этом фронте мы чувствуем себя наиболее прочно. <...>

...Чем дальше шли бои, тем больше редели ряды офицеров и сознательного кулачества, которые составляли главную силу Колчака, и тем больше ему приходилось брать рабочих и крестьян. Они умеют воевать чужими руками, они сами не любят жертвовать собой и предпочитают, чтобы рабочие рисковали головой ради их интересов. И когда Колчаку пришлось расширять свою армию, это расширение привело к тому, что сотни тысяч перешли на нашу сторону. Десятки белогвардейских офицеров и казаков, перебежчиков от Колчака, говорили, что они убедились, что Колчак продает Россию оптом и в розницу, и, даже не разделя большевистских взглядов, переходили на сторону Красной Армии. Так кончил Колчак...¹

«Правда» № 240, 241, 26 и 28 октября 1919 г. и «Известия ВЦИК» № 240, 241, 242, 26, 28 и 29 октября 1919 г.

Печатается по тексту
газеты «Правда»

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 241, 244.

В. Шуклецов,
доктор исторических наук

РАЗГРОМ КОЛЧАКОВЦЕВ И ИНТЕРВЕНТОВ В СИБИРИ

В выступлениях В. И. Ленина и в документах Центрального Комитета нашей партии в годы гражданской войны подчеркивалось, что на Восточном фронте неоднократно решалась судьба Октябрьской социалистической революции и власти Советов.

Наспех сформированным, малочисленным красным армиям (на Восточном фронте были образованы первые пять регулярных армий РСФСР), плохо обученным, слабо вооруженным противостояли великолепно обеспеченные белогвардейские войска, люто ненавидевшие Советскую власть. Их численность в Сибири доходила до 400 тысяч человек.

Освобождение Сибири осложнялось присутствием значительных сил интервентов. Осенью 1919 г. здесь размещалось до 70 тысяч японцев, 30 тысяч чехословаков, 20 тысяч поляков, 7 тысяч американцев, 11 тысяч румын, китайцев, сербов.

Основной базой Колчака являлась Западная Сибирь. Именно она была для него главным источником живой силы, продовольствия, топлива.

Отсюда следовало, что до тех пор, пока Колчак не будет лишен этой базы, никакие чисто военные операции и самые блестящие победы на фронте не могут дать Стране Советов окончательной победы. Чтобы сломить врага, нужна была напряженнейшая борьба не только на фронте, но и в тылу белых, где окопалась сибирская контрреволюция, крепкий союз кадетов и монархистов с многочисленной и влиятельной зажиточной верхушкой сел и казачьих станиц.

За Уралом помещичье землевладение значительного распространения не имело, а земельная собственность царя была ликвидирована в ходе Февральской революции. В связи с этим, противоречия между помещиками и сельской буржуазией Сибири не носили антагонистического характера.

Не только Временное сибирское правительство, в котором главенствовали кадеты, но и верховный прави-

тель — монархист Колчак — вполне удовлетворял экономические интересы кулачества. Контрреволюционные власти эсеров, кадетов и монархистов одинаково поощряли спекуляцию продовольствием. Кулацкие кооперативы получали миллиардные ссуды, снаряжали белую армию, торговали с Монголией, Китаем, Японией, США.

Господство зажиточной верхушки села укреплялось в земствах и крестьянских общинах. Она контролировала деятельность сельских и волостных управ, милиции, карательных отрядов «святого креста», без каких-либо ограничений эксплуатировала бедноту, распоряжалась земельными наделами сельских обществ и распределением повинностей.

Кулацкому благополучию угрожало только восстановление Советской власти. В связи с этим зажиточная верхушка сибирских сел активно участвовала в укреплении белой армии и вооруженной борьбе против повстанцев.

Особая заслуга в освобождении Сибири принадлежит 5 Красной армии. Это легендарное соединение сформировано в августе 1918 г. во время ожесточенных боев за Казань. Костяком армии являлись коммунисты и рабочие Петрограда, Москвы, других городов и рабочих поселков промышленного центра страны и Поволжья.

5 армия входила в состав ударной группы войск М. В. Фрунзе, которая весной и летом 1919 г. остановила наступление колчаковцев и нанесла им решающее поражение. Освобождение Челябинска, в боях за который полки 5 армии потеряли до 15 тысяч убитыми и ранеными, открыло дорогу в Сибирь.

После освобождения Урала центр борьбы Советской Республики с внешней и внутренней контрреволюцией переместился на более напряженный и опасный Южный фронт. Деникин занял Новосель, расположенный в 312 километрах от Москвы. Обстановка требовала решительных действий. По настоянию Центрального Комитета РКП(б) и лично В. И. Ленина Реввоенсовет Республики перевел 1, 2 и 4 Красные армии с Восточного на Южный и Туркестанский фронты.

Разгром колчаковцев был поручен 3 и 5 армиям, в которых было 60 тысяч бойцов.

Белые пытались восстановить положение на фронте после поражения на Урале. В крае была проведена но-

вая мобилизация. Городские думы, земские управы и духовенство включились в формирование добровольческих дружин. В междуречье Тобола и Ишима развернулись тяжелые бои.

1 сентября колчаковцы превосходящими силами атаковали 3 и 5 Красные армии. После кровопролитных сражений советские войска отошли за Тобол. «В эти дни, — свидетельствует председатель Сибревкома, он же член Реввоенсовета 5 армии И. Н. Смирнов, — мы ниоткуда не получали подкреплений. 5 армия побеждала и таяла».

Силы и средства, необходимые для победы, следовало изыскать на месте. В прифронтовой полосе была объявлена мобилизация. Призыву подлежали рабочие и трудовое крестьянство с 20-до 40-летнего возраста. В обстановке тяжелых боев только в августе в ряды армии вступило 44 тысячи человек. Фактически все они были добровольцами.

Результаты мобилизации подтвердили, что отход трудового крестьянства от эсеров закончился и Советская власть в Сибири может рассчитывать на поддержку не только рабочих, но и всех трудящихся. О том же свидетельствовало усиливающееся дезертирство из белой армии. В дни сентябрьских боев в Тобольско-Ишимском междуречье только через фронт 5 армии перешли и сдались в плен 3244 солдата колчаковской армии. Большинство из них стали красноармейцами.

Укрепившись за счет нового пополнения, основную массу которого составляли хорошо подготовленные в военном отношении фронтовики первой мировой войны, советские войска перешли в наступление.

Выражая мнение коммунистов фронта, И. Н. Смирнов телеграфировал В. И. Ленину, что: «...настроение в Сибири твердое, советское. Организуя местные силы, с Колчаком справимся, нужно только обмундирование и патроны. Вчера (14 октября 1919 г. — В. Ш.) перешли в наступление по всему фронту, думаем в три недели дйти до Ишима»¹.

Переход через Урал и продвижение на Омск 5 армия совершила под командованием М. Н. Тухачевского. Яркий талант военачальника, преданность революции, высокая требовательность к себе и подчиненным выдвигали

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, Примечания, с. 388.

нули двадцатипятилетнего поручика в ранг выдающегося полководца.

Боевую и политическую закалку в частях 5 армии получили многие видные полководцы Родины. При освобождении Сибири дивизией командовал В. К. Блюхер, полком — В. И. Чуйков, кавалерийским дивизионом — К. К. Рокоссовский, пулеметчиком служил Р. Я. Малиновский — впоследствии Маршалы Советского Союза.

После ожесточенных сентябрьско-октябрьских боев, закончившихся сражением за Петропавловск, белые отступали, чем дальше, тем беспорядочнее. Расстояние от Петропавловска до Омска в 300 километров 5 армия прошла за 14 дней!

1 ноября в Омске состоялось особое совещание при начальнике добровольческих формирований князе Голицыне. На нем присутствовали представители кулацких кооперативов, земств, городских дум и торгово-промышленных кругов. Обсуждался вопрос об обороне колчаковской столицы. Выступавшие клялись в готовности пожертвовать имуществом и жизнью, одни — за Учредительное собрание, другие — за верховного правителя.

Колчак заверил, что город к обороне готов. Его гарнизон доведен до 30 тысяч человек, сосредоточены крупные силы артиллерии, имеются бронепоезда.

Однако политические настроения масс обрекали планы сибирской контрреволюции на провал. Так, 5 ноября омская газета «Сибирский казак» констатировала: «Все бездействуют. Все опустили руки... Управляющий областью должен сам писать бумажки: служащие не явились на службу. Служащие совета министров облеклись на случай эвакуации в теплые пимы и бродят по своим апартаментам, как обитатели страны теней. И так везде. Опомнитесь, господа!.. Имя опасности безволие и апатия, словом психология лягушки, добровольно прыгающей в пасть неподвижно лежащего удава».

Успехам Красной армии на фронте содействовали выступления трудящихся против колчаковского режима. Так, в ответ на приказ о мобилизации в белую армию, 20—21 сентября восстало население нескольких волостей Прииртышья. По этому поводу управляющий Тюкалинским уездом доносил в Омск: «Всего по волостям Пановской и Ново-Красноярской бежало от призыва 1000 человек... Бежавшие вооружены частью дробовиками, первоначально сгруппировались в районе Викулев-

ской Ишимского уезда и Озеринской — Форпостовской волости Тарского уезда, затем двинулись в направлении Усть-Ишимского. Весь мятеж возник вдруг, ввиду близости красного фронта, прохождения дезертиров, пробиравшихся через вышеуказанные волости. Вначале организовалась группа деревенской бедноты, которая... заставила в один день уйти с собой всех подлежащих призыву».

В районы восстаний направлялись карательные отряды. Особой жестокостью отличались добровольцы из станицы Евгачино во главе с попом Е. Богинским, которые только в селе Колосовка расстреляли 26 человек.

Трудовое крестьянство от явки на призывные пункты белых уклонялось повсеместно. Прочесывание волостей кулацкими дружинами и отрядами земской милиции с целью вылавливания дезертиров увеличивало численность белой армии, но не повышало ее боеспособность. По утверждению самого Колчака, командиры действующей армии отказывались от новых пополнений, опасаясь полного разложения своих частей.

Большую помощь войскам Красной Армии в освобождении Сибири от колчаковцев и интервентов оказали партизаны. Так, повстанческая армия Е. М. Мамонтова и И. В. Громова, сформировавшаяся осенью 1919 г., громила тылы белых в Славгородском, Каменском, Барнаульском и Змеиногорском уездах. На освобожденной территории была восстановлена Советская власть. Существовала угроза выхода партизанских соединений к Транссибирской магистрали. Для ликвидации партизанской армии колчаковское командование направляло крупные силы. При этом, только попытки овладеть партизанской столицей — селом Солоновкой, — которые предпринимались в сентябре и ноябре 1919 г., закончились поражением двух регулярных полков, полка анненковцев, до десятка отдельных батальонов и крупных кулацких дружин. Повстанческое движение развивалось по всей Сибири. Несомненно, что этому благоприятствовали успехи 5 армии.

Положение белых было безнадежно. В связи с этим 10 ноября Колчак объявил о переносе своей резиденции из Омска в Иркутск и выехал на восток.

14 ноября в 11 часов утра бойцы 238 Брянского полка переправились по льду только что замерзшего Ирты-

ша и ворвались в Омск. Успешно выполнили свои задачи и другие части 27 дивизии. К вечеру город был очищен от колчаковцев. Без существенных потерь советские войска захватили здесь около 15 тысяч рядовых, 1500 офицеров, три бронепоезда, 300 орудий. «Взятие нами Омска, — отмечал информационно-исторический отдел штаба 5 армии, — нанесло противнику удар, от которого он не смог оправиться. Его войска утратили способность к активным боевым действиям. Усилилось дезертирство с фронта и переход на нашу сторону отдельных солдат и целых войсковых частей»¹.

Поэтому дальнейшее преследование врага было поручено одной 5 армии, дивизий которой из Омска на восток выступили 20 ноября.

24 ноября был занят Татарск.

25 ноября М. Н. Тухачевский передал командование армией Г. Х. Эйхе и отбыл из Сибири на Южный фронт.

В 5 армии было: 31 тысяча штыков и 1200 сабель, 605 пулеметов и 106 орудий, дивизиями командовали Я. П. Гайлит, И. Ф. Блажевич, К. А. Нейман, Е. Н. Сергеев и В. К. Блюхер.

5 армии противостояли 2 и 3 армии белых. Их численность вдвое превосходила силы красных. Приказом командующего фронтом белых вменялось: 3 армии задержать продвижение советских войск, 2 армии спешно отойти к Оби и создать здесь прочную оборону.

26 ноября Г. Х. Эйхе отдал приказ о порядке преследования врага: «35 дивизии, — предписывалось в нем, — выйти в район деревень Кармаклинская — Таскаево — озеро Урман».

27 дивизии, преследуя противника вдоль Транссибирской магистрали, овладеть Каинском и выйти в район деревень Новогутово — Костинка — озеро Чистое.

30 дивизии, поддерживая связь с левофланговыми частями 27 дивизии, выйти в район деревень Старогутово — Киселенка — Сайгульское.

51 дивизии, оставив в Таре гарнизон, продолжить преследование противника в направлении на деревни Такмыкская — Спасское, 3 декабря занять уступное положение в районе деревень Покровская — Рямовая — Урезская».

26 дивизий предстояло установить связи с партизанами, взять их под свое командование и, продвигаясь на южном фланге армии, занять Камень-на-Оби.

1 декабря 27 дивизия заняла Барабинск и Каинск. Только в Каинске было захвачено 1500 пленных, 15 паровозов, несколько эшелонов с имуществом, 30 пулеметов, обоз с оружием и боеприпасами.

Перед решающими боями за Новониколаевск 27 дивизия сосредоточилась в районе Барабинска и деревень Новый Карапуз, Еланская, Колманово. Штаб дивизии развернулся в Каинске. Дивизия подтягивала растянувшиеся тылы.

Действующая с юга 35 дивизия прошла Новый Сартлан, Манчезерскую и к утру 5 декабря вышла на рубеж Горностаево — Дурманка — Крысино (Сарабальк) — Суздалька.

С большим успехом действовали войска 26 дивизии.

Преследование врага велось безостановочно. Полки 5 армии проходили на восток по 20 километров в сутки. Колчаковцы прикрывались образцовой егерской дивизией, бронепоездами, полками казачьей и башкирской конницы, но несли существенные потери и отступали. Обычно красноармейские части на подводах обходили фронт белых с флангов, отсекали колонны войск, беженцев и брали в плен. Участники похода утверждали, что нередко наблюдали такую картину: «По дороге движется группа людей. Немного, немало — человек триста. А впереди на подводе наш красноармеец, раненый, но с винтовкой. Это конвоир. Все равно пленные не убегут. Бежать некуда. Довоевались... Повсюду пламя крестьянских восстаний».

В обстановке народных восстаний и развала колчаковской армии выступили правые эсеры. «Демократическая» контрреволюция предполагала привлечь на свою сторону крестьянство, партизан, солдат, созвав Сибирское учредительное собрание и от его имени предложить РСФСР мир. Тогда, по их расчетам, Красная Армия будет вынуждена прекратить боевые действия и остановить продвижение на восток. Эсеры и их союзники получат передышку, необходимую для мобилизации сил и средств, с целью продолжения борьбы с большевистскими Советами.

Для осуществления этого плана был создан Политцентр. Он принял решение о захвате власти силой, так

¹ ЦГАСА, ф. 185, оп. 3, д. 1290, л. 3.

как после освобождения Омска Красной Армией Колчак отказался сложить полномочия верховного правителя.

Первыми выступили сторонники «демократической» контрреволюции в Новониколаевске. Накануне восстания офицерам гарнизона были розданы воззвания: «Товарищи офицеры,—говорилось в них,—в наших руках остановить братоубийственную войну... Ни капли крови больше! Начнем переговоры с большевиками о мире... Этим мы в тысячу раз сделаем больше для России. Медлить нечего... Сговорившись, должны собрать офицеров и взводных 6 декабря, прочитать воззвание и вынести решение»¹.

Барабинский полк и некоторые другие части Новониколаевского гарнизона выступили в ночь с 6 на 7 декабря. Участвующие в восстании большевики призвали рабочих и солдат к восстановлению Советской власти и объединению с РСФСР. Восставшие захватили тюрьму и освободили арестованных, заняли почту, вокзал, комендантское управление. Однако к утру подошли части польской дивизии. Никто не помешал им вступить в город. Участников выступления расстреливали на месте.

Восстание в Новониколаевске дезорганизовало 2 армию белых. Она не смогла организовать прочную оборону на рубеже Оби. Утром 14 декабря бойцы 242 Волжского полка 27 дивизии первыми ворвались в Новониколаевск. В освобождении города отличился батальон А. А. Матусевича.

В плен было взято 30 тысяч солдат и две тысячи офицеров, захвачено два бронепоезда, около 1000 пулеметов и бомбометов, 50 тысяч винтовок, 8,5 миллиона снарядов и патронов.

В Новониколаевске были найдены останки борцов за власть Советов. В тюремной больнице обнаружен труп председателя Новониколаевского Совдепа В. Р. Романова.

22 января 1920 г. состоялись торжественные похороны 104 расстрелянных и замученных борцов за Советскую власть.

При оценке итогов операции, в результате которой Красная Армия освободила Новониколаевск и преодолела рубеж Оби, информационно-исторический отдел

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1628, лл. 29, 30.

5 армии отмечал: «Причина малой упругости сопротивления являлась полная деморализация неприятельских частей... Солдаты или разбегались, или же оставались в своих деревнях, селах и городах, лежащих на пути отступления. Партизаны дезорганизовали тыл, мешали плановой эвакуации».

При продвижении советских войск от Омска на Новониколаевск командование 5 армии установило связь с партизанами Сибири. В ряде мест боевые действия многочисленных партизанских отрядов, большевистского подполья и примыкающих к нему сельских подпольных организаций сторонников Советской власти привели к созданию советских повстанческих республик (Западно-Сибирской, Причернской, Тасеевской, Минусинской и других). Их штабы сформировали многотысячные партизанские соединения, способные решать задачи не только местного, но и стратегического значения.

Из сложившейся обстановки командование 5 армии сделало необходимые выводы. В конце ноября через линию фронта к партизанам был направлен начдив Я. П. Гайлит с распоряжением Реввоенсовета, которым предписывалось П. К. Голикову (председателю исполкома Западно-Сибирского Совета рабочих, крестьянских и партизанских депутатов) и Г. Ф. Рогову (командующему вооруженными силами Причернского Советского повстанческого края): «Перейти форсированным маршем в район железной дороги Тайга—Мариинск, испортить железную дорогу, беспрерывно действовать на сообщениях противника»¹.

Партизанские соединения передвигались на восток через Кузбасс в несколько эшелонов. Первым к железнодорожной магистрали двинулось трехтысячное войско причернских партизан под командованием Г. Ф. Рогова. За ними через десять—двенадцать дней выступили 1 Чумышская дивизия под командованием М. И. Ворожцова и 1 Повстанческая дивизия под командованием Блынского.

Движение крупных партизанских соединений создало серьезную угрозу для отступающих войск белых. Колчак телеграфировал командующему фронтом Каппелю: «Меня заботит положение в Барнаульском и Кузнецком районах. Я вижу в этом угрозу левому флангу

¹ ЦГАСА, ф. 185, оп. 3, д. 172, л. 1.

и тылу нашей армии». На что Каппель ответил: «Для обеспечения левого фланга мною приказано 3 армии направить в Кольчугинский район одну стрелковую дивизию с кавалерийской бригадой. До прибытия в названный район частей 3 армии он обеспечивается 3 егерским полком... Сибирский кадровый морской полк находится в Щегловске... в Мариинске — 6 стрелковый полк... Обстановка в Кузнецком и Щегловском районах привлекает мое внимание, и мною приняты меры к его обеспечению»¹.

Однако 20 декабря партизанское соединение Г. Ф. Рогова завязало бой за Щегловск (Кемерово) и, выбив кадровый морской полк, 21 овладело городом.

Выдвижение крупных партизанских соединений из повстанческих районов для боев с частями регулярной армии белых, без тылового обеспечения, в условиях сорокаградусных морозов, требовало величайшего революционного подъема и готовности к самопожертвованию. Эти революционные качества воспитывали большевики. Так, в политической работе среди бойцов головного соединения причернских партизан, выбивших белых из Щегловска, участвовали коммунисты: рабочие местного химзавода И. Г. Ковалев, Кольчугинского рудника М. Т. Рыжов, П. Я. Лямин; посланцы барнаульского большевистского подполья И. С. Бугров, Д. Николайчук, И. М. Дрожжин и другие. Коммунисты и сочувствующие им рабочие и крестьяне командовали батальонами и ротами, возглавляли основную ударную силу партизан — пулеметную команду, на вооружение которой в период боев на тракте имелось до сорока пулеметов.

Движение причернских партизан к железной дороге было остановлено фронтовыми частями белой армии. После ожесточенных боев, в результате которых партизаны потеряли до ста человек убитыми и ранеными, их головное соединение оставило Щегловск. Но 23 декабря город вновь был освобожден уже 313 полком 35 дивизии 5 армии.

Командование армии не было удовлетворено результатом партизанского похода. Выступление партизанских дивизий на восток задержалось, в связи с чем их полки не смогли углубиться в тыл белых. Головной отряд при-

чернского повстанческого края нанес удар по тракту Тайга — Мариинск. Однако не только выйти к железной дороге, но и удержаться на занятом рубеже не смог.

Вместе с тем, вклад партизан Западной Сибири в освобождение края трудно переоценить. Они:

— дезорганизовали колчаковский тыл, до подхода регулярных войск освободили Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Славгород, Камень, Барнаул, Кузнецк, Кольчугино, Бийск, контролировали Алтайскую, Славгородскую и Кольчугинскую железнодорожные ветки;

— надежно прикрывали южный фланг 5 армии во время боев на главном направлении — в полосе Транссибирской магистрали;

— являлись полноценным пополнением ее полков. (К лету 1920 г. только через Барнаульский, Семипалатинский пехотные и Кольванский кавалерийский запасные полки 5 армии прошло до 30 тысяч бывших партизан.)

В декабре 1919 г. массовые восстания рабочих, крестьян и солдат против колчаковского режима происходили в Канске, Красноярске, Черемхове, Иркутске, Владивостоке.

В начале января 1920 г. на станции Иркутск в поезде французского генерала Жаннена представители Антанты организовали передачу власти из рук правительства Колчака Политцентру. Адмирал же был заключен в Иркутскую тюрьму.

Стенограмма переговоров о передаче власти раскрывает истинные цели новой авантюры внешней и внутренней контрреволюции. Эсеры уверяли заморских хозяев в том, что они будут служить им и российской буржуазии лучше, чем Колчак. У Колчака-де нет иного пути, как отойти за Байкал, и только там он, возможно, сумеет создать боеспособную армию. «Мы, — утверждал товарищ председателя Политцентра, — достигнем этого раньше, создав здесь новый совершенно демократический правительственный орган... Войска, взявшие Омск, сформированы из уральских и пермских крестьян. Они, однако, не большевики и, зная, что колчаковский царизм больше не существует, начнут колебаться, нам будет время вздохнуть»¹.

¹ Стенографический отчет переговоров о сдаче власти Омским правительством Политическому центру. — Харбин, 1921, с. 37.

¹ Последние дни колчаковщины. М., 1926, с. 87.

О том, что готовилось для трудящихся края под флагом кулацкой земско-эсеровской демократии, свидетельствует привлечение к деятельности Политцентра дивизии карателей атамана Красильникова, фаворита Колчака, монархиста и палача.

От очередной авантюры «демократической» контрреволюции трудящиеся отвернулись. Отказались от переговоров с Политцентром партизаны. Солдаты предпочитали плен службе под лозунгами Политцентра. Трудовое крестьянство, на которое пытались опереться «демократы», уже знало, что следует ожидать от эсеров и их союзников — колчаковцев и интервентов.

Влияние большевиков укреплялось повсеместно.

Сложившаяся ситуация позволила направить на освобождение Восточной Сибири в первом эшелоне всего одну, 30, дивизию 5 армии. При поддержке народных масс, партизанских отрядов и соединений была освобождена Восточная Сибирь.

Рабочие и крестьяне под руководством Коммунистической партии восстановили в Сибири Советскую власть и приступили к строительству социализма.

В. Познанский,
доктор исторических наук

В ПЕРВЫХ РЯДАХ АРМИИ-ОСВОБОДИТЕЛЬНИЦЫ

Исключительно важную роль в окончательном разгроме колчаковщины и восстановлении Советской власти в разоренной полуторогодовым господством кровавого белогвардейского режима Сибири сыграли армейские коммунисты.

Это они первыми в войсках поддерживали призывы В. И. Ленина и Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков) о необходимости скорейшего сокрушения контрреволюции на Восточном фронте и освобождения Сибири. Это их в самых упорных боях командование направляло в наиболее опасные места. Это они поднимали и вели за собою в атаку красноармейцев.

В январе 1919 г. проведенная во фронтовых условиях в Поволжье Первая партийная конференция 5 армии отправила в ЦК РКП(б) телеграмму: «Мы знаем, что многих из присутствующих на этом съезде мы уже не встретим на втором нашем съезде, но это не останавливает нас. Мы идем на Урал. Следующий партийный съезд армии мы поклялись созвать в Сибири».

Клятва воинов-коммунистов была выполнена: вторая конференция представителей партийных организаций 5 армии состоялась в конце ноября 1919 г. в Челябинске. В это время красноармейские части наступали от Омска на Новониколаевск, завершая освобождение Западной Сибири. Но чего это стоило? Достаточно сказать, что уже к лету 1919 г., когда дивизии 5 армии выходили на оперативные просторы Западно-Сибирской низменности, почти треть участников январской партконференции погибла в боях с колчаковцами.

Мобилизация всех сил Советской Республики на помощь Восточному фронту, последовавшая после опубликования написанных В. И. Лениным тезисов ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта, значительно укрепила партийные ряды сражающихся войск. В числе 40 тысяч добровольцев, влившихся в войска, было около 15 тысяч коммунистов и почти три тысячи комсомольцев.

И армейские ветераны, и пополнения продолжали лелеять мечту о скорейшем завершении борьбы с Колчаком и интервентами. По предложению коммунистов в частях Южной группы Восточного фронта прошла «выработка» коллективного письма В. И. Ленину. 9 августа оно было помещено на страницах газеты «Красный стрелок».

С чувством законной гордости войска армейской группы М. В. Фрунзе рапортовали «дорогому товарищу и испытанному верному нашему вождю» В. И. Ленину, что гонят врага «в Сибири и за Уралом», и клялись: «Мы, дорогой товарищ Ленин, пойдем в Сибирь, освободим сибирское крестьянство и сибирский пролетариат от гнета помещиков и капиталистов и поможем им организовать свою власть».

Отмечая летние победы над колчаковщиной, Владимир Ильич предупреждал против преждевременного благодущия, успокоенности, он требовал пресекать в корне губительную партизанщину, не допускать, чтобы она закралась в войска и разлагала их. Реввоенсовету Восточного фронта предлагалось «подробно обсудить с политработниками и осуществить конкретные меры против партизанщины» и о результатах выполнения этой директивы доложить ему, Ленину¹.

В «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком», опубликованном в конце августа в газетах «Правда» и «Известия ВЦИК», вождь революции указывал: «Наш общий восторг, наша радость по поводу освобождения Урала и вступления красных войск в Сибирь не должны позволить нам успокоиться. Враг далеко еще не уничтожен. Он даже не сломлен окончательно»².

Во время известного октябрьского сражения на Тоболе от удара превосходящих сил Колчака бригады и полки 3 армии оказались рассечены. Противнику удалось захватить штаб второй бригады 29 дивизии. Комбриг Н. А. Захаров, комиссар А. А. Юдин, все работники штаба отказались давать врагу какие бы то ни было показания даже под пытками. Озверевшие белогвардейцы повесили их.

Когда командование окруженного врагом 457 полка

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 15, 18.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 151.

51 дивизии потеряло в ходе боя управление частями, среди необстрелянных бойцов началась паника. Комиссар полка Крупин, помощник военкома Воробьев, коммунисты бросились в контратаку, сумели организовать бойцов в цепи, отступить и затем прорваться к своим. Воробьев и большинство коммунистов героически погибли, а тяжело раненного Крупина бойцы вынесли на плечах и отправили в госпиталь.

Хотя враг потеснил наши части, Реввоенсовет 5 армии счел необходимым отметить героев сражения вышей в то время наградой — орденом Красного Знамени. В приказе о награждении (посмертно) командира второй батареи 1 артиллерийского дивизиона 35 дивизии С. Я. Романа написано: «Когда наши части в бою у станицы Пресновской были окружены превосходящими силами противника, тов. Роман, будучи придан с батареей 310 полку, желая задержать врага и в течение суток вел ожесточенный бой, ни на минуту не оставлял своего поста, лично корректировал стрельбу, чем содействовал пехотным частям вести оборонительный бой. Когда противник, разбив всех стрелков, ворвался в станицу, тов. Роман бил по противнику картечью до тех пор, пока не был заколот штыком белогвардейца. Он умер со словами: прекратить огонь и портить орудия».

На участке обороны 35 дивизии соотношение сил оказалось почти четырехкратным в пользу колчаковцев. Судьба боя решалась в его эпицентре — под станицей Пресновской. О ходе сражения здесь, беззаветной храбрости красных бойцов во главе с командирами-партийцами, комиссарами, всеми коммунистами можно судить по сохранившимся документам. В донесении одного из политработников сказано, что, по мнению оставшихся в живых бойцов, они «такого боя, как под Пресновской, в эту войну еще не видели». «Снаряды рвались везде и всюду, жужжание пуль было вроде пролетавшего роя пчел, казаки везде и всюду появлялись группами с обнаженными шашками. Роты красных воинов совместно с командиром Ряпиным (сочувствующий) и находящимися в них партийными работниками бросались на казачков в яростные атаки и контратаки.

Жертв была масса с обеих сторон. Командир Черников (коммунист) с 4 ротой бросался в яростные атаки, ни один партийный работник из названной роты не вернулся — все погибли славную смертью. Погибли, как

надо умирать сынам Советской Республики, товарищи: Мошчалкин (помощник командира полка, кандидат в члены РКП(б), Ржавин (политком батальона), Раевский (военком полка), Васильев, Земтур, Мещерский...». Коммунисты последнюю пулю пускали в себя.

Автор донесения подводит грустный итог: даже после прибытия пополнения партийная организация полка малочисленна. «Пресновский бой совсем опустошил ряды наших коммунаров. Из 100—120 членов и сочувствующих едва найдется 40—50».

Наряду с коммунистами исключительный героизм проявляли их младшие товарищи — комсомольцы. Характерна оценка командованием сводного комсомольского отряда юных добровольцев 226 полка 30 дивизии: «Он смело нес свое знамя в каждый бой. «Смерть Колчаку» — лозунг на знамени. Под этим знаменем отряд дрался и побеждал... От Глазова до Красноярска — без отдыха, в ежедневных боях. Из отряда в 25 человек (речь о первых добровольцах — В. П.) уцелело только трое. Многие остались в этом великом походе на полях сражений, остальные ранены, искалечены».

Девять колчаковских дивизий обрушилось на 26 и 27 дивизии 5 армии. Отдельные населенные пункты до десятка раз переходили из рук в руки в ходе штыковых атак и контратак. Повсеместно, в авангарде при наступлении и в арьергарде при отступлении, находились коммунисты, показывая образцы героизма и самопожертвования.

Характерно донесение начдива 27 дивизии А. В. Павлова: «В 1 бригаде в полках почти нет командного состава и военкомов. В других бригадах положение тоже тяжелое».

Комиссар 237 полка в ходе Петропавловской операции докладывал в политотдел дивизии: «Комячейка существует с начала формирования полка. Иногда в ней насчитывалось до 70 членов и 80 сочувствующих. Последние наступательные бои вырвали из наших рядов многих товарищей, геройски погибших в борьбе с классовым врагом или убивших по ранению. В настоящее время зарегистрировано 22 коммуниста и 14 сочувствующих».

Если полковые партиячейки (не только в 27, но и в других дивизиях 5 армии) не рассыпались из-за постоянной потери коммунистов в боях, а затем и от эпи-

демици тифа, то это произошло только потому, что они пополнялись за счет вступления в ряды Ленинской партии наиболее отличившихся бойцов и командиров. В сознании армейской массы рекомендации комиссаров приравнивались к наградам.

Командиры-коммунисты, комиссары, рядовые коммунисты так часто погибали, что восполнить их потерю даже количественно за счет пополнений в сентябре — октябре 1919 г. не представлялось возможным. На это жаловались все политотделы дивизий.

Командование и политорганы 3 и 5 армий, продолжавших наступление против колчаковцев в Западной Сибири, провели в прифронтовой полосе огромную работу по мобилизации местных трудящихся в ряды Красной Армии. Дивизии восполняли свой состав, формировались новые войсковые соединения и части. Душой этого дела были коммунисты. Красная Армия четко выполняла директивы В. И. Ленина: не прекращая добывать Колчака, восстанавливать в отвоеванных у него районах Сибири Советскую власть, помогать другим фронтам за счет Восточного фронта.

Так, в приказе № 1 по сформированной в Зауралье 51 стрелковой дивизии начдив В. К. Блюхер и военком И. М. Малыгин указали, что в освобожденных местностях «должна строго проводиться политика, принятая 8 съездом РКП(б) и ставшая основой для Советской России в целом».

Деятельность политотдела, коммунистов дивизии по агитационно-пропагандистской работе среди крестьян приобрела такую известность, что в колчаковских штабах ее стали считать особо опасной. Во время Тобольско-Ишимского сражения, когда белогвардейцы старались в первую очередь разгромить окруженную группу В. К. Блюхера, на позиции красных бойцов с аэропланов сбрасывали листовки с призывом уничтожить комиссаров и выдать начдива, что послужит полным прощением.

В упомянутом сражении — последней попытке Колчака переломить ход борьбы — коммунисты сцементировали красноармейскую массу дивизий 3 и 5 армий, оказавшихся в критической обстановке; показали образцы стойкости, героизма, самопожертвования; внесли огромный вклад в достижение победного исхода самых кровопролитных боев на Восточном фронте.

Армейским коммунистам предстояло отличиться и в последующих боях, когда красные соединения двинулись по Транссибирской магистрали на столицу адмирала Колчака — Омск.

После приказа командарма М. Н. Тухачевского о переходе в наступление, во всех дивизиях появились соответствующие призывы политорганов к коммунистам: быть на высоте задачи, возглавить освобождение Сибири, личным примером увлечь армию на окончательный разгром врага.

Военком 27 дивизии А. П. Кучкин, прибыв 13 октября на передовую в село Введенское, срочно оповестил всех подчиненных ему военкомов частей: «Наступил момент, который должен решить участь Колчака. Нужно напрячь все силы. Пример стойкости и храбрости должны показать командиры, комиссары, коммунисты, сочувствующие и сознательные красноармейцы. Разъясните красноармейцам всю важность предстоящей операции и призовите к героическим подвигам». И сам А. П. Кучкин, и остальные политработники всегда были в передовых частях дивизии. Не случайно комиссар назначался на пост первого начальника гарнизона в Омске, а потом в Новониколаевске.

Героизм политработников, вера в них армейской массы — одна из причин быстрого выдвижения их на ответственные посты, в том числе командные. Прославленные начдивы: двадцатилетний А. Я. Лапин, двадцатичетырехлетний В. К. Путьна, ряд начбригов, командиров полков, батальонов «вышли из комиссаров».

В армии хорошо знали, кто из политработников заменял в бою убитого или раненого командира, кто водил красноармейские цепи в штыковые атаки, равно как и об особых случаях героизма, мужества, проявленных на фронте посланцами партии. Когда А. Я. Лапин принимал командование 30 дивизией, наступавшей на главном направлении, о нем гремела слава героя необычайной стойкости. Несмотря на тяжелое ранение в позвоночник, он остался в строю, рвался от штабной работы на передовую. Когда командарм, чтобы его приструнить, сказал: «На костылях отправишься?» — Альберт Лапин отбросил костыли, преодолевая боль, прошел по комнате и отрапортовал, что готов добираться до поля боя хоть сейчас пешком.

С гордостью воспринимали красные войны героинь-

женщин, деливших с ними тяготы похода от Волги до Байкала, таких, как Раиса Азарх — начальник санслужбы армии, Марина Крехова — начальник политотдела 27 дивизии и других.

Заслуженным авторитетом пользовались в армии политработники, представители старой ленинской гвардии, «сибиряки», возвращающиеся в войска с целевой установкой: поскорее восстановить в крае Советскую власть и разоренное народное хозяйство, — В. М. Косарев, А. А. Звездов, С. И. Канатчиков, а также младшие товарищи — участники борьбы за Советы в 1917—1918 гг. — М. К. Аммосов, К. Ф. Телегин и другие.

Как известно, с 5 армией пришли в Сибирь созданные по инициативе В. И. Ленина высшие партийные и советские органы освобожденного края — Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком. В походной типографии 5 армии наряду с печатным органом Реввоенсовета газетой «Красный стрелок» печаталась «Советская Сибирь».

О первых шагах советского строительства председатель Сибревкома писал (для Сибистпарта): «Главные трудности, которые мы испытывали при занятии Сибири, заключались в том, что не было готовых кадров для организации советских аппаратов. При чехословацком восстании (т. е. чехословацко-белогвардейском мятеже 1918 г., приведшем к установлению в Сибири господства контрреволюции. — В. П.) большинство товарищей, не успевших эвакуироваться, погибли во главе с председателем Центросибири Н. Н. Яковлевым, расстрелянным осенью 1918 г. в Олекминской тайге. Организатором Советской власти в занимаемых местах была Красная Армия. При политотделе 5 армии была организована особая крестьянская секция, в задачу которой входило разъяснение крестьянам сущности советского строя и организация революционных комитетов. При каждой дивизии был политотдел, который, немедленно после захвата того или иного села организовывал там ревком»¹.

В газете «Красный стрелок» (23 февраля 1921 г.) был подведен итог политработы 5 армии среди местного населения: «Наши военкомы, наши политруки приходили в деревни и города как вестники нового строя. Мы

¹ ПАНО, ф. 5а, оп. 1, д. 306, л. 70. Телеграфная лента.

рассказывали рабочим и крестьянам, как нужно строить Советскую власть. Мы учили их, оторванных долгое время от Советской России».

Так создавался ревком во главе с работником политотдела 5 армии Н. Н. Воронцовым в Кургане. Освобождает Красная Армия Кустанай — и возглавляет местный ревком политработник В. Ф. Дружицкий. Тюменский ревком организовывал и возглавлял несколько месяцев военный комиссар член партии с 1905 г. А. Д. Макаров. Если обратиться к документальным материалам местных краеведческих музеев, то повсеместно окажется, что первыми председателями ревкомов были военкомы частей, взявших город, поселок, село, станцию. Карагандинцы, например, знают, что на Карагандинских угольных коях организовывал ревком политработник кавалерийской дивизии Дранкин; комиссар той же дивизии Г. А. Зиновьев организовывал ревком на Спасском медеплавильном заводе. Омский ревком возглавлял В. П. Файдыш, Томский — В. П. Шумкин, Щегловский — П. Н. Старостин.

Иногда первые ревкомы целиком состояли из политработников армии (например, в Кокчетаве из политотдельцев 482 полка), и лишь затем военных заменяли освобожденные из тюрем и вышедшие из подполья местные товарищи, представители партизанских отрядов.

Некоторые политработники постоянно использовались как организаторы ревкомов, и по мере продвижения 5 армии возглавляли их на первых порах. Упомянутый В. Ф. Дружицкий организовал многие ревкомы, председательствовал в Новониколаевском, а затем являлся членом Енисейского губернского ревкома. Столь же известны в других местах имена комиссара кавполка имени Степана Разина Н. Д. Видинеева, политработников И. М. Погодина, Г. В. Жигарева, А. Г. Лисина. Автор знаменитых «Похождений храброго солдата Швейка» Ярослав Гашек в анкете указывал, что он — «политработник 5 армии», и в графе «Где работал в России» написал: «Самара, Бугульма, Уфа, Челябинск, Омск, Красноярск, Иркутск». Примерно такое же перечисление городов и иных населенных пунктов по маршруту продвижения их дивизий на восток внесли бы в свои анкеты другие политработники.

Многое сделали члены Реввоенсовета К. И. Грюнштейн, Б. П. Позерн, Н. П. Теплов, Н. К. Гончаров; на-

чальник политотдела армии Е. А. Литкенс и его помощники для восстановления в Сибири местных партийных организаций.

По архивным данным, которые явно неполны, на великом пути наступления до Байкала с помощью партийно-политических органов и командования 5 армии было создано несколько тысяч ревкомов, Советов, комбедов, комитетов профсоюзов и других советских организаций, посланцы политотдела 5 армии организовали на местах более 300 партячеек, создали систему агитпунктов, в основном на станциях по линии железной дороги и пристанях крупных рек (действовало 24 агитпункта), где читались лекции, демонстрировались кинофильмы, проигрывались граммофонные пластинки с выступлениями В. И. Ленина.

Отсюда «в глубинку» начали отправляться агитпоезда и агитпароходы. Первый агитпоезд 5 армии, который возглавлял В. Ф. Дружицкий, отправился от Красноярска до Иркутска в марте 1920 г., а первый агитпароход «Красная Сибирь» плывал между Барнаулом и Тюменью в июне — июле 1920 г. Армейские коммунисты, направленные политотделами на партийно-политическую работу (Ф. Путинцев, А. Чаромский, А. Гутман и другие), многое сделали как пропагандисты ленинских идей, вовлекли в ряды партии и комсомола не только многих воинов Красной Армии и передовых сибиряков. Двадцатилетний армейский политработник А. Семаков, оставленный из-за ранения в Тобольске, работал секретарем уездного комитета РКП(б) и одновременно председателем оргбюро РКСМ. В 1921 г. он обессмертил свое имя при подавлении Ишимско-Тобольского кулацко-эсеровского мятежа.

Особые отряды 5 армии, организуемые для чрезвычайных целей, укомплектовывались главным образом коммунистами. В казалось бы мирной тыловой обстановке они несли значительные потери в борьбе с бандами, совершили немало революционных подвигов. К числу последних принадлежит, например, деятельность Особой военной экспедиции, возглавляемой комендантом Иркутска П. Ф. Савлуком и его помощником А. Г. Козловым. По просьбе С. Г. Лазо, легендарного героя гражданской войны, Реввоенсовет, с целью спасения припрятанного на Дальнем Востоке золотого запаса и доставки оружия и боеприпасов рабочим Амурских приисков, направил

туда названную экспедицию. Из-за «читинской пробки» (поддерживаемый японскими интервентами атаман Семенов хозяйничал почти до конца 1920 г. в Забайкалье, пока не был разбит Народно-революционной армией Дальневосточной Республики) красноармейцы вынуждены были следовать кружным путем, через Якутию.

В Олекминске им удалось установить, что замышляется огромный контрреволюционный мятеж. Якутские буржуазные националисты связались с заграницей (Харбин, Нагасаки) и, опираясь на скрывающихся колчаковцев, надеясь на помощь извне, готовились к вооруженным выступлениям по всему течению реки Лены. Оперативно созданный в Олекминске революционный штаб во главе с А. Г. Козловым обезвредил подпольную белогвардейскую организацию, а якутские чекисты, получив информацию о нитях заговора, арестовали его заговорщиков, пресекли возникновение опасного пожара боевых действий летом 1920 г.

Политработники, коммунисты 5 армии с честью выполняли задания В. И. Ленина и Реввоенсовета Советской Республики — максимально помочь Красной Армии победно завершить гражданскую войну. На Западный фронт против белополяков и Южный фронт против барона Врангеля из Сибири отправлялись дивизии, сильные не только опытом, полученным в сражениях, но и идейной сплоченностью, которую создавали, цементировали члены большевистской партии.

Не случайно в белогвардейской печати Крыма появлялись корреспонденции типа: к красным прибыло пополнение — состоящая исключительно из коммунистов дивизия. Как отмечал впоследствии в своих статьях Маршал Советского Союза В. К. Блюхер, три четверти бойцов его дивизии, которой предстояло сражаться под Каховкой и штурмовать крымские твердыни врага, — это вчерашние сибирские партизаны и необстрелянная сибирская молодежь, заменившие выбывших красноармейцев. И если сибиряки сумели опрокинуть дроздовские, марковские и другие отборные офицерские дружины, захватить невиданные для того времени трофеи — танки (английского производства) и одолеть, как считалось, неприступные укрепления «белого Вердена» в Крыму, то в этом немалая заслуга партийной организации, всех коммунистов 51 и других дивизий, прибывших из Сибири.

Многих своих сотрудников отдал политотдел 5 армии своему детищу — Народно-революционной армии ДВР; многие армейские коммунисты, перейдя добровольно в эту армию, пробивали «Читинскую пробку», а позднее штурмовали волочаевские, спасские позиции, чтобы завершить освобождение «нашенских городов» у берегов Тихого океана.

А на территории, как тогда называли, «Сибревкомовской Сибири» коммунисты 5 армии возглавили участие армейской массы в ликвидации последствий белогвардейского режима и разрушений, которые творили отступающие колчаковцы.

Весьма характерный документ — телеграмма из Иркутска в Москву от 30 января 1920 г.: «Председателю Совнаркома товарищу Ленину тчк конференция членов РКП 35 дивизии приветствует своих вождей Вашем лице зпт также решительно обещает рубить дрова зпт как рубили контрреволюцию тчк председатель Иван Погодин тчк». А за клятвой вождю стояла реальность: дивизия в труднейших условиях разрухи и сибирской зимы заготавливала топливо не только чтобы одолеть холод, но и обеспечить паровозы на кругобайкальском участке Транссибирской магистрали.

В феврале 1920 г. В. И. Ленин с гордостью отмечал: «Благодаря изумительным подвигам Красной Армии, уже началось восстановление народного хозяйства»¹. А спустя несколько недель с грифами «военная», «срочная» отправил в Омск телеграмму-директиву: «Восстановление железнодорожного и водного транспорта Сибири — одна из основных задач Республики»². С такими же грифами потом шли в Омск, Тюмень, Новониколаевск, Барнаул телеграммы «продовольственные» с установками отправлять хлеб в голодающий Центр.

Возглавляемые коммунистами воины 5 армии внесли огромный вклад в дело победы над эпидемией сыпного тифа, над голодом и холодом, в восстановлении Транссибирской железнодорожной магистрали (в том числе «поднятии» взорванных врагом мостов через Иртыш и другие реки).

Освобожденная Сибирь теперь могла приступать к мирному труду.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 155.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 151.

ОБРАЩЕНИЕ ВЦИК И СНК К РАБОЧИМ, КРЕСТЬЯНАМ, ИНОРОДЧЕСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ И ТРУДОВОМУ КАЗАЧЕСТВУ СИБИРИ

16 августа 1919 г.

Рабочие, крестьяне и все трудящиеся Сибири!

Под могучим непреодолимым напором Красной Армии падает временно восторжествовавшая на территории Сибири власть наемника русской и иностранной буржуазии, царского адмирала Колчака и восстанавливается власть Советов.

Сибирская реакция, несмотря на поддержку иностранных пушек и горы золота, разбита и бежит на восток.

Час освобождения рабочих и крестьян Сибири приближается.

И ныне, выполняя волю российского пролетариата и трудового крестьянства перед лицом всего сибирского населения, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Р., К. и К. депутатов и Совет Народных Комиссаров постановляют:

1) Бывший царский адмирал Колчак, самозванно наименовавший себя «верховным правителем», и его «совет министров» объявляются вне закона.

Все ставленники и агенты Колчака и находящегося в Сибири союзнического командования подлежат немедленному аресту.

2) Все законы, приказы, договоры, постановления и распоряжения Колчака и его совета министров, а равно и их уполномоченных отменяются.

3) Равным образом отменяются все концессии, дарственные купчие и другие акты на земельные угодья или недра земли, заключенные правительством Колчака с иностранными подданными, как направленные к расхищению народного достояния Советской Республики.

4) На всей территории освобожденной Сибири восстанавливаются органы Советского самоуправления трудящихся на основании Конституции РСФСР.

5) Восстанавливаются все права рабочих и крестьян, установленные Советской властью, и отменяются все долги и вообще всякие обязательства трудящихся по отношению к капиталистам.

6) Восстанавливается хождение общегосударственных денежных знаков и советских бонов.

7) В отношении инородческого населения Сибири подтверждается «Декларация прав народов России», где всем народам предоставляется самим определять свои судьбы, что уже сделано народами Украины, Литвы, Литвы и Белоруссии, татаро-башкирами, калмыками и другими народностями России.

Считая, что одним из важнейших условий сохранения революционного порядка в освобожденной Сибири являются полное восстановление власти трудящихся и разрешение вопросов землеустройства, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров заявляют:

1) Борясь с нетрудовыми элементами и опираясь, главным образом, на пролетарские слои деревни, Советская власть по отношению к трудовому крестьянству Сибири ставит своей задачей всемерную защиту его интересов.

2) Трудовое крестьянское хозяйство не должно подлежать никакой урезке. Те земельные сделки, которые заключены в период правительства Колчака и направлены во вред трудовому народу, будут пересмотрены и отменены.

3) Недостаточное и беднейшее крестьянство (как старожилы, так и новоселы), а равно малоземельные горнозаводские крестьяне Алтайского округа должны быть дополнительно наделены землей из владений казны или бывших кабинетских земель.

4) Точно так же не подлежит уменьшению или ограничению земельное хозяйство трудового казачества.

Недостаточное и беднейшее казачество должно быть дополнительно наделено из земель войскового запаса и земель частного владения казачьего офицерства и чиновничества.

5) Земли фактического пользования инородцев не подлежат никаким ограничениям и урезкам и поступают в полное их общественное распоряжение.

При недостатке земель у инородцев и при наличии смежного с их расположением свободного земельного фонда производится из последнего дополнительное наделение инородцев.

6) Одновременно и параллельно с этими мерами должны быть приняты решительные меры к поднятию

производительности сельского хозяйства. Должно быть спешно и широко поставлено снабжение трудового сельского населения сельскохозяйственными орудиями и машинами, улучшенными семенами, организацией заводов и мастерских, изготовляющих и ремонтирующих орудия сельскохозяйственного труда.

Все эти мероприятия должны быть проведены при широком использовании кооперативного опыта самого сибирского населения.

В целях организации непосредственной помощи рабочим, крестьянам и всему трудовому населению Сибири немедленно принимаются нижеследующие меры:

1) Заработная плата повышается до норм, установленных для соответствующих районов Советской власти.

2) Вводятся в действие все законы Советской Республики о социальном обеспечении трудящихся на случай болезни, инвалидности и т. п.

3) Восстанавливаются пособия всем семьям погибших во время мировой войны, а равно семьям рабочих и крестьян, погибших в гражданской войне с белогвардейцами.

Товарищи рабочие, крестьяне и все трудящиеся!

Сибирская реакция разбита. Все устои, поддерживающие Колчака, падают, но сибирская реакция пока еще не вырвана с корнем. Сейчас генералы, помещики и капиталисты, находящиеся в Сибири, бегут на Дальний Восток под охрану японских штыков. Оставаясь там, они могут еще долго угрожать сибирским рабочим и крестьянам. Наша задача уничтожить их с корнем.

Для этого необходимо установить по всей территории освобожденной Сибири твердый революционный порядок и трудовую дисциплину, способную создать крепкий братский союз рабочих, крестьян и всего трудового населения.

Для этого главным образом необходимо, чтобы Сибирь помогла русским рабочим и крестьянам хлебом. Только тогда, когда Сибирь выполнит этот свой долг по отношению к рабочим Петрограда, Москвы и других городов, эти рабочие смогут дать сибирскому крестьянскому хозяйству все необходимое в виде мануфактуры, железа и прочего.

Сибирским рабочим и крестьянам необходимо помнить, что остервенелая от злобы буржуазия и ее наемники, отступая сейчас под нашим натиском, еще не

оставляют мысли о возобновлении борьбы за удушение рабоче-крестьянской власти. Задача сибирских рабочих, крестьян и всех трудящихся встать под знамена Красной Армии и, усилив ряды бойцов за рабоче-крестьянское дело, могучим ударом окончательно сломить врага.

Рабочие, крестьяне и все трудящиеся Сибири, вам российский пролетариат вручает защиту завоеваний революции и интересов труда в освобожденной Сибири. Вы должны помнить, что, защищая Советскую Сибирь, вы защищаете вместе с тем Россию, вы защищаете мировую революцию, свою свободу и интересы всех трудящихся.

Да здравствует Советская Сибирь!

Да здравствует Советская Россия!

Да здравствует Мировая революция!

Председатель Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета М. Калинин.
Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).
Секретарь ВЦИК В. Аванесов.

«Известия Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета Советов
рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов», № 181, 16 августа 1919 г.

**ФОРМУЛА ТОРЖЕСТВЕННОГО ОБЕЩАНИЯ,
УТВЕРЖДЕННОГО НА ЗАСЕДАНИИ
ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ
РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ
И КАЗАЧЬИХ ДЕПУТАТОВ ОТ 25 АПРЕЛЯ 1918 г.**

1. Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии.

2. Перед лицом трудящихся классов России и всего Мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и, как зеницу ока, охранять народное и военное имущество от порчи и расхищения.

3. Я обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью Рабочего и Крестьянского Правительства.

4. Я обязуюсь воздерживаться сам и удерживать товарищей от всяких поступков, порочащих и унижающих достоинство гражданина Советской Республики, и все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся.

5. Я обязуюсь по первому зову Рабочего и Крестьянского Правительства выступить на защиту Советской Республики от всяких опасностей и покушений со стороны всех ее врагов, в борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братство народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни.

6. Если по злему умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона¹.

Председатель Ц.И.К. Я. Свердлов.
Секретарь Ц.И.К. В. Аванесов.

25 апреля 1918 г.

¹ Текст присяги воина Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

М. Тухачевский

КУРГАН — ОМСК

Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937 гг.).
Маршал Советского Союза (1935 г.). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Член Коммунистической партии с 5 апреля 1918 г. Из дворян. Окончил военное училище (1914 г.). Участник первой мировой войны. К концу боевой деятельности в русской армии пришел признанным героем. М. Н. Тухачевскому, офицеру 24 Сибирского стрелкового полка, сражавшемуся в Варшавском районе, только за полгода вручено шесть боевых наград.

С начала 1918 г. М. Н. Тухачевский — в Красной Армии, работал в военном отделе ВЦИК, с мая 1918 г. военный комиссар обороны Московского района. В июне 1918 г. — начале января 1919 г. командовал 1 армией Восточного фронта, которая сражалась с белогвардейцами и белочехами в Среднем Поволжье.

В январе — марте 1919 г. командующий 8 армией Южного фронта. С апреля по ноябрь 1919 г. командовал 5 армией, сыгравшей огромную роль в разгроме Колчака. Деятельность М. Н. Тухачевского связана с Бугурусланской, Бугульминской, Мензелинской, Бирской, Златоустовской, Челябинской, Омской операциями, которые являются образцом искусного маневрирования в борьбе с сильным противником.

Партия и правительство высоко оценили подвиг 5 армии: Реввоенсовет Республики постановил занести ее на Почетную золотую доску в Зале Красного знамени в Москве, она была награждена орденом Красного Знамени, Почетным Красным Знаменем ВЦИК, Почетным Красным Знаменем Исполкома Коминтерна, Петроградского и Московского Советов и Сибревкома.

Командарм М. Н. Тухачевский был награжден орденом Красного Знамени и Почетным золотым оружием. В приказе Реввоенсовета от 28 декабря 1919 г. перечислялись его боевые заслуги, в частности: «За личную храбрость, широкую инициативу, энергию, распорядительность и знание дела, проявленные им при победоносном шествии доблестной Красной Армии на восток, завершившемся взятием города Омска».

С февраля по апрель 1920 г. М. Н. Тухачевский — командующий Кавказским фронтом, с апреля 1920 г. по март 1921 г. — Западным фронтом, в марте 1921 г. — 7 армией, при подавлении Кронштадтского мятежа, в мае 1921 г. — войсками Тамбовского района, ликвидировавшими антоновщину.

Затем на командных должностях, заместитель председателя РВСР, заместитель наркома обороны.

Берясь за написание настоящей статьи, я, прежде всего, должен оговориться, что за недостатком времени не мог подойти к этому вопросу с той исчерпывающей серьезностью; которая необходима при военно-исторических работах... В полном соответствии с краткостью статьи я постараюсь дать только лишь скелет оперативно-стратегической деятельности 5 армии в период борьбы за Курган — Омск. К сожалению, должен отказаться от описания полных глубокого интереса тактических действий наших отдельных стрелковых дивизий, бригад и полков в их взаимодействии.

Белые, разгромленные 5 армией в Златоустовской операции, потерпевшие дополнительные тяжелые поражения под Челябинском, быстро отступали за Tobол, оказывая нам серьезное сопротивление.

5 армия, заняв Курган, развивала наступление на Петропавловск. 1 армия, действовавшая в Орском направлении, задержалась в своем наступлении, и вследствие этого произошел громадный разрыв между пра-

вым флангом 5 армии и левым флангом 1-й. Положение облегчалось наличием здесь пустынных степей. Были приняты меры и стратегического порядка в районе Троицк — Кустанай и участка железной дороги Троицк — Орск. Был создан Троицкий укрепленный район, гарнизон которого составляли, помимо крепостных частей, две бригады 35 дивизии. Одна бригада была выдвинута на станцию Звериноголовская. Таким образом, правый фланг 5 армии уступами обеспечивался этими соединительными звеньями. В принятой системе обеспечения фланга армии широко были использованы классные моменты: организовывались партизанские отряды, организовано вооружались элементы, сочувствовавшие Советской власти, и, благодаря этому, даже после переброски на фронт всей 35 дивизии, Троицкий укрепленный район продолжал оказывать энергичное сопротивление всем попыткам белогвардейских отрядов занять Кустанай и овладеть Троицким укрепленным районом. Такого же рода организация партизанских отрядов начала применяться в районе Звериноголовской, но здесь она не получила той степени развития, как в Троицко-Кустанайском районе.

Левый фланг 5 армии обеспечивался 3 армией, наступавшей на одном меридиане. Для наступления на Петропавловск 5 армия избрала два основных направления — тракт Звериноголовская — Петропавловск и железную дорогу Курган — Петропавловск. Учитывая непосредственную обеспеченность левого фланга 3 армией и наличие на правом фланге степей, хотя и пустынных, но вполне проходимых, и, исходя из того, что полоса тракта Звериноголовская — Петропавловск и район Кокчетав — Атбасарск заселены враждебным нам казачеством, что всегда могло создать с этой стороны угрозу новых формирований и обтекания нашего фланга, командование 5 армией считало главным направлением — Звериноголовская — Петропавловск.

В этом духе и были отданы соответствующие распоряжения. Однако командование фронтом не согласилось с этим решением, вмешалось в деятельность командования 5 армии и приказало сгруппировать главные силы в районе железной дороги Курган — Петропавловск, оставив на тракте Звериноголовская — Петропавловск лишь наблюдательно-охраняющие части. Это положение осложнялось еще и тем обстоятельством, что из состава 5 армии была выведена 5 дивизия, рас-

положенная на станции Варгаши, а 2 бригада 21 дивизии была оставлена в районе станции Чумляк — с целью переброски их на юг, учитывая слабость наших сил и опасность положения на правом фланге. 5 армия протестовала против решения фронта, но в конце концов должна была подчиниться.

Опасения 5 армии оказались не напрасными. В начале сентября 3 белогвардейская армия генерала Сахарова, действовавшая против нашей 5 армии, решила нанести серьезное поражение нашему правому флангу, для чего ею была произведена соответствующая перегруппировка. Части 5 армии наступали в следующем порядке: севернее железной дороги Курган — Петропавловск двигалась 27 дивизия. Левым флангом по железной дороге, а правым по тракту Звериноголовская — Петропавловск шла 26 дивизия, имея за правым флангом бригаду резерва. Одна бригада 35 дивизии оставалась в Звериноголовской, а другая бригада той же дивизии — в Троицком укрепрайоне.

2 сентября ген. Сахаров перешел в контрнаступление, атаковав 27 дивизию частями Уфимской группы. 26 дивизия была атакована с фронта Волжской группой, а правый фланг ее получил удар от 2 Конного Уральского корпуса и партизанской группы ген. Доможирова, частью сведенной из различных казачьих частей, а частью сформированной за счет местного населения.

Силы 5 армии, ослабленные выводом в резерв целого ряда частей, были сверх того измотаны длительными непрерывными боями и наступлением. Армия ген. Сахарова, наоборот, была пополнена и значительно превосходила нас числом. Вследствие этого создавалась серьезная угроза быть отброшенными к северу от железной дороги и отрезанными от Кургана. 26 дивизия сразу же понесла большие потери и начала сдавать. Приходилось коренным образом менять группировку для того, чтобы выйти из создавшегося критического положения.

На свой страх и риск 5 армия решила выдвинуть на фронт 5 стрелковую дивизию, ибо все равно ходом событий она должна была быть выдвинута в бой. Кроме того, решено было оставить Троицкий укрепрайон на попечение местных крепостных и партизанских отрядов, благодаря чему явилась возможность привлечь к операции бригаду 35 дивизии, расположенную в этом укреп-

районе. Привлекалась также в дело и другая бригада 35 дивизии из района Звериноголовская. 5 стрелковая дивизия состояла лишь из двух стрелковых бригад. Из этих частей решено было создать новый фланг группировки, уступом за правым флангом 26 дивизии, с тем, чтобы в кратчайший срок, произведя эту перегруппировку, атаковать во фланг обходную группировку противника.

Сведения о переходе противника в наступление были получены 3 сентября вечером, после чего немедленно было принято вышеуказанное решение. Перегруппировка должна была закончиться к 7 сентября, и в тот же день должно было начаться наступление, примерно вдоль тракта Звериноголовская — Петропавловск. Части 35 дивизии из района Троицка перебросили один полк по железной дороге на станцию Курган, два других полка на мобилизованных подводах были брошены по Звериноголовскому тракту.

Нет никакого сомнения в том, что этот контрманевр, предпринятый 5 армией, мог бы нанести противнику очень сильное поражение. Однако этого не случилось, хотя, в общем и целом, намеченная противником операция по разгрому нашей 5 армии и была сорвана. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что штаб 5 армии в течение всей этой операции оставался в Челябинске, в то время, как ему следовало бы быть от фронта не далее как в Кургане. С этим явлением мы сталкивались во время гражданской войны постоянно и не случайно. Из дальнейшего изложения будет видно, какую громадную роль в деле вождения армией в гражданской войне играли вопросы местного формирования, местной мобилизации, местных заготовок и т. д. Все это заставляло армии быть не только маневренными единицами, но и единицами организационно-административного порядка весьма большого масштаба. Благодаря этому, очень часто в ущерб оперативной обстановке, штабам армии приходилось отставать от боевой линии, чем затруднялась организация и без того бедной связи и в значительной мере нарушалась целостность управления. Указанное обстоятельство очень сильно сказалось и в данном случае.

5 стрелковая дивизия не проявила необходимой энергии — двинулась медленно и потеряла связь со штабом 5 армии.

Штаб 35 дивизии, перебросившийся из Троицка в Курган по железной дороге для дальнейшего следования в район Звериноголовского тракта, точно также двигался медленно и к началу операции даже не прибыл в назначенный ему район. Вследствии этого, все четыре бригады пришлось передать в подчинение командиру 5 дивизии, а приказ об объединении и оперативный приказ для дальнейших действий послать командиру 5 дивизии через командира 1 бригады 35 дивизии. Приказ был послан комбригом 1/35 в 3 экз. по трем направлениям, и один из этих экземпляров был перехвачен противником, благодаря чему непосредственно перед самым переходом в наступление внезапность контрманевра была нарушена.

Однако, несмотря на целый ряд организационных неудач, наша ударная группа все-таки перешла в наступление и значительно потеснила обходную группу противника, но не надолго. Этот последний искусным маневром партизанской группы ген. Доможирова постоянно обходил в дальнейших боях район нашей ударной группы, нанося ей тяжелые поражения. С этого момента встречные действия обеих армий стали носить чрезвычайно напряженный характер, сопровождавшийся переменным успехом той и другой стороны. Но, в общем, превосходство сил, явно обозначившееся на стороне 3 белой армии, в конечном результате склонило успех в пользу противника. Наши части после ряда упорных боев, носивших в большинстве встречный характер и состоявших из многих отдельных наступательных звеньев, в конце концов измотались и были оттеснены к реке Тобол. Однако, результаты даже сорвавшегося, решительно задуманного маневра все-таки сказались, — к концу сентября мы имели со стороны противника продавление фронта на Курганском направлении, но с выигранным направлением нашего правого фланга.

В двадцатых числах сентября нам мало уже удавались наступательные действия. Войска были чрезмерно истрепаны и утомлены. Для продолжения операции необходимо было освежить и пополнить части, выведя их из состояния непрерывного боя. В тылу армий производились спешные мобилизации крестьян и подготавливались маршевые части. Необходимо было выиграть время и дать войскам отдохнуть. Вследствие этого было принято решение об отводе частей 5 армии за реку То-

бол с сохранением активного плацдарма на правом берегу Тобола в районе станции Звериноголовской. Это решение и было проведено в жизнь к концу сентября и началу октября.

Сибирское крестьянство, вынесшее на своих плечах все тяготы колчаковщины, охотно отзывалось на наш призыв и быстро вливалось в ряды наших частей. В тылу же колчаковской армии мы насчитывали в это время до 40 000 партизан, которые разрушали белогвардейские коммуникации. В общем, в социально-политическом отношении, несмотря на наш стратегический проигрыш, мы оставались в благоприятном положении, и нужна была лишь крепкая и энергично проведенная организационная работа, чтобы восстановить наши силы. Все красноармейцы, комиссары и командиры проявили величайшую энергию. Наши партийные организации напрягали все свои силы для пополнения и вооружения армий. Вся эта работа была проведена с фанстастической быстротой. Уже к 14 октября мы оказались способными перейти в новое наступление, причем уже не уступали, а превосходили по численности 3 белогвардейскую армию. Эта последняя точно так же находилась в очень тяжелых условиях. Она, дойдя до реки Тобола, своего наступления не продолжала и точно так же спешно подвела подкрепления и готовилась к переходу в наступление. Разведывательные данные говорили о том, что 15 октября возможно было ожидать начала нового белогвардейского наступления. Несмотря на все трудности,

Ф. П. ФАЙДЫШ —
начальник политотдела
5 армии

К. А. НЕЙМАН —
начальник 35 дивизии

жена частями партизанской группы ген. Доможирова. Сколотив наиболее боевую часть из обозов дивизии, тов. Нейман пробился к главным силам дивизии и, вступив в ее командование, решительными действиями вывел ее из затруднительного положения. С этого времени обращает на себя внимание быстрое боевое совершенствование дивизии, причем в дальнейшей Омской операции она уже сыграла наиболее активную и решительную роль. Далее к северу, в районе Кислая, занимала участок 5 дивизия. К северу от нее, до Кургана включительно, имея в своем составе 2 бригаду 21 дивизии, оборонялась 26 дивизия, а еще севернее — 27 дивизия...

Какие же силы были подготовлены 5 армией для перехода в наступление?

35 дивизия была усилена вновь сформированной Степной бригадой, и силы ее были доведены до 6500 штыков и сабель, 5 стрелковая дивизия была доведена

мы назначили начало наступления днем раньше — для того, чтобы вырвать инициативу из рук противника. В это время расположение сторон было следующее: на правом фланге в районе Звериноголовская активно оборонялась 35 стрелковая дивизия. Надо заметить, что эта дивизия, наименее боеспособная из всех частей 5 армии, была весьма сильно потрепана в предшествовавших боях. Для ее укрепления был назначен наиболее смелый и энергичный двадцатидвухлетний командир бригады тов. Нейман. Он прибыл в дивизию, когда эта последняя была одно время окру-

до 4000 штыков и сабель, 26 стрелковая дивизия, включавшая 2 бригаду 21 стрелковой дивизии, имела до 10000 штыков и сабель, 27 дивизия была доведена до 7500 штыков и сабель. Помимо того, была сформирована трехполковая кавалерийская дивизия до 2500 сабель и фронтом были присланы две бригады 54 стрелковой дивизии в 4600 штыков, но при этом было предупреждено, что эта дивизия, как вновь сформированная, совершенно небоеспособна и нуждается еще в длительной подготовке, для того чтобы она смогла вступить в бой.

Силы противника оценивались в это время нами следующим образом: Степная группа, в состав которой входила и партизанская группа ген. Доможирова, насчитывала 7400 штыков и сабель, качество этой группы было наименее значительное; Уральская группа насчитывала до 8500 штыков — это была самая сильная часть 3 армии, отличавшаяся наибольшей боеспособностью и наибольшей численностью; далее — Волжская группа насчитывала 6600 штыков и Уфимская группа 6300 штыков — обе по боеспособности не ниже среднего. Таким образом, главные силы противника группировались против фронта 26 и 27 стрелковых дивизий. С разгромом этой группы мы могли стать хозяевами положения. На этой идее и был построен план наступательной операции 14 октября... Таким образом, наши главные силы были сгруппированы на стыке Уральской и Степной групп и направлялись против Уральской группы, насчитывавшей в своем составе 8500 штыков и сабель. Мы направили против нее 16 500 штыков и сабель, и, кроме того, 4600 человек резерва двигалось в том же направлении. Следовательно, здесь мы имели подавляющее превосходство в силах. 35 стрелковая дивизия численно была слабее Степной группы противника, но качественно могла с нею состязаться. Помимо того, прорыв стыка главными силами должен был облегчить 35 дивизии выполнение поставленной ей задачи. Волжская группа противника с нами связывалась демонстративными действиями. 27 дивизия главными силами должна была атаковать Уфимскую группу. Соединенными ударами нашей главной группировки и 27 дивизии 5 армия надеялась нанести главным силам противника решительное поражение в районе железной дороги Курган — Петропавловск.

Штаб 26 дивизии 5 армии. Во втором ряду (слева направо): четвертый — начдив ЭИХЕ, пятый — командир ГОНЧАРОВ, шестой — начальник оперативного отдела — БАЛИЦКИЙ

Все передвижения были закончены к 13 октября, и 14 с рассветом 5 армия перешла в решительное наступление. Наиболее упорное сопротивление оказала Уральская группа, несмотря на то, что на нее были двинуты наши главные силы. Она упорно оборонялась и несколько раз переходила иногда в успешную контратаку, пока не была окончательно сломлена и принуждена к отступлению. К сожалению, действия нашей вновь сформированной кавалерийской дивизии не носили характера достаточной решительности, благодаря чему кав. дивизия не достигла всех тех результатов, которых она могла достигнуть, если бы вовремя заняла станцию Лебязья, как это ей было приказано общим заданием, — она могла бы захватить штаб 3 армии генерала Сахарова, и тогда разгром его армии принял бы еще более решительный характер. 35 дивизия успешно развила наступление и, несмотря на численное превосходство противника, быстро оттесняла его на восток вдоль Звериноголовского тракта. 27 дивизия, получившая широкий участок, испытывала большие затруднения в форсировании реки Тобола; несколько раз она переходила ее и вновь бывала отброшена контратакой. Наконец, после упорных боев по обе стороны железной дороги главные силы противника были разбиты. Тем временем 35 стрелковая дивизия успела значительно выиграть пространство на нашем правом фланге и тем создать угрозу общей коммуникации 3 белогвардейской армии, которая, получив к этому времени серьезное поражение своих главных сил, начала общее отступление. Тем временем ко 2 бригаде 54 дивизии присоединилась 1 бригада со штабом дивизии. Таким образом наши резервы еще более усилились...

Дальнейшее преследование противника продолжалось безостановочно, причем 35 дивизия развивала предельную энергию, постоянно выигрывая все новое пространство на нашем правом фланге и нависая тем самым над коммуникациями противника.

21 октября, в связи с успешным развитием нашего наступления, 54 стрелковая дивизия была направлена на Звериноголовский тракт для усиления нашего обходного крыла и для обеспечения нашего обходного фланга на случай контрмероприятий противника.

Непрерывное успешное развитие нашего наступления выдвигало задачу отрезать противнику пути отступле-

ния к Петропавловску. Эта задача и была возложена на 35 и 5 стрелковые дивизии и кав. дивизию. 26 дивизия с бригадой 21 дивизии должны были оказать содействие этому общему натиску и двинуться главными силами, в связи с тем, что фронт армии все более суживался, так же к правому флангу для расширения участка нашего наступления и для обхода оборонительных мероприятий противника на реке Ишим в районе Петропавловска.

Таким образом, по мере обхода левого фланга противника и отбрасывания его к северу от железной дороги Курган — Петропавловск, 5 армия совершала последовательный маневр, удлиняя свой правый фланг за счет освобождающихся в центре частей и тем самым создавая обеспечение успеха Ишимского сражения.

Показания захваченных в плен офицеров говорили о том, что на фронте противника паника и что значительная часть его обозов уже отходит на северо-восток, пересекая железную дорогу. С каждым днем создавалось все более определенное впечатление о том, что нанесенное противнику поражение у реки Тобол постепенно, под влиянием нашего неотступного наседания и преследования, превращается в полное разложение его боевых сил. Отсюда возникла идея создания неотступного наседания и постоянного обтекания фланга, чтобы тем самым достигнуть окончательной победы.

27 октября взята была станция Петухово, где были захвачены трофеи частями 5 стрелковой дивизии, чем было внесено еще большее расстройство в общее отступление противника.

29 октября, утром, после упорного боя, 35 дивизия, форсировав реку Ишим, овладела г. Петропавловском. Противник несколько раз переходил в контратаку, но подошедшими силами 27 дивизии положение 35 дивизии было закреплено и противник оттеснен. Переправой же 26 стрелковой дивизии через реку Ишим с юга положение упрочилось окончательно...

Таким образом, первая часть Омской операции была закончена. Армия противника была совершенно небоеспособна, несмотря на то, что на участке нашей 3 армии действия развивались далеко не так блестяще, и хотя противник там и отступал, но больше в силу давления нашей 5 армии с юга. Благодаря этому явилось возможным предположить, что противник сможет перегруппи-

ровать часть своих сил на направление Петропавловск — Омск. Расчеты же показали, что такую перегруппировку противник намеревался сделать в районе станции Иссиль-Куль 9-10 ноября. Отсюда становилось совершенно ясным, что для полного уничтожения армии Колчака необходимо еще новое напряженное и непрерывное дальнейшее наступление. Между тем войска настолько переутомились, что все командиры дивизий, собравшиеся в полевом штабе армии в городе Петропавловске, докладывали о необходимости приостановки наступления и предоставления частям хотя бы нескольких дней отдыха. Обстановка не позволяла на это согласиться, и наступление пришлось продолжать непрерывно. Высокий героический порыв, охвативший наши войска, вследствие стремительно следовавших один за другим успехов, позволил им выполнить поставленную задачу. Задача эта сводилась к тому, чтобы 8 числа уже занять станцию Иссиль-Куль, т. е. предупредить здесь возможное сосредоточение противника. 26 стрелковая и кав. дивизии наступали степями южнее железной дороги, глубоко охватывая левый фланг противника. Наступление развивалось успешно. Противник не мог оказывать достаточного сопротивления, лишь в районе железной дороги он упорно и ожесточенно оборонялся. 54 стрелковой дивизии была поставлена задача произвести широкую стратегическую разведку пехотными частями на подводах в направлении Кокчетав — Атбасарск с целью занятия этого района главными силами дивизии и обеспечения, таким образом, правого фланга 5 армии. Этот опыт со стратегической разведкой пехоты дал блестящие результаты. Было выяснено, что в районе Кокчетав — Атбасарск были казачьи части, которые ушли в Акмолинск, и этот район был занят славной и теперь уже боеспособной 54 дивизией.

В этот момент произошли новые разногласия между 5 армией и Восточным фронтом. В то время как 5 армия двигала кавалерийскую дивизию в Омском направлении, не считая своего фланга со стороны Кокчетав не обеспеченным и надеясь при этом нанести противнику в районе Омска серьезное поражение путем перерыва железной дороги в районе между Омском и Татарском, — командование Восточным фронтом считало правый фланг армии, а тем самым и правый фланг Восточного фронта необеспеченным и потребовало кавалерийскую

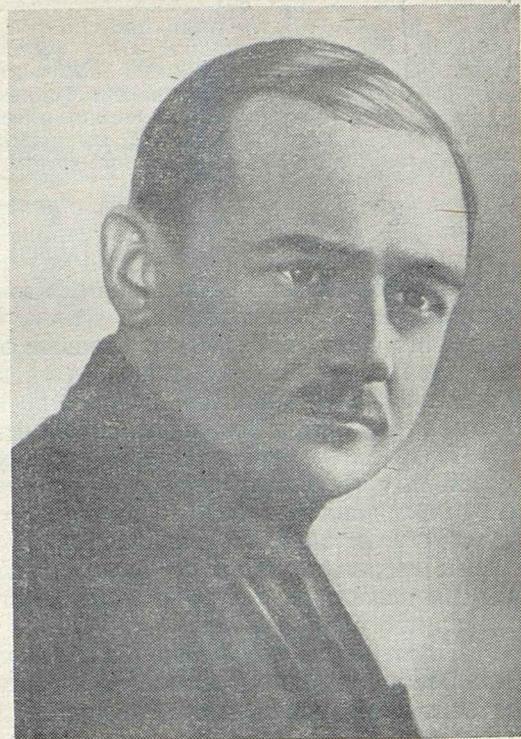
дивизию повернуть с полпути до Омска назад на Кокчетавское направление. Несмотря на самые энергичные протесты, приказ был категорически подтвержден. Кав. дивизия была снята с Омского направления и не смогла оказать здесь той помощи, которая с ее стороны впоследствии была так необходима. На Кокчетавском же направлении никакой положительной роли она не сыграла, так как с этой стороны фактически никакой опасности не угрожало.

После занятия станции Иссиль-Куль наступление продолжалось так же стремительно. Противник не мог восстановить своего фронта, а тем самым и своего положения. На плечах разбитой 3 белой армии мы продолжали наше движение на Омск.

14 ноября, после жестоких боев на окраинах Омска, белые были разбиты, и этот момент надо считать окончанием организованного состояния колчаковской армии...

С 14 октября по 14 ноября, за 30 дней операции части 5 армии прошли с непрерывными боями и форсированием двух крупных рек свыше 600 верст, т. е. по 20 верст в среднем в сутки,— скорость наступления рекордная.

Во время Омской операции нами была захвачена масса пленных. Однако неорганизованность нашего тыла, объяснявшаяся паралитическим состоянием железных дорог, не позволяла нам этих военнопленных вывозить в тыл, и они тут же распускались по домам. Очень многие, насильно мобилизованные Колчаком, крестьяне сдавались нам и поступали в ряды Красной Армии. Таким образом, положение было таково, что не только наступала Красная Армия, но наступало и все сибирское крестьянство. Если же учесть те десятки тысяч партизан, которые действовали в тылу Колчака, то эта картина станет еще более яркой. Поражение самой сильной и наиболее организованной контрреволюции на Востоке — ликвидация Колчака — являет собою одну из успешных маневренных операций, сопровождаемых социальным походом сибирского крестьянства против белогвардейщины под организующим началом Красной Армии.

Г. Эйхе

РАЗГРОМ ВОЙСК КОЛЧАКА

Эйхе Генрих Христофорович (1893—1968 гг.). Родился в Риге. Из рабочих. В армию призван в 1914 г., служил в 186 Асландузском запасном полку в Саратове. В 1915 г. окончил школу прапорщиков в Старом Петергофе и был направлен на Западный фронт. Штабс-капитан.

После Февральской революции — член полкового комитета, после Октябрьской — председатель Военно-революционного комитета полка, член Военно-революционного комитета 10 армии. В марте 1918 г. сформировал 1 Революционный пехотный полк в Гжатске, был его командиром. В конце лета убыл на Восточный фронт под Казань. Командовал в 5 армии полком, затем бригадой, с середины апреля 1919 г. — начальник 26 дивизии.

С ноября 1919 г. — командарм 5.

В феврале 1920 г. ЦК РКП(б) направил на работу по форми-

рованию вооруженных сил Дальневосточной Республики. С марта 1920 г. по май 1921 г. — главнокомандующий вооруженными силами ДВР. Руководил разгромом войск атамана Семенова. С сентября 1921 г. командовал войсками Минского района. В апреле — сентябре 1922 г. воевал с басмачами в Ферганской области.

Затем служил в учреждениях системы внешней торговли.

За форсирование реки Белой награжден орденом Красного Знамени, за бои на Урале — золотыми часами ВЦИК.

★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★

Заседание Реввоенсовета армии закончилось на этот раз необыкновенно быстро...

В тот день, с которого я начал эти воспоминания, предстояло рассмотреть только один вопрос: о срочном выезде группы яленов РВС армии во главе с командармом на фронт под Новониколаевск (ныне Новосибирск)...

Но недолго довелось нашему поезду следовать по экстренному графику. Уже на третьей сотне километров от Омска движение было возможно только по одной колее. Другая оказалась забитой эшелонами, в которых белые пытались удрать от 5 армии и увезти награбленные ценности, но с приближением наших сил бросили все на произвол судьбы.

Движение по единственной колее шло очень медленно. Все время нам попадались встречные поезда — ремонтно-восстановительные, угольные, маневровые паровозы — и их приходилось пропускать вне всяких графиков.

Когда же мы добрались, наконец, до большой деповской станции Чулым, выяснилось, что дальше вообще наш «экстренный» следовать не может. От Чулыма и до самого Новониколаевска на обеих колеях стояла сплошная лента уткнувшихся один другому в хвост колчаковских эшелонов — замороженных, занесенных снегом...

Оставалось одно: высадиться из вагонов и попытаться добраться до Новониколаевска единственно возможным способом — в сибирских розвальнях, запряженных парой низкорослых лошадок, которые, пусть им снег будет по брюхо и пусть кругом будет не видно ни зги, найдут дорогу в самую злую пургу за десятки километров от села...

Так и было сделано. Как сегодня вижу широкие розвальни с сеном, в которых нам предстояло проехать

этакий, по сибирским понятиям, «пустячок» — какие-нибудь 90—100 километров. Снабдили меня и других членов РВС тулупами... Надо отдать должное коменданту станции: лошадок и ямщиков подобрал, он крепких и надежных во всех отношениях.

Наш санный путь пролегал, можно сказать, рядышком с рельсовым. Сбиться с этого пути не было никакой возможности. Двадцать с лишним тысяч вагонов и платформ и свыше 300 паровозов вытянулись в одну беспрерывную двойную (по обоим колеям) ленту.

В начале пути я несколько раз останавливал свои розвальни, чтобы подойти к какому-нибудь эшелону и осмотреть его. Тягостное впечатление производили стоящие в снежной степи теплушки. В них царили следы поспешного бегства — всюду были брошенные вещи, а в некоторых обнаруживалось самое страшное: штабелями, один на другом, лежали трупы людей...

Теплушки-мертвецкие встречались не во всех эшелонах из тех сотен, что застыли в степи от Чулыма до Новониколаевска, но и без них впечатление было потрясающим. Во всей наготе представала картина этого «последнего парада» безумия, озверения и безнадежности колчаковщины.

В составе поездов было множество платформ, на которых увозились машины и оборудование с уральских заводов и фабрик. Уже почти полгода передвигались эти эшелоны с одной станции на другую, из одного тупика в другой... Все дальше на восток от Урала. Куда и для чего? Ведь не было у колчаковцев никаких перспектив вернуть машины и оборудование на свои старые места или вообще «пустить в дело».

Эвакуация крупных городов Урала и Сибири ставкой Колчака была начата в июле 1919 г. и сразу же привела к закупорке отдельных участков Транссибирской магистрали. Колчак принял, казалось, энергичные меры: начальник военных сообщений был отдан под суд, был назначен генерал-директор, чьи распоряжения обязательны для военных и гражданских ведомств и для лиц всех рангов и чинов. Но и это не помогло.

Само по себе решение увезти от победоносно наступающей Красной Армии все ценное, не говоря уже о колоссальных складах с военным имуществом, произвести эвакуацию многих тыловых учреждений, начиная от министерств и кончая типографиями, с их работника-

ми, чадами и домочадцами,— само это решение означало движение с запада на восток сотен и сотен эшелонов в условиях весьма недостаточной пропускной способности магистрали. Не меньшим было движение и в обратную сторону для подвоза всего необходимого фронта: хлеба — городам, угля — паровозам.

Но вопрос был не только в том, что ежедневно сталкивались два встречных потока эшелонов на технически слабой магистрали, не подготовленной и не обеспеченной для пропуска такой массы поездов. Большую роль в расстройстве транспорта сыграли действия руководимых большевистскими подпольными организациями сибирских партизан и рабочих-железнодорожников, находивших возможность всячески тормозить эвакуацию, срывать графики, выводить из строя паровозы, задерживать срочные угольки и так далее. Суровая зима также делала свое дело.

Все это не было, конечно, секретом для руководителей «колчакии». Их планы эвакуации — с военной точки зрения — были преступлением. Хаос и стихия, вызванные «эвакуацией», были не только причиной потери белыми колоссальных ценностей и бесцельной гибели тысяч людей, но, в известной мере, и провала всего плана перебазирования сил на восток от Байкала.

Провал предпринятой уже в октябре 1919 г. попытки перебросить по железной дороге снятую с фронта 1 Сибирскую армию генерала Пепеляева в глубокий тыл должен был послужить грозным предостережением штабу и правительству Колчака, но этого не произошло.

Вкратце говоря, дело с переброской названной армии обстояло следующим образом. В середине октября, когда колчаковскому командованию стало бесспорно ясным, что приостановить начавшееся успешное контрнаступление Красной Армии ни на Тоболе, ни на Ишиме не удастся, в Омске было принято целесообразное, с военной точки зрения, решение: отказаться от обороны Омска, оставить на фронте только две полевые армии, а третью (генерала Пепеляева) сосредоточить срочно в районе Томск — Тайга — Красноярск. Здесь дать ей отдохнуть, пополнить свежими силами, вооружить и обмундировать по-зимнему и, таким образом, получить в глубоком тылу, в районе, выгодном для стратегической обороны, весьма солидный по количеству и весьма ценный по боевому опыту кулак-резерв.

Предстояло перебросить до 60 тысяч человек, в том числе и армейские тылы. Но план этот выполнить не удалось.

Создав «эвакуацией» заторы из сотен и сотен эшелонов, колчаковцы сами лишили себя возможности выиграть время для отдыха и реорганизации снятой с фронта армии.

Дело кончилось тем, что по занесенным глубоким снегом дорогам отступали, чертыхаясь и проклиная высокое начальство, уставшие от многомесячных боев и маршей солдаты, а рядом с этой гонимой войсками Красной Армии массой, теряющей все больше и больше людей, тянулись бесконечные эшелоны брошенных вагонов и паровозов, половины которых было бы более чем достаточно для переброски основных кадров армии.

На пути к Новониколаевску авангардные дивизии 5 армии встречали все еще упорное сопротивление врага. Пытаясь задержать наше наступление, арьергардные дивизии белых часто переходили в контратаки. В ожесточенных боях 2 декабря 1919 г. в районе г. Каинска (ныне г. Куйбышев Новосибирской области), затем 6 декабря в районе станции и села Убинское и 11 декабря под станцией Дуплинской героические полки пятой решили судьбу Новониколаевска. Город был освобожден от белых 14 декабря 1919 г. после многочасового боя.

Было уже далеко за полночь, когда мы въехали в темный, спавший глубоким сном после недавних боев Новониколаевск...

В те несколько дней, что пришлось провести нам в Новониколаевске, мы были с самого раннего утра и до поздней ночи заняты рассмотрением и решением самых различных дел и вопросов.

Одним из первоочередных был вопрос о создании гражданской власти в освобожденном от врага городе и районе. Конкретно, дело сводилось к образованию ревкома, который и должен был руководить освобожденной территорией впредь до того, как будут избраны Советы...

Другим весьма срочным и сложным был вопрос о пленных колчаковцах. Общее число пленных после падения белого Омска и до выхода соединений армии на рубеж Семипалатинск — Усть-Каменогорск — Бийск — Новониколаевск — Колывань превышало уже сто тысяч.

Самым простым решением было бы отправить всю эту массу в глубокий тыл, но это оказалось практически невозможным. Железная дорога была перегружена перевозками 5 армии, срочной отправкой продовольствия в центр и военных грузов (из захваченных трофеев) на другие фронты. По нарядам центра и во исполнение личных указаний В. И. Ленина 5 армия отправила около 250 эшелонов с такого рода срочными грузами.

Надо было безотлагательно рассортировать пленных, отделив офицерский состав от солдат, взяв под стражу ту часть из сдавшихся, чьи преступные действия были уже известны. Всю остальную массу пленных надо было собрать в определенные пункты и не только держать их в наспех созданных лагерях, но и обеспечить продовольствием, топливом, медицинской помощью. Среди пленных находились тысячи раненых, больных тифом...

В Новониколаевске были обнаружены во многих местах трупы зверски убитых белогвардейцами красноармейцев и сторонников Советской власти. Перед тем, как их захоронить, наши представители осмотрели эти жертвы белого террора и составили акт. При осмотре присутствовали и акт подписали шесть взятых в плен иностранцев, в том числе четверо английских офицеров...

Французский генерал Жаннен, занимавший в те годы официальную должность главнокомандующего всеми союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке и числившийся заместителем самого Колчака, пытался отрицать факты зверств колчаковцев и интервентов. Как и многие другие видные участники интервенции, Жаннен по возвращении во Францию опубликовал воспоминания под названием «Моя миссия в Сибири». В этом «опусе» Жаннен неоднократно упоминает «большевистского генерала Эверта» — якобы командующего войсками Красной Армии в Сибири. Взятых в плен белогвардейских офицеров Эверт, по словам Жаннена, отпускал, не подвергая никаким репрессиям, и направлял их в Иркутск для агитации среди колчаковских войск.

Конечно, никакого «большевистского генерала Эверта» не было не только во главе 5 армии, но и вообще в советских войсках в Сибири. Все это отлично знали и белогвардейцы и сам Жаннен...

Пошел на такую выдумку Жаннен не от хорошей,

как говорится, жизни. Занимая во время первой мировой войны пост главы французской военной миссии при ставке русской армии в Могилеве, он, несомненно, встречался там и с генерал-адъютантом Эвертом — главнокомандующим войсками Западного фронта. Конечно, у Жаннена и не могла возникнуть мысль, что монархист и царский генерал-адъютант перейдет на службу к большевикам. Но ведь надо было как-то объяснить успехи Красной Армии в военных действиях против Колчака и интервентов. Не признать же, в самом деле, что русские генералы и он сам — Жаннен, французский генерал-академик, терпят поражение за поражением от каких-то там безвестных бывших поручиков и штабс-капитанов — Тухачевского, Эйхе и других...

Выдумка мало помогла Жаннену. Руководители империалистической Франции нашли для себя более выгодным объявить Жаннена виновником провала интервенции и гибели самого Колчака.

Новониколаевская операция 5 дважды Краснознаменной армии получила высокую оценку В. И. Ленина.

«Мы знаем, — говорил Владимир Ильич, — что теперь, когда окончательно разгромлены войска Колчака, когда недавно восстания в Сибири, по всей видимости, лишили возможности остатки колчаковской армии перебросить к Деникину, когда под Новониколаевском были захвачены громадные военные силы, — видимо, никакой колчаковской армии нет»¹.

Реввоенсовет 5 армии телеграммой от 19 декабря 1919 г. доносил лично В. И. Ленину о захваченных в ходе Новониколаевской операции трофеях. Они были огромны — свыше ста орудий, вагоны с пулеметами, бомбометами, минометами, несколько бронепоездов, самолеты, 200 автомашин, целые эшелоны с боеприпасами, заводским оборудованием и т. д.

Но основной успех был не в захвате трофеев. За время операции только одной 27 Краснознаменной Омской дивизией было взято в плен свыше 29 000 солдат, около 1500 офицеров и 30 генералов, причем из частей полевых армий Колчака, а не тыловых гарнизонов, как это было под Омском.

Под Новониколаевском была разгромлена крупная группировка белой армии. В этом именно был основ-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 29.

ной наш успех: героические полки 5 армии, безостановочно продолжая стремительное наступление, начатое 15 октября на Тоболе, настигли под Новониколаевском главные силы белых и сокрушительными ударами опрокинули и частично пленили их. Тем самым был сорван план Колчака: задержать 5 армию на рубеже Оби, чтобы дать возможность белой армии втянуться в дефиле (узкий проход), начинающееся в районе станции Тайга и образуемое горными массивами Алтая — Саян с юга и тайгой — с севера. Здесь фронт белых сокращался бы сразу настолько, что можно было отвести большую часть сил в тыл, создав для его защиты глубоко эшелонированную группировку. Если при этом учесть, что в районе дефиле находилось еще несколько десятков тысяч войск интервентов и через район пролегла (с разветвлениями) железная дорога, на которой действовало шесть вражеских бронепоездов, то следует признать, что план противника был задуман удачно, и перед нашими войсками встала бы трудная и сложная задача — пробивать лобовыми атаками хорошо защищенную узкую полосу фронта противника.

Однако выполнить этот план Колчаку не удалось. Решающую роль в этом сыграла Новониколаевская операция 5 армии. Разгром здесь сильной колчаковской группировки означал серьезный и глубокий прорыв фронта врага на участке его 3 армии, главной задачей которой как раз и было прикрыть перегруппировку и втягивание в дефиле войск двух остальных полевых армий белых.

К тому же победа в районе Новониколаевска ускорила начало подготовленного и возглавляемого большевиками восстания рабочих и значительной части гарнизона Томска, что привело к расколу среди белых войск и к бегству остатков армии генерала Пепеляева 18 декабря 1919 г.

В эти именно дни начались ожесточенные бои в полосе Сибирской железнодорожной магистрали в районе станции Тайга. Большую помощь в боях за поселок и станцию Тайга нашим дивизиям оказали рабочие Тайги. Подняв восстание, они нанесли серьезные удары по тылу врага. Здесь путь 5 армии преграждали арьергардные дивизии интервентов. Казалось, надежды колчаковцев столкнуть нас с интервентами все-таки сбываются.

Но оказалось, что главком войск интервентов Жан-

нен «просчитался» и запоздал с началом эвакуации на восток подчиненных ему войск. Теперь эти войска, прикрываясь государственными флагами держав Антанты, пытались всеми мерами помочь колчаковцам уйти от наших ударов.

Разгром корпуса интервентов был молниеносным и сокрушительным. Интервентам пришлось в полной мере испытать на себе высокий уровень военного мастерства регулярных полков 5 армии и беззаветное мужество и героизм массы краноармейцев. Интервенты в первых же боях потеряли около 15 000 убитыми, ранеными и пленными. Командование корпуса с санкции Жаннена приняло ультиматум Реввоенсовета пятой: прекратить военные действия и оказание помощи белым, выдать Колчака и вернуть, захваченные летом 1918 г. в Казани, 60 тысяч пудов золота и серебра, — но сдать оружие отказать.

По указаниям В. И. Ленина Реввоенсовет армии заключил 7 февраля 1920 г. соглашение о порядке эвакуации иностранного корпуса через Владивосток.

Разгром и ликвидация колчаковщины означали окончательное поражение антисоветской политики Антанты на Востоке России. Победа над Колчаком — самым сильным из всех белогвардейских «вождей» — показала всему миру крепость Советской власти и несокрушимую силу созданной в огне боев и сражений Красной Армии; к лучшему изменилось положение внутри Советской республики, сильно вырос ее международный авторитет.

Массы трудящихся Сибири, оказавшие по призыву и под руководством подпольных большевистских организаций неоценимую помощь Красной Армии, получили возможность приступить к строительству новой жизни, прерванной вероломным нападением интервентов и белых летом 1918 г.

НЕ БОГИ ГОРШКИ ОБЖИГАЮТ

Чуйков Василий Иванович (1900—1982 гг.). Маршал Советского Союза. Член Коммунистической партии с 1919 г. Из крестьян. В 1917 г. — красногвардеец в учебном минном отряде в Кронштадте.

С апреля 1918 г. — в Красной Армии, участвовал в подавлении левозсеровского мятежа в Москве. С лета 1918 г. — помощник командира роты, участвовал в боях с белоказаками на Южном фронте, затем помощник командира 40 полка 5 дивизии на Восточном фронте.

С весны 1919 г. командир 43 полка 5 дивизии. Участвовал в освобождении Урала и Сибири. За бои в ноябре 1919 г. с колчаковцами награжден орденом Красного Знамени.

В 1920 г. участвовал в советско-польской войне. За бои у г. Лепель вторично награжден орденом Красного Знамени.

После войны на командных должностях. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В Великую Отечественную войну командовал рядом армий. В дальнейшем главнокомандующий сухопутными войсками и заместитель министра обороны. Дважды Герой Советского Союза (1944 и 1945 гг.). Депутат Верховного Совета СССР. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1952—1961 гг., с 1961 г. член ЦК КПСС.

Похоронен в Волгограде на Мамаевом кургане.

После челябинского сражения разбитые части Колчака без боя отступали за реку Тобол такими темпами, что догнать их было трудно.

...За заслуги в предыдущих боях 43 стрелковый полк был награжден Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Почетным революционным Красным Знаменем.

Вскоре прибыл новый комиссар — Юсупов П. С., бывший рабочий Бондюжского завода. Он был старше меня лет на пятнадцать, обладал хорошими организаторскими способностями, но совершенно не знал военного дела. Он сразу так и заявил:

— Ты, командир, командуй, а я буду обеспечивать политическую линию.

Его откровенность пришлась мне по душе.

...После Урала перед нами открылись равнинные просторы Сибири.

Отступая за Тобол, Колчак пополнял свои войска за

счет зажиточного населения городов и казачества, которое, по его расчетам, должно было стойко сражаться с Красной Армией.

В указе Колчака отмечалось, что из сельского населения мобилизации подлежат лица, которые имеют собственную землю — не менее 50 десятин.

Духовенство Сибири всеми силами поддерживало власть Колчака. Особое старание было проявлено архиепископом Омским — Селиверстом. Организованные по его инициативе крестные ходы, «дни молитвы и покаяния», молебны «о даровании победы», религиозные воззвания, газетные статьи и брошюры — все было поднято на борьбу против наступающей Красной Армии. Колчаку удалось успешно провести мобилизацию среди казаков, из которых был сформирован корпус в пятнадцать полков. Они были до зубов вооружены за счет Америки, Англии, Франции и Японии — от винтовок до аэропланов.

Полки Красной Армии, пройдя с боями около 1000 километров, устали, обносились. Ощущалась острая нехватка боеприпасов, особенно снарядов. Достаточно красноречивой характеристикой создавшегося положения может служить хотя бы такой факт: фронт запросил из центра 40 тысяч пар лаптей и портянок.

Продовольственное снабжение осуществлялось за счет населения, которое было всецело на стороне Красной Армии.

После взятия Екатеринбурга и Челябинска Восточный фронт был реорганизован. Образовалось два фронта: Туркестанский — под командованием М. В. Фрунзе в составе 1 и 4 армий; Восточный — под командованием В. А. Ольдерогге в составе 5 и 3 армий. 2 армия была передислоцирована на Южный фронт. С ней ушла 28 дивизия Азина, 7 и часть 21 стрелковой дивизии.

Переброска дивизий на Южный фронт диктовалась тем, что армия Деникина угрожала Москве.

Восточный фронт стал получать намного меньше снаряжения и боеприпасов, о продовольствии и говорить не приходилось. И все-таки моральный дух наших красноармейцев был настолько высок, что мы продолжали наступление на восток. Полки шли вперед с лозунгом:

— Даешь Сибирь!..

Ворота Сибири — Курган. В эти ворота влетела и

повернула на север к Белозерску красная конница под командованием славного предводителя кавалеристов Томина. Он повел свои эскадроны вдоль западного берега Тобола, чтобы переправиться на восточный, так как в этом районе противник, заняв заранее подготовленные позиции, решил любой ценой выиграть время для реорганизации и пополнения своих дивизий, разбитых на Урале.

Вслед за конницей в Курган вошли мы.

В тот же день выслали разведку. На противоположном берегу Тобола перед опушкой леса она была встречена организованным огнем. Мне стало ясно, что противник не оставил выгодных позиций перед городом. Нашим войскам предстояла задача — с боем форсировать Тобол. На всякий случай я в тот же день сам выехал на разведку противоположного берега, переправившись через реку вброд несколько южнее города. Сведения разведчиков и мои предположения подтвердились — здесь противник и не думал отходить.

Согласно приказу начдива находящийся в полку Строганов (комбриг 3.— *Сост.*) распорядился: 45 и 44 полкам оседлать железную дорогу Курган — Петропавловск и подготовиться к форсированию Тобола, а 43 отойти на юг с задачей — форсировать Тобол и наступать правее железной дороги на станцию Варгаши.

После короткого отдыха полк без боя переправился через Тобол, но развить наступление не смог: на этом участке наш путь перерезали протоки и старицы с топкими берегами. И как назло, кончились топографические карты. Сколько этих протоков и стариц, как они выются — никто не мог сказать. Попытался сам с конными разведчиками найти выход из этого лабиринта, но попытка не дала результатов. На восточной кайме поймы перед протокой нарвались на засаду, потеряли двух разведчиков, а подо мной была убита лошадь. Запутавшись ногами в стремених упавшего в топкую грязь коня, я чуть не застрял тут надолго, но меня выдернул из этой ловушки Яков Бердников...

Полк остановился, и я вынужден был донести в штаб бригады о том, что наступать на этом участке не могу.

На следующий день рано утром я с ординарцем и двумя разведчиками выехал в Курган в штаб дивизии. Подъезжая к городу, мы услышали артиллерийскую, а

затем частую ружейно-пулеметную стрельбу у железнодорожного моста. Я понял, что это было наступление моих соседей, и решил посмотреть, как они действуют.

На северо-восточной окраине Кургана находился командный пункт Строганова и командиров полков.

Несколько дальше, на север от Кургана, также слышалась стрельба. Там сражалась 13 бригада нашей дивизии под командованием А. А. Сазонтова.

Было около восьми часов утра. Артиллерия противника, а также бронепоезд и пулеметы наносили чувствительные потери нашим войскам. Каждая попытка переправиться через реку Тобол около железнодорожного моста срывалась.

Присмотревшись к обстановке и осмыслив происходящие события, я пришел к комбригу, у которого в этот момент находились командиры полков, и сказал:

— Такая организация наступления ничего, кроме жертв, не принесет...

Молодости свойственна прямота и непосредственность. Но такой дерзости не ждали от меня ни командир бригады, ни командиры полков, которые по всем статьям имели право смотреть на меня, как на школьника. Ведь все они кадровые офицеры.

— А что ты предлагаешь? — спросил меня Строганов, не сумев скрыть возмущения в голосе.

— Противник пристрелял каждый кустик и каждую кочку. У него здесь сосредоточены основные огневые средства. Если мы не подавим их артиллерией, толку не будет. Кроме того, наступать в светлое время нельзя...

В заключение я сказал комбригу, что если он разрешит мне, то завтра мой полк к обеду форсирует Тобол южнее и, захватив противоположный берег с лесным массивом, прорвет фронт обороны противника.

Такая самоуверенность обидела старших товарищей. Это было видно по их лицам. Находившийся тут же на командном пункте комиссар бригады Горячкин в разговор не вступил. Но когда я, распрощавшись, поехал в штаб дивизии, он нагнал меня и с упреком спросил:

— Зачем ты обидел наших командиров? Что они, не хотят разбить противника?

Я запальчиво ответил:

— Одного желанья еще мало... Мне жаль людей наших. Зачем их губить напрасно?

— Хорошо,— понимающе сказал он.— Значит, ты не отказываешься от своих слов, что завтра разобьешь противника, форсируешь Тобол и выйдешь на восточную окраину лесов?

Прикинув еще раз в уме то, что созрело перед разговором с комбригом, я ответил, что словами не бросаю, а как коммунист за победу ручаюсь, если разрешат мне действовать здесь по-своему.

Горячкин больше меня ни о чем не спрашивал. Мы вместе подъехали к штабу дивизии. Я пошел к начдиву, а он — в политотдел.

Начдив Карпов встретил меня приветливо — на этот раз я явился к нему одетым по форме. Он расспрашивал о боевой обстановке, которая сложилась на участке полка. Я доложил все по порядку и откровенно.

В кабинет вошел комиссар дивизии Габишев, за ним — Горячкин. Поздоровавшись со мной, Габишев спросил:

— Какой план форсирования Тобола и разгрома противника ты предлагаешь?

Я понял, что Горячкин доложил Габишеву о моем предложении.

Карпову и Габишеву было известно, что за два дня боя полки бригад Сазонтова и Строганова успеха не имели и понесли немалые потери. Начдив сразу заинтересовался этим вопросом. Мне пришлось повторить все то, что я сказал командиру бригады Строганову.

Карпов назвал мое предложение несерьезным, заметив, что я слишком переоцениваю себя и свой полк. На этом, казалось бы, разговор должен был закончиться, но тут снова вмешался Габишев. Он поставил перед Карповым, как говорят, вопрос ребром:

— Почему бы не разрешить Чуйкову наступать в том месте, где он сам напрашивается?

После короткого разговора Карпов под нажимом комиссара согласился с моим предложением. И, вручив мне награду — именные золотые часы — от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, спросил, что мне нужно и чем помочь полку в выполнении такого дерзкого решения.

— Сейчас же приостановить наступление на всем участке дивизии,— сказал я.— Артиллерия должна прекратить огонь, поступить в мое распоряжение и вести огонь только по моей команде. К вечеру дать связь от

артиллерии на мой командный пункт — на южную окраину Кургана. И там же быть начальнику артиллерии дивизии. Другие полки нашей бригады должны быть готовы к развитию успеха и расширению прорыва с утра завтрашнего дня...

Карпов сию же минуту приказал начальнику штаба отдать соответствующие распоряжения. А затем все же поинтересовался, когда я начну наступление. Мне трудно было указать точно, в какие часы начнется дело, и я ответил неопределенно: намерен наступать если не ночью, то на рассвете следующего дня. К обеду обещаю выполнить поставленную задачу...

Когда я уходил от начдива, меня перехватили два комиссара — Габишев и Горячкин — и пригласили в политотдел дивизии. Они, будто сговорившись, спросили: можно ли надеяться, что взятая мною на себя задача будет выполнена?

Я почувствовал их товарищескую тревогу за меня. И ответил, что это решение мною обдуманно, и просил меня не задерживать: времени для подготовки осталось мало. Что касается успеха, то завтра будет все ясно...

С узла связи штаба дивизии я передал своему заместителю Бухаркину приказание: снять полк с занимаемого участка и к 12 часам ночи привести его на южную окраину Кургана, а штаб полка немедленно выслать туда же с командой конных и пеших разведчиков и двумя станковыми пулеметами.

В основе замысла — внезапность. Поэтому я потребовал прекратить атаки и артиллерийскую стрельбу, чтобы противник убедился, что мы выдохлись и больше не можем наступать в этом районе. Теперь мне нужны были наиболее свежие данные о белых. Их я решил добыть сам, конечно, не силой, а хитростью.

У южной окраины Кургана на Тоболе я знал один конный брод, через который переправлялся сам в день взятия города. У этого единственного брода было решено организовать командный пункт полка.

Сюда был вызван начальник артиллерии дивизии Касимов. Ему была поставлена задача — подготовить огонь артиллерии, главным образом на флангах наступления полка, и не допустить безнаказанного маневрирования по железной дороге вражеских бронепоездов.

Касимов — пожилой, хорошо знающий свое дело артиллерист, — не обиделся, что ему ставит боевую

задачу молодой, безусый командир. Он воспринял мой указание как приказ и обещал лично управлять огнем артиллерии в предстоящем бою.

Прибыли команды конной и пешей разведки, с ними — моя повозка. Я переоделся в форму белогвардейского подпоручика, ординарца нарядили ефрейтором. Таким обмундированием запаслись наши разведчики при разгроме колчаковцев под Русской Караболкой. Таким образом, конные разведчики с двумя пулеметами, вместе с «подпоручиком» переправились через Тобол. Пешую разведку я также подтянул к переправе.

В трех километрах восточнее Тобола, в кустах между двумя старицами, конная разведка спешилась.

Вместе с ординарцем Петром Якушевым пробрались по высохшей протоке — и ложиной к окопам белогвардейцев. Не доезжая метров трехсот, я, притворившись пьяным, разносил Петра за то, что он плохо вычистил мою лошадь. С криком и бранью мы перескочили окопы, которые тянулись по западной опушке леса, и оказались в тылу противника.

Ординарец, как было условлено, на мои ругательства только подскакивал в седле и повторял: «Так точно, ваше благородие». Два раза я хлестнул его плеткой на виду у белогвардейских солдат. Тем самым была создана полная иллюзия, что едет офицер со своим ординарцем. Офицеров в окопах противника не было, а унтеры и солдаты и думать не смели, чтобы спросить о чем-либо разгневанного офицера.

Так мы проехали по опушке леса около четырех километров, рассмотрели позиции врагов на всем участке почти до самой железной дороги. Затем повернули обратно и... к своим.

Этой разведкой было определено все, что требовалось для наступления: точное расположение позиций противника, места переправы через Тобол, скрытые подходы к окопам и выгодный рубеж для развертывания наших войск, поведение вражеских солдат и офицеров. Разведчики с пулеметами остались между двумя старицами, а коноводы с конями (около 40 коней) были сосредоточены около брода. Ординарец и я, переодевшись, выехали навстречу полку, который подходил к городу с юга.

Закончившаяся разведка еще более укрепила мою уверенность в успехе. Мне было известно, что в Кургане

белогвардейцы разграбили винокуренный завод. Не сомневался, что офицеры увлекутся дармовым спиртным. Когда я проезжал с ординарцем по окопам противника, притворившись пьяным, мое поведение солдаты воспринимали как должное явление. Они прятались в окопы, избегая встречи с пьяными офицерами. А ночью, думал я, и солдаты выпьют... Это было именно то, что нужно для внезапного удара.

Встретив батальоны полка километрах в пяти южнее города, я остановил их на большой привал, чтобы накормить бойцов, а командиров и политработников пригласил на совещание. Совещание длилось недолго. После короткой информации об обстановке на фронте и результатах сегодняшней разведки я изложил план предстоящего наступления. Убедившись, что командиры и политработники правильно поняли мой замысел и порядок его выполнения, я отпустил их в подразделения для подготовки.

Перед заходом солнца полк начал переправляться через Тобол. К часу ночи первый и третий батальоны уже ступили на противоположный берег, без единого выстрела и без каких бы то ни было помех. Эти два батальона были выведены и развернуты на плацдарме в первом эшелоне наступления. Второй батальон во главе с моим помощником Бухаркиным я оставил в резерве.

Развернув первый и третий батальоны в цепь, мы около двух часов подбирались к окопам противника. Комиссар Юсупов и я находились на стыке батальонов. Шли тихо, команды подавались шепотом, затем с наступлением рассвета ползли по-пластунски, прижимаясь плотнее к росистой луговой траве. Перед атакой минут пятнадцать лежали, отдыхали и наблюдали за окопами противника. Они стали отчетливо видны.

— Встать! За мной, вперед!.. — тихим голосом передал я по цепи.

Поднялся комиссар. Я рядом с ним. За нами поднялись все как один — и вперед. Кто-то справа не вытерпел, крикнул:

— Ура!..

И все бросились в атаку. Через одну-две минуты мы уже стояли на брустверах окопов, направив оружие на ошеломленных солдат и офицеров. Они подняли руки.

Обезоружив белогвардейцев и направив их в тыл,

мы продолжали идти вперед. Первый батальон прорвался через лес к разъезду Утяк. Третий развернулся на северо-восток для расширения прорыва.

У железной дороги наши роты встретили упорное сопротивление. Только тут я подал команду артиллеристам открыть огонь. С востока подошел вражеский бронепоезд. Он был встречен огнем нашей артиллерии и тут же ушел к станции Варгаши.

К десяти часам утра полк вышел на восточную опушку леса, прорвал глубокую оборону противника, пройдя с боем около 15 километров. Вслед за нами перешли в наступление остальные части нашей бригады.

К полудню дали связь. Позвонил начдив Карпов. Он поставил мне новую задачу — наступать в северо-восточном направлении на село Барашково. Я попытался объяснить, что люди не спали, устали, им надо отдохнуть. Начдив прервал меня:

— Надеюсь, 43 полк также блестяще выполнит новую задачу и тем самым окажет помощь другим полкам дивизии, которые в ней так нуждаются.— И тут же, как бы между прочим, добавил: — 43 полк представляю к правительственной награде.

В этом бою мы захватили более 500 пленных и три пулемета.

Прорыв и дальнейшее наступление нашей дивизии слились с общим наступлением войск 5 армии. Противник, потеряв выгодную позицию на реке Тобол, начал отход на восток.

Для меня этот бой послужил экзаменом на право принимать самостоятельные, дерзкие решения. В бою осмысленная дерзость нужна, как птице крылья. И, главное, я поверил в истину: «Не боги горшки обжигают».

А. Кучкин

ВЕЛИКИЙ МАРШ

Кучкин Андрей Павлович.

Родился в 1888 г. на Южном Урале в семье потомственного рабочего, сам был рабочим.

Участник революции 1905 г. Член Коммунистической партии с января 1912 г. Дважды арестовывался и ссылался царским правительством.

После Февральской революции — председатель Вятского городского комитета большевиков. После Октябрьской революции — член Уфимского губкома большевиков и его секретарь. В 1918 г. — заведующий политотделом 2 армии Восточного фронта. В 1919—1920 гг. военный комиссар 27 дивизии 5 армии.

После гражданской войны — на военной, партийной и научной работе. Участник X и XI съездов партии.

Награжден двумя орденами Ленина и медалями.

Доктор исторических наук, профессор.

★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★

Силы противника ослабевали. Он продолжал откапываться в глубь Сибири, редко вступая в серьезный бой.

Чувствовалось по всему, что Колчаку приходит конец.

Однако враг не собирался еще складывать оружие. Он усиленно распускал слухи, что на помощь ему идут японцы, французы, англичане, американцы, итальянцы, что скоро с Советской властью будет покончено.

Пробовал Колчак подействовать на красноармейцев и печатным словом. У него был свой пропагандистский центр, называвшийся «Осведверх». Этот центр выпускал газеты, брошюры, листовки, плакаты, которые распространялись среди местного населения, а также засылались в тыл Красной Армии. В этих листовках белые пытались «раскрыть глаза» красноармейцам:

— Комиссары скрывают от вас правду. Москва давно взята Деникиным. Питер — Юденичем. Ленин бежал за границу.

Листовки призывали красноармейцев расправиться со своими комиссарами и сложить оружие, пугая их тем, что против Советов — весь цивилизованный мир.

Над плакатами и листовками колчаковского «Осведверха» красноармейцы смеялись. О положении Советской Республики они хорошо были информированы

военными комиссарами, политруками, приезжающими красноармейцами из Москвы, Питера и других городов республики, где они лечились после ранений.

А здесь, на фронте, бойцы прекрасно видели, что конец наступает не Советской власти, а тому, кто поднял на нее меч, т. е. Колчаку. Красная Армия вступала на территорию, где проживало сибирское казачество. Защищая свои села, казаки яростно бросались на цепи красных. Но каждый раз, неся большой урон от пулеметного огня, они с еще большей быстротой спешили обратно — в свой тыл...

В отбитом у противника Петропавловске мы праздновали вторую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. В этот день были устроены парад войск и митинг. С приветственными речами выступили Тухачевский и член Реввоенсовета Н. П. Теплов, а также представители от местного населения и ревкома.

Тухачевский в своей речи сказал:

— Красная Армия непобедима. Она разобьет Колчака, Деникина, Юденича. Она очистит Советскую землю от интервентов и белогвардейцев. Если потребуется, она будет маршировать по Западной Европе.

Эти слова были покрыты долго несмолкаемым «Ура»!

...В том, что Красной Армии предстояло не только выгнать из пределов Советской страны интервентов, но и вступить на территорию Западной Европы, были убеждены не только рядовые, но и политработники... Такая задача, казалось, стояла перед Красной Армией. Мировая революция представлялась уже не за горами, и все были уверены, что она вот-вот восторжествует: восставший мировой пролетариат попросит у советского народа помощи в борьбе с мировой буржуазией, и он окажет ее в знак благодарности за помощь Красной Армии и Советской власти со стороны иностранных рабочих. Тогда наступит вечный мир, и братство народов будет нерушимо.

Так думали фронтовые работники. Командир 2 бригады 27 дивизии В. И. Рослов говорил мне:

— Я — бывший офицер. Вся свою сознательную жизнь — военный. У меня нет другой специальности, кроме военной; не знаю, что буду делать, когда мы по-

кончим с мировой буржуазией. Ведь тогда будет на земле вечный мир, армии не будет, войн не будет, все будут заниматься мирным трудом. Придется мне счетоводом, что ли, стать.

— Подождите, Василий Иванович, мечтать об этом, — говорил я ему, — еще рано. Давайте сначала разгромим Колчака, сбросим в море англичан, американцев, японцев, покончим с Деникиным и другими генералами...

В Петропавловске Тухачевский созвал совещание начальников и комиссаров дивизий. Командарм спрашивал о настроении бойцов, о понесенных потерях в боях за Тоболом, о вооружении, боеприпасах, обмундировании — обо всем. Докладывали начальники дивизий. Все как один просили дать бойцам несколько дней отдыха, жаловались на отсутствие обмундирования и обуви. Наступали холода, приближались морозы, а у красноармейцев не было теплой одежды. У многих изнасилась обувь, из худых ботинок торчали грязные портянки.

Что касается боеприпасов, то нужду в них ликвидировали за счет отбитых у колчаковцев трофеев. Высказывались пожелания усилить дивизии артиллерией.

Тухачевский обещал кое в чем помочь, но советовал главным образом рассчитывать на трофеи. Отдых некоторым воинским соединениям, наиболее нуждавшимся в пополнении, обещал дать. Командарм осветил обстановку на Восточном фронте и сказал, что нельзя давать передышки врагу, поскольку Колчак намеревался про-

А. П. КУЧКИН —
комиссар 27 дивизии

Штаб 27 дивизии 5 армии. В первом ряду (слева направо): военком штаба РОТШИЛЬД, начальник штаба ШАРАНГОВИЧ, пом. комиссара дивизии СИНАЙСКИЙ, начальник дивизии БЛАЖЕВИЧ, комиссар дивизии КУЧКИН, начальник комендантской команды штаба ЧУКСИС

известии перегруппировку войск, подбросить резервы и в районе Иссиль-Куля остановить наше продвижение. Нам нужно сорвать планы Колчака, сказал командарм, и не дать ему возможности перегруппировать силы и подтянуть к Иссиль-Кулю резервы.

Необходимы новое напряжение сил и дальнейшее непрерывное наступление. Ни о какой приостановке наступления, хотя бы на один-два дня, не может быть и речи. Начальники и комиссары дивизий должны мобилизовать всех политработников, всех коммунистов для разъяснения обстановки и назревших задач.

— Я уверен,— сказал в заключение Тухачевский,— что наше стремительное движение вперед, огромные успехи обусловили в частях 5 армии высокий героический порыв, и историческая задача будет выполнена — Колчак будет полностью разгромлен.

Штабом 27 дивизии были подведены итоги боев за время с 14 по 31 октября. Потери были значительные: около двух тысяч убитых, раненых и без вести пропавших; около 400 человек, заболевших тифом. Чтобы привести части в порядок, укомплектовать их свежими силами и затем снова двинуть в бой, командарм предоставил дивизии передышку.

Бойцы отдыхали, а командный и комиссарский состав работал не покладая рук. Надо было встретиться с красноармейцами, побеседовать с ними, информировать о положении в стране и на фронтах войны, выслушать жалобы, воодушевить на новые боевые подвиги. Надо было подтянуть отставшие тылы, привести в порядок хозяйственную часть, взять на учет вооружение и снаряжение, подсчитать трофеи, помочь санитарной части лучше наладить лечение...

В Петропавловске начальник дивизии устроил смотр некоторым полкам в день выхода их из города для продолжения наступления. Красноармейцы были одеты и обуты плохо, по-летнему, а начались уже сильные морозы. Ботинки на многих были рваные, без подметок. Такие ботинки обматывали кусками овчин и одеял, тряпками. Несмотря, однако, на плохое обмундирование, недовольства никто не высказывал, и все согласились со мной, когда я заявил:

— Возьмем Омск — будет все. Там у Колчака огромные запасы.

— До Омска босиком добежим! — шутили бойцы в

ответ.— В походе согремся! Легче будет без зимнего-то догонять колчаковцев.

Эти шутки свидетельствовали о хорошем, боевом настроении стрелков и об одном желании — скорее победить врага...

В ноябре в Петропавловске мы расставались с начальником Павловым. Он уходил из дивизии в отпуск, а потом получил назначение на должность командующего 10 армией, боровшейся на юге против Деникина. Временно исполняющим обязанности начальника дивизии стал И. Ф. Блажевич. Вместо него командиром 3 бригады был назначен Р. И. Сокк, начальником штаба бригады — Е. А. Гаусман. 2 бригадой командовал В. И. Рослов, наштабригом здесь был Александров, комиссаром бригады — В. О. Корницкий. 1 бригадой командовал Г. Д. Хаханьян, наштабригом работал М. А. Румянцев, военком — Ф. И. Карклин. Все они были информированы о совещании в Петропавловске, созванном командармом. Всем им была передана суть разговора Тухачевского с начальниками и доведен до сведения его план военных операций. Тухачевский приказал 27 дивизии захватить станцию Иссиль-Куль 8 ноября. Против дивизии действовали 13 Сибирская, 13 Казанская, 3 Сибирская, 1 Самарская дивизии и Волжская кавалерийская бригада. Противник оказывал упорное сопротивление. Местами он переходил в контратаки. Горячие бои шли в районе Большого Ганкина — Нижнего Рявкина — Шелегина.

Враг пытался остановить здесь дивизию, чтобы выиграть время для перегруппировки сил в районе станции Иссиль-Куль. Но эта попытка не увенчалась успехом. Части дивизии опрокинули его, и район этот оказался в наших руках.

Комбриг 3 Сокк решил наступать на Иссиль-Куль ночью. Он приказал полкам бригады бесшумно подойти к району станции и неожиданно ворваться в расположение противника. Так и было сделано. Ночью 8 ноября после короткого боя Иссиль-Куль была взята...

К этому времени 1 бригада разбила противника в районе станции Лебяжья и заняла ее. Сюда же вступила и 2 бригада, находившаяся в резерве.

Замысел Колчака о перегруппировке сил и переброске резервов в район Иссиль-Куля был сорван, директива Тухачевского выполнена в точности.

Блажевич приказал развить боевой успех.

По плану Реввоенсовета республики взятие Омска возлагалось на 3 армию, двигавшуюся левее 5 армии. Но, учитывая стремительное движение 27 дивизии, Тухачевский 11 ноября поставил перед ней задачу захватить столицу Колчака — Омск. Задача была почетная. Работники штаба дивизии, ее руководящий состав были горды успехами дивизии и оказанной ей честью.

Получив директиву командарма, Блажевич, Шарангович и я засели 12 ноября за разработку боевого приказа командирам бригад. 3 бригаде предписывалось 13 ноября начать решительное наступление, чтобы 14 ноября двумя полками подойти к Омску с юга-запада, а одним двигаться в направлении станции Куломзино — Омск. Отряд из полковых конных разведчиков при поддержке бронепоезда и артиллерии должен был захватить железнодорожный мост через реку Иртыш и не дать, таким образом, противнику возможности взорвать его.

В обход Омска с юга-запада были направлены 241 и 243 полки, 242 должен был двигаться вдоль линии железной дороги. 2 бригаде, находившейся в резерве, было приказано двигаться на Омск в направлении кожевенного завода, примыкавшего к городу. 1 бригаде предписывалось 14 ноября овладеть северной частью города.

Поскольку Иртыш еще не был крепко скован льдом, бригадам было приказано быть готовыми к устройству

Р. И. СОКК —
командир 3 бригады
27 дивизии.

*И. Ф. БЛАЖЕВИЧ —
начальник 27 дивизии
(с ноября 1919 г.)*

легких переправ по тонкому льду. Все было сделано для обеспечения успеха. После занятия Омска части Красной Армии должны были продвинуться за пределы города, окружить его кольцом и не дать возможности вырваться из него войскам Колчака...

«Дашь Омск! Дашь столицу Колчака!» — этот лозунг, выдвинутый самими красноармейцами, вызвал соревнование между частями дивизии: каждая бригада, каждый полк хотел первым войти в город... Несмотря на морозы и глубокие снега, они делали переходы по 30—40 километров в сутки, а 2 бригада совершила один пе-

реход протяженностью 105 километров!

Чем ближе части Красной Армии подходили к Омску, тем сильнее был порыв. Устали не знали. Мороз нипочем. Развалившиеся ботинки заматывали тряпками. Худые валенки затыкали соломой и перевязывали веревками. Невзирая на трудности, бойцы неудержимо шли вперед...

Никто за Иртышом не подозревал о надвигавшейся опасности. Там имелись сведения, что красные находятся от Омска на расстоянии, превышавшем 100 километров. Властям Омска казалось, что это расстояние советские войска смогут пройти не меньше чем за неделю. Поэтому жизнь в Омске шла своим чередом. Население города знало, что против красных брошены лучшие силы Колчака, что на линии железной дороги действуют бронепоезда. И кое-кто надеялся, что движение красных на подступах к Омску будет приостановлено...

И вдруг — словно гром среди ясного неба: 14 ноября в 10 часов утра после короткого боя в районе кожевенного завода в Омск ворвались бойцы 240 Тверского полка во главе с В. И. Шрайером. Почти одновременно в другую часть города ворвался 238 Брянский полк во главе с Ф. В. Зубовым. Полки 3 и 1 бригад обошли Омск с юга и севера. На станцию Омск ворвался 242 Волжский полк во главе с С. С. Вострецовым...

В стане белых начался переполох: гарнизон Омска не был подготовлен к сражению. Правда, некоторые его части схватились за оружие и пытались оказать сопротивление, но к вечеру были разгромлены.

Белые в панике метались в разные стороны, однако убедившись, что попали в огненное кольцо, стали бросать оружие и сдаваться в плен. Лишь незначительная часть вражеских войск сумела вырваться из окружения...

К вечеру 14 ноября город был очищен от сопротивлявшегося врага. Столица Колчака перешла в руки Красной Армии. Это была большая победа. Захваченные нашими частями трофеи не поддавались точному учету. По предварительным данным, в плен попало 40 тысяч вражеских солдат, свыше 1 тысячи офицеров, три генерала. Были захвачены: 41 орудие, три бронепоезда, свыше тысячи пулеметов, десятки тысяч винтовок, до 200 тысяч ручных гранат, полмиллиона снарядов, миллионы патронов, сотни паровозов и автомобилей, тысячи вагонов, эшелоны и масса складов с интендантским, артиллерийским, инженерным и санитарным имуществом.

Сообщение о победе понеслось в штаб армии, а от туда в Москву.

— Омск взят!

За этот геройский подвиг 27 дивизия была награждена ВЦИК Боевым Красным Знаменем, а приказом Реввоенсовета Республики, названа «Омской»...

Здесь я вторично увиделся с командармом Тухачевским. В то время части 27 дивизии вместе со своим штабом ушли вперед, я же как начальник гарнизона некоторое время оставался в Омске. Сюда прибыл штаб 5 армии. Не помню точно, но, кажется, я был вызван Михаилом Николаевичем для доклада о положении гарнизона и о состоянии города. В приемной меня встретил адъютант, такой же юный, как и командарм. Услы-

шав о моем приходе, Тухачевский, находившийся за портьерой, закрывавшей входную дверь к нему, сказал:

— А-а, товарищ Кучкин! Заходите, пожалуйста, заходите!

Адъютант раздвинул тяжелый бархат, и я вошел в большую светлую комнату. Из-за стола поднялся ее хозяин. Как и всегда, чисто выбритый, с пробором приглаженных волос на голове, Михаил Николаевич был одет в рубашку красного цвета (тогда этот цвет был в моде. За Омском я часто встречал бойцов и командиров Красной Армии в красных суконных гимнастерках, в красных галифе и с большой красной звездой на шапке или папахе. Любимый цвет! Он олицетворял революцию, ее торжество, пролетарскую свободу).

Тухачевский предложил мне сесть и тут же начал беседу. Оказывается, он от кого-то узнал, что я 14 ноября был уже в Омске, и стал меня расспрашивать обо всем, что я видел. Его интересовало поведение наших командиров, бойцов, отношение их к пленным, особенно к офицерам и генералам.

— Отношение к ним должно быть гуманное,— заявил он, имея в виду офицеров.— Они могут еще нам пригодиться.

Тухачевский спрашивал, одели и обули ли мы красноармейцев за счет колчаковских запасов.

— Нужду в этом ликвидировали,— сказал я.

— Вот и хорошо. Теперь не будете просить обмундирования и обуви. А боеприпасами можете поделиться с другими?

— Поделимся,— ответил я...

— А как обстоит дело в дивизии по борьбе с тифом? — спросил Тухачевский.

— Тифом наградил нас Колчак. Много бойцов выбывает из строя. Санитарная часть не справляется. Следовало бы значительно ее усилить.

— Принимаем меры,— сказал Тухачевский.

Переговорив о самом важном, мы распрощались...

Командующим 5 армией с 19 ноября 1919 г. стал Г. Х. Эйхе, бывший командир сначала 3 бригады 26 дивизии, а потом начальник 26 дивизии. Молодой и талантливый командир...

Начиная с Омска, эпидемия тифа охватила всю 5 армию. Много красноармейцев выбыло из строя вследствие болезни. Тиф почти прервал работу политотдела

дивизии — подавляющее большинство его сотрудников заболело. Насколько страшна была эта эпидемия, свидетельствует тот факт, что она унесла больше жизней, чем колчаковские снаряды и пули. Этот новый фронт был не менее опасным для Советской Республики, чем Колчак. Большого напряжения сил и средств потребовал он от советского народа...

В Омске бойцам 27 дивизии был предоставлен кратковременный отдых. Дивизия привела себя в порядок, подтянула отставшие тылы, распределила по воинским частям трофейное оружие. Обувшись, одевшись во все новенькое, теплое, получив вполне достаточное количество боеприпасов, бойцы теперь чувствовали себя богатырями. Они преследовали потом противника, не давая ему ни на минуту опомниться, собраться как следует с силами. Резервные части белых перемальвались Красной Армией, как в мясорубке. Однако сил у Колчака оставалось еще довольно много, причем это были самые лучшие, наиболее преданные ему и наиболее враждебно настроенные к Советской власти отборные части, так сказать сливки контрреволюции.

Командарм 5 Эйхе отдал приказ 27 и 35 дивизиям двигаться в направлении города Татарска. Против 27 дивизии действовали 12 Уральская дивизия, 12 Казанская, 2 Симбирская, 1 Самарская, Ижевская дивизии, Волжская кавалерийская бригада и Сибирский казачий корпус, располагавшие 40 орудиями, 90 пулеметами и несколькими бронепоездами. Численность всех этих дивизий была почти равна численности 27 дивизии, только кавалерии и орудий у противника было в три раза больше.

На подступах к Татарску враг оказал упорное сопротивление и контратаковал наши части. Поддержанный двумя бронепоездами, он пытался остановить наступление 27 дивизии вдоль железнодорожной магистрали. Но это ему сделать не удалось. Татарск пал. За два дня боев (23 и 24 ноября) было взято в плен более 1 тысячи колчаковцев и захвачено 15 пулеметов.

26 ноября командарм дал директиву 27 дивизии овладеть городом Каинском. Приказ начдива Блажевича гласил: развить успех и к 1 декабря 3 бригаде захватить станцию Барабинская и ее район, а 2 — город Каинск.

На станции Тебисская полки 27 дивизии столкнулись

с прибывшей на фронт свежей егерской дивизией. У Колчака она считалась образцовой. Егерцы дрались отчаянно. Их поддерживали орудийным и пулеметным огнем бронепоезда. Но и эта дивизия не сдержала натиска наших войск, была смята и почти вся уничтожена. Станция Тебиская перешла в руки красных. А вслед за ней 1 декабря нами были взяты Барабинск и Каинск. Здесь бойцы 27 дивизии захватили около 1500 пленных, 30 пулеметов, много обозов, сотни вагонов, паровозы, винтовки, патроны, снаряды. В тот же день, т. е. 1 декабря, 1 бригада по приказу командарма двинулась из Омска на соединение с другими бригадами 27 дивизии, чтобы вместе с ними обрушиться на вторую важнейшую военную базу Колчака — Новониколаевск (ныне Новосибирск). Этот город Эйхе приказал взять 27 дивизии.

«Из соприкосновения с противником не выходить!» — гласила директива Блажевича. Полки выполняли ее в точности. Они следовали по пятам отступавших белых. 8 декабря 241 и 242 полки 3 бригады сбили противника с занимаемых им позиций и захватили станцию Каргат, пленив 200 колчаковцев и захватив два бомбомета, скорострельную пушку, шесть пулеметов, боеприпасы. А 9 декабря 3 бригада заняла станцию Чулым и село Иткульское.

Начиная от станции Каргат до Новониколаевска, на протяжении 140 километров, обе железнодорожные линии были забиты вагонами с колчаковским имуществом. Чего только там не было: и сибирское масло, и американское консервированное молоко, и английское обмундирование, и пушки, и пулеметы, и снаряды. Всего не перечесть!

Встречались эшелоны с беженцами. На вагонах — дрова, домашняя утварь; под вагонами — курятники, свинарники, на тормозных площадках — коровники. Заглянул я внутрь вагонов и увидел самовары, кувшины, тазы, ковры, иногда даже пианино. Это со всем своим скарбом на восток двигались буржуазия и кулачество...

Многие поезда были заняты под полевые госпитали, санитарные летучки. Все они были завалены больными тифом и трупами. Один из таких госпиталей был взорван колчаковцами. В обгорелых вагонах, там, где сохранился пол или рамы, лежали и висели изуродованные трупы. Трупы валялись повсюду; на каждой железно-

Жертвы колчаковского террора.

дорожной станции, в каждой деревне. Горы, штабеля трупов... И среди них — не только погибших от ран или тифа, но и военнопленных красноармейцев, рабочих и крестьян. По одному только подозрению или доносу за сочувствие большевикам людей хватали и закалывали штыками, зарубали шашками, многие тела были изуродованы до неузнаваемости.

Страшную картину смерти наблюдали красноармейцы в Барабинске, расположенном на линии железной дороги.

Станция была до отказа забита тифозными колчаковцами. На полу — трупы, между ними — еще живые. Повсюду стоны, крики, вопли...

— Неужели нельзя очистить вокзал от трупов? — спросил я начальника станции. — Ведь вам самим грозит смертельная опасность от вшей.

— Ничего не поделаешь, — ответил он. — Некому заняться этим делом.

Шагах в полтора от станции находилась одноэтажная школа — все ее классы были забиты трупами. На головах, грудях, спинах, животах — огромные раны, нанесенные штыками или саблями. У многих перелома-

ны ребра. Здесь происходила расправа колчаковской контрразведки с «крамольниками».

Около школы и внутри нее — много посетителей, пришедших посмотреть на ужасы колчаковщины. Многие разыскивают среди трупов своих родных и близких. Некоторые находят и падают в обморок... Все это происходит на глазах красноармейцев. Лица их суровы. Брови сдвинуты. Пальцы рук судорожно мнут шапки. Молча они проходят мимо истерзанных, молча выходят из школы. На улице глубоко вдыхают чистый морозный воздух...

У дверей школы собрался митинг. Я выступил с речью. Слушали, затаив дыхание. Поклялись беспощадно мстить врагу за все его злодеяния.

На станцию была доставлена группа пленных казаков. Их окружили красноармейцы.

— Это ваших рук дело! — гневно обрушились на них бойцы, указывая на станцию и школу.

— Мы ничего не знаем... Мы здесь не были, — оправдывались казаки.

— Надо поносить с них башки! — слышатся крики.

Ропот красноармейцев разрастался, угрозы сыпались со всех сторон. Казаки беспомощно топтались на месте и уверяли, что они ни одного человека не трогали. Глаза их блуждали по лицам окружающих, ища хоть в ком-нибудь защиту. Они видели, что им грозит самосуд.

И самосуд действительно едва не совершился. Красноармейцы уже перестали слушаться своих командиров. Они окружили тесным кольцом казаков, все ближе придвигаясь к ним, распаляя самих себя гневом мести.

Об угрозе расправы доложили мне. Я пошел на место происшествия и призвал красноармейцев проявить высокое сознание своего долга и дисциплинированность. Бойцы бросали реплики, протестовали, а потом стали стихать. В конце концов поняли вред самосуда и оставили пленных казаков в покое.

Большое впечатление произвел на красноармейцев и на жителей Каинска судебный процесс в трибунале 27 дивизии. Под председательством Галкина впервые в дивизии публично разбиралось дело двух красноармейцев из конной разведки 240 Тверского полка. Они занялись аферой: обзаведясь поддельной печатью какого-то комиссара, они начали брать с богатых контрибуцию.

Штаб I (в дальнейшем 79) бригады 27 дивизии.

Те платили требуемую сумму, получая взамен расписки с этой печатью.

На процессе выяснилось, что подсудимые — бывшие уголовные преступники, случайно оказавшиеся в рядах Красной Армии. Оба по приговору были расстреляны, о чем специальным приказом оповестили население города и бойцов 27 дивизии.

В пути на Новониколаевск штаб 27 дивизии все время находился в вагонах. Однажды в мой вагон неожиданно вошел член Советского правительства народный комиссар по продовольствию Николай Павлович Брюханов, бывший мой руководитель по подпольной партийной работе в Уфе.

Мы тепло поздоровались, и Николай Павлович рассказал мне, каким образом он оказался так далеко от центра. Оказывается, в Москве, Петрограде и других промышленных городах очень туго было с продовольствием. Как только Красной Армией был взят Омск, В. И. Ленин направил Брюханова в Сибирь для организации срочной отправки хлеба.

— Вот я и двигался вслед за вами, выполняя задание Владимира Ильича, — сказал Николай Павлович.

— А теперь поедете с нами? — спросил я.

— Да, — ответил Брюханов. — Хочу добраться до Новониколаевска...

Потеряв Омск, Колчак думал выиграть бой под Новониколаевском. Ему казалось, что Красная Армия выдохлась, обессилела в непрерывных сражениях. Река Обь служила Колчаку хорошей оборонительной позицией. В районе Новониколаевска и Томска спешно переформировывались и укомплектовывались две белые армии. Они-то и должны были встретить красных на Оби.

7 декабря Эйхе отдал приказ, в котором говорилось, что 27 дивизия должна взять Новониколаевск 16 декабря. Считая, что этот срок далекий, Шарангович предложил Блажевичу свой план операции, согласно которому Новониколаевск должен был быть взят 13 декабря. Я поддержал предложение Шаранговича.

— Достанется нам за это от командарма, — подписывая 9 декабря приказ, заметил осторожный Блажевич.

— Ничего! Возьмем на три дня раньше город, и все обойдется благополучно. А что мы его 13 возьмем, не может быть никаких сомнений.

Командиру 3 бригады Сокку было приказано развивать преследование противника вдоль железной дороги «до предельного напряжения сил» и 13 декабря овладеть Новониколаевском. Все расстояние из района села Иткульского до Новониколаевска — 125 верст — бригада должна была пройти в три дня...

11 декабря части 3 бригады после ожесточенного боя овладели станцией Дупленская, захватив сотни пленных, десятки орудий, много бомбометов и минометов, десятки пулеметов, эшелоны с артиллерийским, инженерным и интендантским имуществом, десятки паровозов и до тысячи вагонов.

12 декабря 1 бригада с боем заняла район Поворинская — Шагалова... 2 бригада, преодолев сопротивление врага, заняла район Иткульского...

С рассветом 13 декабря все полки дивизии развернули мощное наступление. 3 бригада, ломая сопротивление врага, осуществила глубокий обход Новониколаевска и ворвалась в него с северо-запада. Вечером 13 декабря Новониколаевск был взят 27 дивизией...

— Вот видишь, я говорил, что 13 возьмем! — торжествовал Шарангович.

Одновременно с Новониколаевском 240 Тверской полк занял город Колывань.

— Да, хоть число 13 — чертова дюжина, но нам везет, — отшучивался Блажевич, когда ему докладывал Шарангович о взятии Колывани.

П. М. ШАРАНГОВИЧ —
начальник штаба
27 дивизии

В девять часов утра 14 декабря был отдан приказ по дивизии за № 0156, в котором говорилось:

«В результате нашего стремительного наступления противник вновь разбит на главном оперативном направлении. Нами занят город Новониколаевск, база противника. Захвачена масса трофеев»¹.

Трофеи 27 дивизии в Новониколаевске действительно были огромны. В наши руки попали штабы 2 и 3 армий противника вместе с их учреждениями. Пленено более 30 тысяч солдат и 2 тысячи офицеров. Захвачено много обозов, до 200 орудий (в том числе вся тяжелая артиллерия Колчака), 2 бронепоезда, 5 броневтомобилей, около 1 тысячи пулеметов, масса бомбометов, минометов, 50 тысяч винтовок, 3 миллиона снарядов, 5,5 миллиона патронов, все артиллерийские, инженерные и интендантские склады, авточасти с базами трех армий, авиационные мастерские с аппаратурой радиостанции, огромное количество медикаментов, эшелоны с телефонно-телеграфным имуществом, топографический отдел Омского военного округа, сельскохозяйственные орудия, машины эвакуированных заводов, сотни паровозов, тысячи вагонов. В общем, была захвачена вся материальная база Колчака. Ведь в Новониколаевске находились армейские склады Антанты. Здесь сидели представители, именовавшие себя членами различных миссий и консулами. Они распоряжались антантовским обмундированием, снаряжением и вооружением колчаковской армии. Под их диктовку действовало правительство Колчака.

Как в Омске, так и в Новониколаевске части 27 дивизии пополняли свои запасы захваченными у врага оружием, боеприпасами, обмундированием, обувью, а также продуктами питания (маслом, яйцами, сыром, консервированным молоком, медом, изюмом, колбасами и др.).

Итак, Новониколаевск был взят 27 дивизией на три дня раньше указанного в приказе командарма срока, т. е. 16 декабря. За это «нарушение» командарм нас не наказал и даже не упрекнул, как мы и предвидели...

Как и в Барабинске, госпитали в Новониколаевске были переполнены тифозными — их было тысячи.

Ту же картину можно было наблюдать и в казармах,

где размещались военнопленные. У штаба дивизии и у местного ревкома не хватило ни сил, ни средств не только для борьбы с эпидемией, но и хотя бы для того, чтобы вывезти и зарыть трупы.

Однажды я заглянул в казармы. В них были нары в три яруса. На нарах лежали сотни больных и среди них умершие от тифа.

— Почему не уберете мертвецов? — спросил я здоровых белоармейцев.

— Не успеваем, — ответили они. — То и дело выносим и складываем в штабеля во дворе.

Действительно, во дворе штабелями были сложены трупы. Я приказал сопровождавшему меня коменданту города Абрамову (брат заместителя начпоарма 5) начать вывозить трупы за город и зарывать их или сжигать.

Тиф в это время свил себе прочное гнездо и в 27 дивизии. Бойцы сотнями выбывали из строя. Много их погибло в сибирских степях и тайге...

В Новониколаевске и его окрестностях, так же как в Омске и других городах, было обнаружено огромное количество трупов расстрелянных и растерзанных озверевшими колчаковцами мирных жителей и пленных красноармейцев.

— Надо показать эти жертвы господам из английской миссии, — высказал как-то мне свою мысль корреспондент газеты «Правда» А. Сергеев (Д. Михайлов), сопровождавший 27 дивизию.

Упомянутая миссия находилась при Колчаке. На станции Ояш она была захвачена в плен. Я как начальник гарнизона города арестовал ее и посадил в тюрьму. Англичане доказывали, что я не имею права сажать их в тюрьму, так как они неприкосновенны. Но я в дипломатии ничего не понимал и действовал по своему разумению: раз враг и попал в плен — сиди в тюрьме, пока я не получу указаний от моего правительства.

В Новониколаевске находился также шведский консул. Его я не арестовал, поскольку он представлял нейтральное государство. К сожалению, вел он себя далеко не нейтрально: стал ежедневно приходить ко мне и настаивать на том, чтобы я выпустил из тюрьмы английскую военную миссию. Он довольно прилично говорил по-русски, посвящал меня в дипломатические премудрости и доказывал, что я не имею права держать англи-

¹ ЦГАСА, ф. 1324, оп. 2, д. 57, л. 39.

чан в тюрьме. Из вежливости я выслушивал его, но каждый раз отказывал ему в просьбе. Он приходил снова и снова. Мне эта высокая фигура в темном пальто с котиковым воротником, окаймлявшим сытое лицо с черными усиками, изрядно надоела. И, когда однажды утром он опять появился в моем кабинете, я не стал его слушать, а сказал, что если он не перестанет ходатайствовать об освобождении английской миссии, то я и его арестую. Мое предупреждение, видимо, подействовало, и он перестал ко мне ходить...

Англичане говорили, что они посланы своим правительством к Колчаку как представители Англии. Вот этим-то «представителям» мы решили показать, кого они поддерживали в расправе с русскими рабочими и крестьянами, какого лютого зверя их правительство вскармливало.

Англичан посадили на автомобили и в сопровождении А. Сергеева, начальника особого отдела 27 дивизии Н. Шипова, начальника политотдела дивизии М. Креховой (Цифринович заболел тифом и остался в тылу), коменданта города Абрамова, начальника 51 дивизии В. К. Блюхера, только что прибывшего со своим штабом в Новониколаевск, военкома 51 дивизии А. Макарова, меня, председателя Новониколаевского ревкома, представителя иностранной прессы и других отправили осматривать места расправы колчаковцев с мирным населением и пленными красноармейцами.

На кладбище мы осмотрели большую квадратную яму. В ней было свалено множество изуродованных трупов. Вокруг ямы — тоже трупы. Один из них — труп молодой женщины. Платье на ней изорвано в клочья, волосы вырваны, все тело в крови, в ссадинах.

Англичане морщатся, отвращиваются, закрывают свои носы кенгуровыми воротниками шуб. Они о чем-то говорят друг с другом и отходят от ямы.

Еще три ямы осмотрели на окраине города. Все они также были заполнены трупами. На другой окраине нам показали кустарник, — здесь новые жертвы. Людей привозили сюда, кололи, рубили и бросали, не закопав.

...Двор на окраине города. Здесь — сотни замученных. Вот труп с притиснутой к позвоночнику грудной клеткой. Палачи, видимо, раздавили несчастного какой-то большой тяжестью. Вот трупы женщин, страшно изуродованных, скорчившихся от истязаний. Невда-

Представители 5 армии в присутствии членов английской миссии и иностранных консулов (слева) осматривают место расправы колчаковцев с мирным населением и пленными красноармейцами в Новониколаевске

леке лежит большебородый крестьянин с обнаженным мозгом.

Не выдержали нервы одного из представителей английской миссии, и он снопом повалился на землю. Другой его коллега бросился в снег, горстями стал хватать его и прикладывать к голове. Остальные убежали в ближайшую избу и попросили воды.

Сидя в кабинетах Колчака, в предоставленных им в городах великолепных квартирах или комфортабельно обставленных пульмановских вагонах, представители английской империалистического правительства не хотели видеть ничего такого, что бы им могло испортить аппетит.

Они не желали слышать орудийных выстрелов и пулеметной трескотни. Они затыкали уши от воплей и стонов беззащитных людей, замученных озверелыми палачами из колчаковской контрразведки. Но обо всем этом они знали и благословляли любые методы захвата, грабежа и разбоя, лишь бы уничтожить ненавистную им власть русских рабочих и крестьян.

Придя в себя, члены английской миссии поклялись, что об этих зверствах расскажут всему миру, чтобы ни одно культурное государство не поддерживало больше Колчака и других белых генералов. Эту клятву корреспондент «Правды» Сергеев зафиксировал на бумаге в виде акта, который подписали и англичане. Содержание его было передано по радио. Вот этот акт:

«Акт
освидетельствования трупов
жертв колчаковского террора

Мы, нижеподписавшиеся представители военных и гражданских властей Новониколаевска, осмотрев трупы жертв колчаковских зверств... свидетельствуем, что ни одного трупа нет без признаков ужасных, мучительнейших истязаний. Следы сабельных и штыковых ударов, ударов нагаек, содрванная кожа, сплюснутые черепа, продавленные груди, сплюснутые лица, отрезанные уши и носы, отрубленные конечности, кандалы и веревочные петли имеются на каждом из осмотренных трупов, с коих сделан фотографический снимок. Никому из присутствующих здесь иностранных подданных ни разу не приходилось видеть следов подобных пыток и убийств.

За члена Реввоенсовета 5	(подпись неразборчива)
И. о. председателя ревкома	(подпись неясна)
Сотрудник Реввоенсовета	(подпись неясна)
Член парткома	(подпись неясна)
Военкомдив 51	А. Макаров
Военкомдив 27	А. Кучкин
Представитель от политотдела 27 дивизии	М. Крехова ¹ .

Далее следуют подписи взятых в плен иностранцев: первая подпись — неразборчива, но против фамилии написано на английском языке: «Подполковник королевских инженерных войск. Британская железнодорожная миссия в России». Вторая и третья подписи также неразборчивы, против фамилий написано: «Британская железнодорожная миссия». Четвертая подпись — «Х. Г. Смис — капитан королевских инженерных войск. Британская железнодорожная миссия».

Далее следуют: «Юнейдер — переводчик при Британской железнодорожной миссии в России,

Вальтер Грей — представитель австралийской прессы,
Дмитрий Михайлов — представитель московской газеты «Правда»,
Николай Шипов — начальник особого отдела 5 армии.
Комендант города Новониколаевска — Абрамов».

Ко мне стал ходить еще один консул — датский. Он также настаивал на освобождении из тюрьмы и отдаче ему на поруки членов английской военной миссии, доказывая, что я не имею права арестовывать иностранных подданных.

Меня взяло сомнение: может быть, и в самом деле я неправильно поступил? Чтобы рассеять это сомнение, я решил запросить Реввоенсовет 5 армии. Не сообщая, что миссия мною содержится в тюрьме, я 23 декабря телеграфировал в Реввоенсовет И. Н. Смирнову:

«Частями нашей дивизии захвачены на станции Ояш члены Британской железнодорожной миссии. Датский консул обратился с просьбой отпустить их на частные квартиры за поручительством датского консульства. Тот же консул требует гарантии имущественной и личной неприкосновенности для всей датской колонии. Жду распоряжений Ваших на сей предмет.

Начгарн Новониколаевска военкомдив 27 Кучкин»¹.

Прошел день, а ответа из Реввоенсовета нет. Я стал было волноваться.

— Вероятно, мне влетит за самоуправство, — сказал своему секретарю В. Малкову.

— Так ведь Реввоенсовет не знает, что вы держите англичан в тюрьме, — ответил Малков.

— А может быть, и знает. Те же консулы могли обратиться к нему с жалобой на меня.

И вдруг 25 декабря получаю телеграмму:

«Военная. Вне очереди. Начгарну Новониколаевска военкомдиву 27 Кучкину. Омск. 25 декабря. На телеграмму 23 декабря.

Всю английскую миссию арестовать, отправить Омск. Товары, склады, прочее имущество англичан, датчан и русских опечатать учетной дивизионной комиссией»².

¹ ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 86(2), л. 29.

² Там же, л. 28.

Немедленно по получении телеграммы я распорядился произвести обыск в квартире датского и американского консулов (последний тоже заступался за англичан). Вечером 25 декабря телеграфировал в Омск:

«Реввоенсовету 5. Английская железнодорожная миссия мною арестована. Квартирах датского, американского консульств произвожу обыск. Обнаружено ценностей на миллионы.

Начгарн Новониколаевска Кучкин»¹.

Мои решительные действия напугали консулов — они скрылись: не то вообще бежали из Новониколаевска, не то попрятались где-то в городе. Обыски на квартирах консульств продолжались всю ночь на 26 декабря. Обнаруженное богатство принадлежало не только консульствам, но и русским богачам, проживавшим в Новониколаевске. Когда к городу стала приближаться Красная Армия, они стали прятать свои ценности у иностранных консулов, надеясь на то, что они будут сохранены и возвращены по первому требованию. Но этим надеждам не суждено было осуществиться. Награбленное у трудящихся богатство досталось трудящимся в лице Советского государства...

Что касается английской военной миссии, то она была посажена в поезд и в сопровождении охраны отправлена в Омск.

Надо сказать, что в Новониколаевске в наши руки попали не только иностранцы, но и колчаковские генералы, министры его правительства, полковники, бывшие жандармы, деятели белогвардейской контрразведки, изменники Родины. Будучи арестованными, они теряли боевой вид, свою спесь и становились жалкими людишками. Они лепетали всякую чушь, изображая себя невинными овечками. Мы передавали их в распоряжение особого отдела при штабе дивизии, а он направлял их после допроса в особый отдел при штабе 5 армии. По приговору особого отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией при штабе 5 армии было расстреляно 53 колчаковских палача. Среди них три генерала, шесть полковников, 22 офицера, два хорунжих, 19 царских жандармов и рабочий Ижевского завода, предатель своего класса.

В связи с расстрелом врагов революции особый от-

¹ ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 86(2), л. 26.

дел 5 армии опубликовал в печати сообщение, в котором говорилось:

«Во всей Сибири нет такого города, села и деревни, где не было бы расстрелянных, повешенных, изувеченных или выпоротых наемниками сибирского правительства.

Часто среди белого дня, иногда в застенках, нередко из-за угла творились казни и расправы.

Об этом все знали. Но никто не смел об этом говорить или писать... Одна только буржуазия имела право открыто высказывать одобрение и упиваться местью трудящимся.

Но настал час жестокой расправы... Убийцы теперь расплачиваются за свои злодеяния.

Мы не мстим. Мы только уничтожаем тех, которые действительно заслужили это. И мы не скрываем фамилии расстрелянных, чтобы знали все трудящиеся, за что расстреляны их враги...»¹.

Далее следовал список фамилий расстрелянных бандитов.

Революция очищала землю от нечисти!..

...Как ни зверствовала белогвардейщина, стремясь террором запугать рабочих и крестьян Сибири, цели своей она не достигла: вместо погибших в ряды революции вставали новые бойцы... По всей Сибири гремела слава о легендарном партизанском отряде «дедушки Каландарашвили», наводившем ужас на колчаковцев, об отрядах А. Д. Кравченко, П. Е. Щетинкина, И. В. Громова, Е. М. Мамонтова...

Вот с этими знаменитыми командирами сибирских партизан и произошла волнующая встреча в Новониколаевске. Эту встречу давно ждали мы, бойцы Красной Армии, ждали и сибирские партизаны. Все крестьянство Сибири ждало прихода Красной Армии, прихода большевиков.

В. И. Ленин говорил: «Мы бесконечно сильными стали потому, что миллионы научились понимать, что такое Колчак; миллионы крестьян Сибири пришли к большевизму, — там поголовно ждут большевиков»². И дождались.

В центре города у штаба 27 дивизии собрались на-

¹ «Красный стрелок», 22 июня 1920 г.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 42.

ПРИКАЗ

по гарнизону города Ново-Николаевска.

№ 10.

26 декабря 1919 года.

Гор. Ново-Николаевск.

**Обязанности Начальника Гарнизона
сего числа сдал НАЧДИВУ 51, това-
рищу БЛЮХЕРУ.**

ОСНОВАНИЕ: приказание РЕВВОЕНСОВЕТА 5 от
24 декабря с. г.

Начальник гарнизона ВОЕНКОМДИВ 27 А. Кучкин.

*Один из приказов начальника гарнизона г. Новониколаевска,
вывешенный для общего обозрения.*

чальник дивизии, командиры бригад, военный комиссар дивизии, его заместитель, начальник штаба дивизии и его помощники, ряд других работников. Все напряженно ждали...

— Едут, едут! — закричал вдруг адъютант начальника дивизии, первый увидевший кавалькаду конных.

Все оживились.

Спокойным шагом, отфыркиваясь от морозного воздуха, приближались кони. Все они — как на подбор: рыжие, с лоснящейся шерстью, тонконогие, красивые скакуны ахалтекинской породы.

Впереди всех ехал командующий партизанской армией Мамонтов. За ним следовали его соратники. Приблизившись к руководителям 27 дивизии, Мамонтов, а за ним и остальные приосанились и взяли «под козырек». На лицах — улыбки. Встречавшие гостей работники дивизии, взяв тоже «под козырек», двинулись навстречу партизанам. За несколько шагов до встречи Мамонтов соскочил молодецки с коня, бросил поводья

и ринулся с распростертыми объятиями к группе встречающих. Его примеру последовали другие.

— Здравствуйте, братья-партизаны! — выкрикнул Блажевич.

— Здравствуйте, братья-красноармейцы! — ответили партизаны.

Начались горячие объятия и братские поцелуи. У некоторых на глазах выступили радостные слезы.

— Наконец-то мы дождалась вас, — говорили партизаны.

— Спасибо вам за оказанную помощь! — благодарили работники дивизии. — Вы отвлекли на себя значительные силы Колчака и тем самым облегчили нашу боевую задачу.

— А нас, — заявил Мамонтов, — воодушевляли ваши сокрушительные удары по Колчаку, ваше стремительное движение на восток.

Эта встреча навсегда осталась в памяти ее участников.

В Новониколаевске 17 декабря Блажевич передал командование 27 дивизией новому начальнику — В. К. Путна. Последнему в то время едва исполнилось 24 года. В феврале 1917 года он окончил школу прапорщиков и сразу же с головой ушел в революционную борьбу. За плечами у него уже был большой путь, пройденный с частями Красной Армии на Восточном фронте: он был военным комиссаром 26 дивизии, командовал полком, затем бригадой. И вот теперь стал начдивом 27.

Мы быстро сдружились, и я крепко полюбил этого пламенного литовца. С Витовтом Казимировичем было приятно вести беседу на любую тему, это был человек задушевный, начитанный и в высшей степени культурный.

Ни с одним начдивом (при мне был назначен уже четвертый) я не сходил так близко, как с Путной. Правда, до того как Путна принял дивизию, обстановка была иная — непрерывные бои, отступления, наступления, частые выезды на линию огня. Некогда было поговорить по душам, едва успевали обменяться мнениями по оперативным вопросам, по ходу боев и нуждам полков. Нередко даже спать было некогда.

Путна же работал командующим в иной обстановке — сначала в более или менее спокойной, потому что колчаковцы оказывали слабое сопротивление, а потом

В. К. ПУТНА —
начальник 27 дивизии.

приближающейся из тыла резервной 51 дивизией под командованием В. К. Блюхера), остальными двумя полками сосредоточиться «23 декабря на станции Тайга, а 24 декабря — на станции «Судженка»...¹

Но пленные колчаковские офицеры предупреждали об опасности, ждавшей нас впереди. Они говорили, что за Новониколаевском нам придется столкнуться с дивизией польских легионеров...

1 бригада дивизии, руководимая В. А. Степановым (бывший командир 237 Минского полка), настигла легионеров в районе станции Литвиновка 22 декабря. Завязался бой. Используя три бронепоезда, поляки стойко обороняли свои позиции, но под напором 235, 236 и 237 полков отступили к станции Тайга, оставив на поле боя много убитых, раненых, бронепоезд и 18 орудий.

Вторая стычка с белополяками произошла 23 декаб-

уже совсем в спокойной — 27 дивизия вышла в резерв. Наша дружба продолжалась долго и по окончании гражданской войны.

...Итак, 27 дивизией стал руководить новый начдив. В своем приказе от 18 декабря начдив предписывал: командиру 1 бригады В. А. Степанову «выйти 21 декабря в район станции Тайга», командиру 2 бригады И. Д. Гусеву «21 декабря занять станцию Тайга, отрезав путь отступления эшелонам противника», командиру 3 бригады И. Ф. Блажевичу, оставив для охраны Новониколаевска один полк (до смены его частями

Знамя 27 дивизии, врученное ей Сибревкомом.
На оборотной стороне надпись:
«Слава красным героям, освободившим рабочих
и крестьян от Волги до Байкала».

ря в двух километрах от станции Тайга. Бой начался в десять часов утра. Бронепоезда противника врезались в наши цепи, нанося нам большие потери. Полки 1 и 2 бригад несколько раз ходили в атаку, но сломить сопротивление легионеров так и не смогли.

Тогда начдив приказал комбригом наступать на станцию Тайга не с запада, а с юго-запада, зайти противнику в тыл и энергичным натиском с разных сторон опрокинуть его.

Перегруппировав силы, бригады 27 дивизии в тот же день пошли в обход противника... Завязался ожесточенный бой. В безумной ярости набрасывались легионеры на наши полки, но чувствовалось, что это была уже агония. После упорнейшего шестичасового боя польская дивизия была разбита наголову, а ее остатки в панике бежали. Шесть тысяч легионеров попали в плен.

23 декабря станция и город Тайга были взяты. В качестве трофеев наши войска захватили два бронепоез-

¹ ЦГАСА, ф. 1324, оп. 2, д. 57, л. 43.

да, 40 орудий, сотни пулеметов, до 100 паровозов и пять тысяч вагонов с различным ценным военным имуществом...

Войскам дивизии приказывалось двигаться дальше на восток, куда отступили остатки польских легионеров.

В районе Анжерских копей 27 дивизия еще раз столкнулась с легионерами и Пермским добровольческим отрядом. Но и здесь враг был разбит и тоже бежал.

Последний боевой марш 27 дивизия совершила в сторону города Мариинска. Взятие Мариинска Г. Х. Эйхе возложил на 30 дивизию, которой командовал талантливый начдив А. И. Лапин. 27 дивизия выводилась в армейский резерв. 30 дивизия шла левее 27 и находилась севернее железной дороги — она наступала на Томск. По приказу командарма ее части должны были повернуть на юг и выйти на линию Сибирской магистрали. Но для этого требовалось порядочно времени, и дивизия запаздывала. Тогда Путьна не выдержал и решил, не дожидаясь подхода 30 дивизии, продолжать наступление, чтобы не дать опомниться врагу. Он приказал комбригу 1 направить полки севернее железной дороги и подойти к Мариинску с севера, комбригу 2 — двигаться вдоль линии железной дороги и подойти к Мариинску с запада.

Выполняя этот приказ, 2 бригада к утру 26 декабря заняла район Шегарки, захватив в полной исправности железнодорожный мост через реку Яя. Затем она двинулась на Мариинск, но ее опередила 1 бригада. Преследуя противника, она на его плечах утром ворвалась в город. Мариинск был взят 28 декабря 1919 г. Противник потерял пять тысяч солдат, попавших в плен, шесть орудий, 20 пулеметов и большое количество подвижного состава с ценным имуществом.

Это был последний 25-километровый марш 27 дивизии на Восточном фронте, после чего она получила передышку. Дальнейшее преследование разгромленного противника было возложено командармом 5 на 30 дивизию...

ЛИСТОВКА СИБРЕВКОМА И РЕВВОЕНСОВЕТА 5 АРМИИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА К РАБОЧИМ, КРЕСТЬЯНАМ И ТРУДОВЫМ КАЗАКАМ СИБИРИ

23 ноября 1919 г.

*Рабочие Сибири! Сибирские крестьяне и казаки!
Столица царского палача адмирала Колчака — пала.
Трижды проклятое иго генералов, помещиков и капиталистов, терзающее тело рабоче-крестьянской Сибири, рушится под ударами Красной Армии. Из обмана, подлости и предательства это иго возникло, на кровавом насилии, на грудах трупов измученных и убитых рабочих и крестьян оно держалось.*

Теперь оно издыхает, как гнусная гадина. Над рабоче-крестьянской Сибирью все выше и выше вздымается красный стяг рабочей революции, рабочего Советского государства, освобождающего трудящихся, дающего им подлинную свободу и истинное человеческое существование.

Рабочие, крестьяне, трудовые казаки. Чудовищную ложь, подлую клевету распространяло колчаковское «правительство» про большевиков и про Советскую власть. Но несмотря ни на что, правда, великая правда рабочей революции проникла в сознание рабочих и крестьян Сибири: трудящиеся Сибири восстанут против эксплуататоров и насильников, против продажных убийц и палачей и помогут Красной Армии.

Они своими собственными глазами увидели восходящее солнце социализма.

Однако многие еще колеблются, многие еще не могут порвать пути колчаковского обмана, лжи и клеветы. Этим колеблющимся мы говорим: Советская власть свергнула иго помещиков, генералов и капиталистов, свергнула не на словах, а на деле. Она есть доподлинная власть рабочих и крестьян. Эта власть означает, что все земли, фабрики и заводы, все богатства находятся в руках трудящегося люда.

Сами рабочие и крестьяне работают и управляют. Советская власть есть действительная свобода для всех трудящихся. Свобода слова в Советской России принадлежит только тем, кто трудится. Советская Россия — это настоящая, а не бумажная свобода собраний и

союзов. Она — вся свободный союз всех трудящихся. Свобода совести существует только там, где существует Советская власть. Над совестью тех, кто живет в Советской России, не тяготеет проклятое иго жандарма в рясе и жандарма в мундире.

В Советской России наука вырвана из грязных рук буржуазии.

Освобожденная, она служит теперь рабочим и крестьянам, просвещает их. В Советской России существуют рабоче-крестьянские университеты, институты, академии, густая сеть трудовых школ, клубов, читален и т. д.

В них учатся, в них просвещаются рабочие и крестьяне. Ни в одном буржуазном государстве этого не было и нет. Советская власть выгнала тунеядцев-буржуев из дворцов, построенных руками и потом рабочих, и отдала их трудящимся.

Советская власть установила великое правило: кто не работает, тот не ест. Ни одной крошки хлеба тому, кто не хочет работать. Труд, честный, свободный, самоуправляющийся труд, — вот что дает право на почет и уважение в Советской России, что дает право на существование в Республике трудящихся.

Советская власть думает и заботится только о трудящихся. Она тратит миллионы и миллиарды на нужды рабочих и крестьян. Наконец, рабоче-крестьянская Советская власть создала мощную и победоносную Красную Армию, верный оплот всех завоеваний рабочей революции.

Власть Советов — это освобождение от кровавого, варварского гнета капитала, от мук и издевательств, от кошмарного царства паразитов, насильников и палачей. Вот почему вам, рабочие, крестьяне и казаки Сибири, про нас лгали и продолжают лгать, вот почему на всех перекрестках распускали про нас дикие слухи, низкую клевету агенты Колчака и вместе с ними разные меньшевики и эсеры.

Теперь, после полуторалетнего страдания, вы узнали уже, что такое Колчак, что такое Учредительное собрание. Теперь, после кровавого опыта, вы видите, что Колчак и колчаковщина — это гадина, измучившая Сибирь, продавшая ее на растерзание японским, американским, английским, французским, чехословацким и т. п. бандам. Вы сами видите теперь, что эту гадину

надо раздавить. И она будет раздавлена. Она будет раздавлена тем скорее, чем решительнее рабочие, крестьяне и трудовые казаки Сибири примкнут к нам и пойдут с нами.

Мы говорим:

Солдат колчаковской армии. Немедленно повертывай свой штык против Колчака.

Крестьянин Сибири. Ни одного зерна хлеба Колчаку, ни одного солдата, ни одной подводки этой гадине.

Честный трудящийся казак. Советская власть — твой друг, — помогай ей добить царского палача.

Славные красные партизаны Сибири. Бейте, нещадно бейте колчаковские банды, не давайте им ни минуты отдыха.

Столица Колчака пала. Колчак разбит. Еще одно усилие — и вся Сибирь будет освобождена. Будет освобождена вся Россия, будет освобожден весь мир, ибо рабочие всего мира с нами.

Вперед же, товарищи, вперед к мирному освобожденному труду. Дружным натиском dokonчим дело освобождения трудящихся.

Да здравствует Советская власть! Да здравствует Советская Сибирь! Да здравствуют Советы во всем мире! Да здравствует мировая рабочая революция!¹

Сибирский революционный комитет.
Революционный военный совет 5 армии.

¹ ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 193, лл. 72, 73, 74. Подлинник.

С. Вострецов

МЕДВЕДОВКА

Вострецов Степан Сергеевич (1883—1932 гг.). Командир Красной Армии. Член Коммунистической партии с 1920 г. Из крестьян, рабочий. Участник 1 мировой войны, награжден 3 георгиевскими крестами, подпрапорщик.

В Красной Армии с 1918 г. В 1919—1920 гг. командир 242 Волжского стрелкового полка 27 Омской дивизии. За бои под Златоустом и Челябинском в 1919 г. награжден орденом Красного Знамени; за бои под Минском — вторым орденом Красного Знамени.

В 1921 г. — начальник управления войск ВЧК по охране границ Сибири, в 1922 г. — помощник начальника 2 Приамурской стрелковой дивизии Народно-революционной армии ДВР.

За участие в штурме Спасска и освобождении Приморья награжден третьим орденом Красного Знамени.

Летом 1923 г. возглавлял экспедиционный отряд по ликвидации банды Пепеляева в Охотско-Аянском районе; награжден четвертым орденом Красного Знамени.

В дальнейшем на командных должностях.

* * * * *

...В один из дней нашего наступления в полк приехал комбриг тов. Хаханьян и сообщил, что полку до темноты придется еще сделать верст 20, причем в тыл противника...

Получив приказание, я быстро собрал полк и двинулся по указанному мне маршруту на север. Прошли верст 15, стемнело. Переночевав, пошли дальше и примерно верст через шесть-семь напоролись на окраине дер. Медведовка на противника.

Я быстро развернул полк, батарея открыла огонь по противнику и через полчаса, коротким наступлением деревня была занята полком, причем захвачено до 40 пленных и два пулемета.

Из опроса захваченных пленных было установлено, что дер. Медведовку занимал штаб 46 полка противника со 2 батальоном, а 1 и 3 батальоны этого полка стояли на позиции, в семи-десяти верстах на запад от деревни.

Пройдя деревню и отойдя от нее на север, примерно на полторы версты, я вдруг услышал несколько ружейных выстрелов со стороны дер. Медведовки.

Через 5—10 минут карьером подскакивает ко мне

оставленный в деревне комендант полка и докладывает, что одиночная стрельба производилась по двум всадникам. Оба всадника захвачены в плен, а один из них — раненый офицер — лежит на дороге у деревни и громко орет:

— Дайте мне командира полка красных — у меня секретное донесение.

Я вернулся и подъехал к раненому офицеру. Он подал мне смятую бумажку, в которой было написано следующее:

«Согласно вашему приказанию, батальон выступил оттуда-то тогда-то (названий не помню) в дер. Медведовку. Комбат штабс-капитан Митин».

Думаю — сейчас придется встретить батальон колчаковцев. Видимо, комполка 46 вызвал свой 3 батальон для помощи, а я со своими волжцами не дал ему времени изменить приказания.

Через полчаса мой резервный батальон вернулся в Медведовку и залег по обеим сторонам дороги в кустах и огородах.

Залез я на ветряк, вижу — верстах в четырех пылит колонна. Колонна остановилась и выслала вперед двух кавалеристов. Конечно, они были захвачены в плен.

— Кто это идет?

— 3 батальон 46 полка. Комбат выслал нас разведать, кто в деревне: стрельба подозрительная была...

У моего адъютанта была офицерская гимнастерка с погонами. Я сейчас же ее надел и с двумя своими ребятами пошел навстречу противнику.

С. С. ВОСТРЕЦОВ —
командир 242 Волжского полка
27 дивизии.

Через версту я встретил конного ординарца.
— Что же вы, черти,— закричал,— стоите? Какого дьявола комбат не ведет батальон в деревню?

Ординарец растерялся, а я ему говорю:

— Я командир 5 роты 46 полка. По приказанию командира 46 полка прикажите командиру 3 батальона штабс-капитану Митину немедленно ввести батальон в деревню.

Ординарец козырнул:

— Слушаюсь, господин поручик,— и поскакал к своим.

Через десять минут на рысях ко мне подъехала группа всадников во главе с комбатом. Я поймал за узду лошадь штабс-капитана Митина и тихо говорю:

— Я — командир Волжского полка, только не белого, а красного. (У белых тоже был Волжский полк.) С коней долой и сдавай оружие.

Штабс-капитан растерялся и слез, слезли с лошадей и остальные.

Я взял под руку комбата Митина и, прогуливаясь, расспрашивал его об обстановке позиции, о его соседях и связи с ними.

Когда батальон противника прошел нашу замаскированную засаду, я быстро пошел навстречу батальону противника.

Меня, видимо, приняли за командира полка, так как один из офицеров скомандовал:

— Смирно, господа офицеры.

Подойдя к передним рядам батальона, я предложил комбату объяснить, что они теперь военнопленные и чтобы офицеры не волновались, так как никого расстреливать не будем.

Человек 13 офицеров под охраной моего адъютанта пошли в деревню. Когда офицеры ушли, я пошел к солдатам. Однако, не доходя пять-семь шагов, сзади колонны вдруг раздалась очередь пулеметного огня и затем громкое «ура» моих красноармейцев. Батальон белых упал на землю.

Оказывается, сзади три офицера-пулеметчика, видя, что попали в засаду, решили навести панику и убежать. Понятно, уйти им не удалось...

Я поднял лежавших на земле колчаковцев, приказал построиться поротно и двигаться в деревню. Все люди, как один, выполнили мое приказание.

А. Матусевич

ВЗЯТИЕ НОВОНИКОЛАЕВСКА

Матусевич Антон Александрович — командир Московского революционного отряда с 1918 г. Командир батальона 242 Волжского полка 27 дивизии.

Из-за многочисленных ранений демобилизован из Красной Армии в 1921 г.

Награжден двумя орденами Красного Знамени.

★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★

В ноябре 1919 г. при наступлении на Новониколаевск 27 Омской дивизии я находился в 242 Волжском полку... Части белой армии отступали под нажимом нашей бригады по пути железной дороги...

Противник укрепился на удобных позициях, оказывал упорное сопротивление, переходя в контратаку, но после трехчасового боя был опрокинут и отходил к Новониколаевску за Обь. Командир 242 Волжского полка получил сведения из Новониколаевска, что противник при отходе из города будет взрывать стоящие на станции эшелоны, депо и железнодорожный мост. Белые, чехословаки и польские легионеры сильно укрепились, полагая удержать город, в случае же неудачи все взорвать и сжечь, а содержащихся в тюрьмах политзаключенных расстрелять.

Наша бригада состояла из трех полков — Петроградского, Крестьянского и Волжского. Остальные бригады (в количестве двух) 27 дивизии двигались правей, наша бригада выдвинулась немного вперед других частей. Левее и правее наступали 30 и 35 дивизии.

Получив сведения, что белые защищаются, и к тому же у них имелось в десять раз больше сил, чем у нас, и, не дожидаясь подхода остальных частей нашей и соседних дивизий, наша бригада решила взять город, ибо после будет труднее — противник укрепитя и все уничтожит.

Будучи вызван командиром Волжского полка, я получил задание зайти в тыл к белым, под видом отступающей части белых, войти в Новониколаевск, не допустить взрыва железнодорожной станции, поездов и прочего, захватив штаб 3 белой армии, и поднять в

*А. А. МАТУСЕВИЧ —
командир особого отряда,
начавшего освобождение
г. Новониколаевска.*

тылу белых панику при наступлении наших частей на город.

Задачу эту я выполнил следующим образом: выбрал из своего третьего батальона 60 боевых красноармейцев, два пулемета, 50 лент к ним, объяснив своему отряду, что на нас возлагается и как нужно будет себя держать в случае обнаружения белыми.

В шесть часов вечера посадил красноармейцев в сани, придав им вид белых, сам в погонах штабс-капитана, двинулись в сторону белых окружным путем. Я обошел с отрядом выставленные посты, зайдя в тыл белых в 10 часов вечера, подошел к реке Обь, где на другом бе-

регу был расположен освещенный электричеством Новониколаевск.

Зная пароль и пропуск белых, двинулся в город, ссадил с саней отряд, оставил подводы около рабочего поселка, скомандовал: «Справа по два, один пулемет впереди, второй сзади», — повел отряд через реку в город. Здесь нас остановил пост белых, спросив пропуск, но, увидев у меня погоны на плечах, не дожидая ответа, пропустил, приняв за своих. Начальник поста спросил: «Ну как, разве красные наступают и недалеко от города?» Я ответил, что да, наступают, но их задержали, скоро обратно погонят, только пятки будут сверкать. Он улыбнулся, а мы пошли дальше в город.

Очутившись среди белых, я подумал, что получится, если узнают, что мы красные. Но, как видно, никто на нас не обращал внимания. Улицы были запружены под-

водами, обозами, кавалерией, солдатами и бежавшей буржуазией. Я подошел к валу железной дороги. В этот момент с вала сходил, видимо, рабочий из депо, поравнявшись с ним, я спросил: «Скажите, как выйти к железнодорожной станции?». Он указал направление, понизив голос, спросил, когда мы будем. Я ответил, что мы белые, он посмотрел кругом и, видя что никого нет, шепотом сказал мне: «Вы красные, рабочие вас ждут, а то белые всю удирают и взорвут депо». В том месте, где меня встретил рабочий, было безлюдно. Я ответил ему, что мы красные и пусть он рабочих предупредит осторожно о приближении отряда к станции, напомнив ему, что сигналом для рабочих будет синяя ракета, и он скрылся.

Я двинулся дальше. Пройдя под железнодорожный мост, встретил обоз подвод с разного рода военным грузом. Впереди ехали два офицера, которые спросили: «Какой части, господин штабс-капитан?» В ответ я скомандовал: «Руки вверх, сдать оружие». Это произошло в одну минуту. Обезоружив офицеров и обозников, мы двинулись дальше. По улице прогуливались офицеры, раскатывались с барышнями, не обращая на нас внимания.

Когда подошли к станции, было 11 часов ночи. Вдали слышен был артиллерийский бой — это наступали красные полки на город. Буржуазия бежала на станцию, грузилась в вагоны. Из гостиницы напротив станции выходили офицеры с барышнями, ругаясь шли на станцию. Я расставил на перекрестках улицы по 5 красноармейцев, начал задерживать офицеров и обезоруживать, около станции кругом поставил свои посты, предупредив, что, если кто попытается бежать, на месте колоть и стрелять. С правой стороны вдоль улицы стояли орудия — около ста штук — я, сняв часового, поставил красноармейцев.

При дальнейшем обезоруживании офицерство начало оказывать сопротивление, вследствие чего было несколько человек заколото. Со станции заметили, что делается что-то неладное. Вышел из вокзала один офицер, держа револьвер в руке, и, подойдя ко мне, спросил: «Что тут делается, почему задерживаются люди?» Я ответил, что так надо, и, направив на него наган, скомандовал: «Ни с места». Он попытался уйти от меня со словами «после разберемся», тогда я выстрелил в него.

Он бросился бежать к станции. Видя, что он сейчас поднимет белых, находившихся в вокзале и в вагонах, я решил взять вокзал, дав условный знак (сигнал) рабочим, подал команду отряду приготовиться для встречи противника, расставил красноармейцев около заборов, оба пулемета направил на вокзал, через окна сам с тремя красноармейцами ворвался в него и в дверях схватил растерявшегося полковника, крикнул присутствующим, что они окружены красными войсками и предлагаю офицерам и белоармейцам выйти на улицу и бросить оружие. В случае сопротивления по вокзалу будет открыт огонь из пулеметов, которые были направлены через окна. Царила мертвая тишина. Все выжидали, что будет дальше. Около меня стояли два красноармейца, направив винтовки в зал, с двумя гранатами. Малейшая попытка белых — и мы применим гранаты. Никто не двигался. Видя, что из моих слов ничего не выходит, я выскочил из вокзала, подал команду пулеметчикам открыть огонь, но взять прицел по крыше и, в случае если не будут сдаваться, перенести огонь внутрь здания. Как только был открыт огонь, белые начали выбегать и бросать оружие. Я всех обезоружил и занял вокзал, кругом рассыпал в цепь 20 красноармейцев, дабы предупредить наступление белых.

В этот момент белые с тыла открыли пулеметный огонь, но прицел у них был взят выше, пули ударялись почти под крышу вокзала. Я подал команду: «Пулеметы кругом», выдвинул на возвышенное место, определил расстояние до пулеметов противника, цель взял по стреляющим. На первом пулемете работал наводчик Ренбух (латыш), на втором — наводчик Гуторга, под командой взводного Ароста (латыш). Мороз был 40 градусов. Подал команду: «Сбить пулеметы противника», и мои пулеметчики взяли так верно прицел, продольно по улице, что через некоторое время их пулеметы замолкли, впоследствии выяснилось, что прислуга и лошади были перебиты.

Взяв двух красноармейцев, я влетел в комнату начальника станции, объявив, что я командир красного отряда, велел ему отдать приказания, чтобы ни одного поезда из Новониколаевска не пропускать, прибывающие поезда принимать, если же не будет исполнено приказание — расстреляю на месте. Сейчас же было отдано распоряжение дежурному по станции не пропу-

скать из Новониколаевска ни одного эшелона. Оставив часового при начальнике станции, приказал ему в случае чего — колотить на месте.

На путях станции стояло более 18 эшелонов с разным военным грузом: обмундирование, орудия, пулеметы, патроны, снаряды, авиация, броневик — штаб 3 армии, два эшелона казаков и солдат и беглой буржуазии с имуществом. Действовать надо было быстро, чтобы не дать белым узнать, сколько нас находится в городе и на станции, ибо, узнав, что нас мало, они могли перейти в наступление.

Недалеко от города был слышен бой — наступали наши. К станции начали прибывать рабочие депо группами по 100—200 человек, минут через 20 собралось до 700 человек, которым мы выдали оружие, сданное белыми. Я обратился к рабочим и объяснил им, какая на них лежит задача. Они были разбиты на десятки, на каждый десяток назначался старшина, а на сотню — командир. Это делалось быстро, и минут через 10—15 они рассыпались в цепь около железной дороги. Как только белые пытались подойти к станции — открывался огонь.

Прибыла подпольная коммунистическая организация, принявшая активное участие по обезоруживанию белых войск. Я же, взяв десять красноармейцев, направился в штаб 3 армии. Ворвавшись в вагон, где находился генерал, я скомандовал: «Руки вверх». Он поднял руки, спросил, кто мы, я ответил, что я красный командир, и сказал ему, что пусть он передаст приказание, чтобы офицеры штаба сдались сейчас без сопротивления, иначе я разнесу весь состав в пух и прах, если же сдадутся, никто не пострадает. Генерал передал приказание через адъютанта. Около 60 офицеров сдали оружие без сопротивления. Я весь состав штаба отправил на вокзал. По дороге генерал остановился и спросил: «Скоро ли нас будете расстреливать?» Я ответил ему, что мы не такие звери, как они, белые, у нас на то есть трибунал, где разберутся, и, когда нужно будет, то расстреляют, добавив, что мы, рабочие и крестьяне, хотя и малокультурны, но такого зверства не делали, как белая армия оставляла позади себя кровавый след... Он опустил голову и сказал: «Да, Красная Армия сильна, с ней народ, с нами — никто» — и очень удивился, что так быстро и незаметно вошли красные в город. Сказал, что ждал не раньше, как через четыре дня.

НОВАЯ ПОБЕДА!!

Красная Армия Добивает Колчака.

14го декабря, в 2 часа дня нами с боем занят

Г. НОВО-НИКОЛАЕВСК.

По приблизительному пока подсчету нами взято около 5-ти тысяч пленных, 52 орудия, несколько генералов и много офицеров.

Железная дорога от ст. Чумын до Ново-Николаевска, на протяжении 123-х верст по обочи пути, забита эшелонами противника с артиллерийским и инженерным имуществом.

О новой крупной победе 5 армии — взятии Новоиколаевска — возвещает оперативная листовка.

Передав под караул всех офицеров и солдат, я обезоружил охрану и другие части при штабе без всяких потерь. В это время бой шел около пригорода. Я воспрянул духом, что наши скоро будут в городе. Офицеры все время из города бежали на станцию. Тут мы их обезоруживали. Вдруг ко мне является капитан, заявляет, что он начальник пулеметной команды, и передает в полное распоряжение себя и остальных офицеров и 120 солдат с 12 пулеметами и хочет принести пользу красным войскам. Я посмотрел на него и понял, что этот офицер говорит чистосердечно, предлагая свои услуги.

В городе поднялась паника, рабочие по городу обезоруживали офицеров. Подошедший офицер начал просить меня пойти к нему в поезд, который стоял на шестом пути. Я рискнул пойти с ним один и узнать, в чем дело, предупредив его, что в случае, если меня убьют, все равно они никуда не скроются и будут наступающими красными войсками расстреляны. Когда я вошел в вагон, где находились офицеры пулеметной команды, начальник их скомандовал «смирно», я поздоровался с офицерами, предложил им сдать оружие, что они сейчас же исполнили. Затем пошел по вагонам, солдаты

обступили меня, начали расспрашивать про жизнь при Советской власти. Через два пути стоял казачий эшелон. Я предложил начальнику пулеметной команды взять солдат и обезоружить казачий эшелон. Он моментально, взяв 50 белогвардейцев, начал обезоруживать казаков. Те сначала оказали сопротивление, но потом стали сдаваться. Затем выставил посты около эшелона, чтобы не допустить растаскивания военного имущества.

Бригада ворвалась в город в час ночи, а в четыре часа утра город был занят красными целиком.

По прямому проводу

Омск, Реввоенсовет, Смирнову

Поздравляю со взятием Новониколаевска. Позаботьтесь всячески о взятии в целости Кузнецкого района и угля. Помните, что будет преступлением чрезмерно зарываться на Восток, когда надо с бешеной энергией...¹

Сообщите мне час получения этой телеграммы.

15/12. Предсовнаркома Ленин²

*Написано 15 декабря 1919 г.
Впервые напечатано в 1959 г.
в Ленинском сборнике XXXVI*

Печатается по машинописной копии

¹ Далее телеграмма не расшифрована. (Прим. ред.)

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 92.

КАК ПРОИЗОШЕЛ ПЕРЕВОРОТ В ТОМСКЕ

Молотов Константин Михайлович послан Сибирским областным бюро РКП(б) вместе с Францем Суховерховым в августе 1918 г. для восстановления организации РКП(б) в Томске и налаживания партийной работы в других городах Сибири.

В августе в Томске на первой Западно-Сибирской партийной конференции избран председателем Западно-Сибирского областного комитета партии.

Один из участников создания в декабре 1919 г. в Томске Военно-революционного комитета.

В последующие годы — на преподавательской работе.

★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★

После ноябрьской общегородской конференции партии Томский комитет должен был все свое внимание направить на организацию революционного переворота. Разложение колчаковской власти было не только очевидно, но оно приняло такие размеры, что, казалось, достаточно одного маленького нажима — и разлетится все белогвардейское здание.

13 ноября пал Омск. Белогвардейское правительство переехало в Иркутск, причем министры получили жалованье из банка на год вперед золотом. Белая армия, совершенно разложившаяся, представляла сброд бандитов и пьяниц, грабивших все на пути своего отступления.

Геройская Красная Армия так быстро шла вперед, что белогвардейские офицеры не успевали погонять своих лошадей. Фактически белогвардейского фронта не было, и если генерал Сахаров, сидя в Новониколаевске, еще пытался говорить о какой-то дисциплине и законности в армии, то это была жалкая смешная комедия.

Создание самоохранны в городах было результатом желания белогвардейских воителей потихоньку улизнуть на восток под прикрытие японских штыков. Комитеты общественной безопасности являлись последними актами творчества белогвардейцев.

16 декабря рано утром в Дом физического развития на Солдатской улице, где была основана партийная квартира, собрались несколько товарищей, имевших связи с воинскими частями, которые заявили, что ждать

нечего, нужно попытаться взять власть в свои руки. За целых две недели до этого в большинстве воинских частей были созданы ячейки сочувствующих, и теперь стоял вопрос только о том, чтобы узнать свои силы и наметить план захвата власти.

Рано же утром 16 декабря к Дому физического развития были привезены винтовки, гранаты и пироксилин. Сама обстановка привоза оружия была чрезвычайно интересна. Винтовки везли открыто, также совершенно открыто они были внесены во внутрь дома на глазах у прохожих. В 11 часов утра собран был городской комитет партии в маленькой комнатке у одного из товарищей на Гоголевской улице. На этом заседании было решено — вечером, подготовив районы, взять власть в городе. Для того, чтобы более или менее твердо знать надежные силы, решено было созвать конференцию из представителей воинских частей.

В это время Пепеляев со своим штабом и охраной находился на станции Томск-1. По городу блуждали поодиночке или группами самоохранники, иногда проезжали конные отряды. Нелегально организовать широкую конференцию, соблюдая полную конспирацию, нельзя было, и поэтому решено было устроить конференцию наполовину открыто, приняв все меры для организации решительного боевого отпора в нужный момент.

К 5 часам вечера в Дом физического развития была вызвана сербская рота, которая несколько месяцев тому назад связалась с партийным комитетом. Время от 11 до 5 часов решено было использовать для оповещения организаций районных. В район «Земского городка», Томска-II и Томска-I пошли члены комитета, штаб же занялся подготовкой конференции.

В 5 часов вечера Дом физического развития представлял следующую картину: во внутреннем помещении внизу стоит караул, который никого не пропускает дальше без пропуска. Направо, в сравнительно небольшой комнате, в которой жили Молотов и Лямин и где печатались листовки, происходили заседания комитета и шла вся организующая партийная работа, сидело на стульях и скамейках, поставленных в ряды, человек 70 представителей коммунистических ячеек и сочувствующих в воинских частях. Окна на улицу были завешены, около маленького стола сидели члены штаба и регистрировали представителей воинских частей.

Почти все части, за исключением пепеляевского полка, имели представителей на этой конференции. Обсуждался вопрос о переходе власти в руки нового революционного органа. Большинство представителей считало, что власть можно взять очень скоро, но в конце концов, желая избежать напрасного кровопролития, решено было постараться завязать связь с пепеляевским полком.

В 6 часов вечера было созвано первое заседание Военно-революционного комитета, на котором был избран президиум (председатель Янсон, товарищ председателя Молотов, секретарь Ильин). На первом заседании Военно-революционного комитета решено было взять власть как можно более безболезненно, так как фактически власть в городе уже сосредоточилась в руках коммунистов. Заседание комитета объявлено было перманентным и место заседаний перенесено поближе, в помещение сербской роты.

Все это время и всю ночь штаб вел лихорадочную работу среди воинских частей, всюду посылались политические комиссары. Ночью же завязалась неорганизованная перестрелка возле Дома науки между частями венгерского и пепеляевского полка. Было несколько человек убито и ранено. В это время Пепеляев все еще находился на станции Томск-I, и только ночью стало известно, что он скрылся с несколькими из своих офицеров.

Ночные переговоры Военно-революционного комитета с комитетом общественной безопасности носили прямо-таки комедийный характер. Представители думского комитета не находили слов выразить свой восторг перед приходом новой революционной власти. Как будто бы они все время только и ждали этого счастливейшего для них часа.

В 8 часов утра новый¹ назначенный комендантом города, т. Озол, со своим помощником Ляминим заняли Дом Свободы, почту, телеграф и все наиболее важные городские учреждения. В расклеенных листовках говорилось о свержении колчаковской власти и переходе ее в руки рабочих и крестьян.

Таким образом произошел переворот.

Первые дни работы Военно-революционного комитета были направлены на то, чтобы как-нибудь наладить

¹ Так в тексте (Прим. ред.)

продовольственное снабжение воинских частей, предотвратить контрреволюционные попытки и организовать оборону города. Эта оборона оказалась излишней, так как белогвардейские части, отступающие с фронта, постепенно таяли и через Томск прошло только несколько отрядов, которые сдались Военно-революционному штабу.

20 декабря, к вечеру, в город вошел советский Уральский полк. Рабочий Томск снова соединился с Советской Россией.

СООБЩЕНИЕ ТОМСКОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА О ВЗЯТИИ ИМ ВЛАСТИ В ТОМСКЕ

17 декабря 1919 г.

К населению Томска

Товарищи и граждане! Вчера вы легли...¹, а сегодня встали свободными людьми.

Колчаковской армии больше не существует!

Все части Томского гарнизона перешли на сторону революционного народа, мирно заняв, по приказанию Военно-революционного штаба, город.

В настоящее время вся полнота власти в Томске впредь до прихода регулярных советских войск принадлежит Военно-революционному комитету.

Военно-революционный комитет призывает население Томска к спокойствию, выдержке и революционному порядку.

Военно-революционный комитет стоит на страже интересов мирного населения, ставя главной своей целью, помимо утверждения Советской власти, также и охрану города, жителей и народного достояния от грабежей, убийств и насилий со стороны бегущих с фронта грабительских белогвардейских шаек.

Все учреждения должны продолжать свою работу. Пусть каждый спокойно остается на своем месте.

Военно-революционный комитет заявляет, что он не допустит в городе никаких эксцессов, расправ и самосудов, самочинных арестов и обысков. Все попытки в этом направлении будут подавляться самым решительным и беспощадным образом.

Все приказания и распоряжения Военно-революционного комитета должны исполняться немедленно и беспрекословно.

Лица, виновные в сопротивлении, в неподчинении Советской власти, а также лица, нарушающие мирную жизнь города, будут предаваться суду Военно-революционного трибунала.

Да здравствует Советская власть!

Военно-революционный комитет².

¹ Текст разорван. (Прим. ред.)

² Газета «Знамя революции», № 2 от 20 декабря 1919 г.

**ОБРАЩЕНИЕ ТОМСКОГО
ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА
К ЧАСТЯМ КРАСНОЙ АРМИИ,
ВСТУПИВШИМ ПЕРВЫМИ В ТОМСК**

20 декабря 1919 г.

Сегодня — день торжества, день ликования, день долгожданной встречи. Сегодня славные победоносные ряды революционной армии рабоче-крестьянской Республики Советов вступили в Томск. Сегодня все трудящиеся, все угнетаемые почувствовали, что черные дни миновали, что час искупления пробил. Сегодня славные полки советских войск соединились с повстанческими полками и революционным пролетариатом Томска.

Они пришли. Пришли те, которых ждали мы с тоской, с нетерпением. Их путь был триумфальным шествием, повсюду встречали они братские объятия освобождающихся рабочих и крестьян Сибири.

Мы верим, что так же свободно, с таким же триумфом пройдут они через всю Сибирь, ожидающую их как своих спасителей. Мы верим, что близок час, когда вся территория великой, могучей, свободной, революционной России будет освобождена от кровавых банд реакционных проходимцев, когда Красное знамя труда будет реять над всеми городами и селами России.

Приветствуем вас, революционные герои, славные борцы за рабоче-крестьянскую власть. На ваших штыках принесли вы свободу сибирским рабочим и крестьянам.

Впереди вас ждет торжество и победа.

Приветствуем вас, славные легионы рабоче-крестьянской Республики!

Томский Военно-революционный комитет¹.

¹ Газета «Знамя революции», № 3 от 21 декабря 1919 г.

**ИЗ СООБЩЕНИЯ ГАЗЕТЫ
«ЗНАМЯ РЕВОЛЮЦИИ»
ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ГОРОДА ТАЙГИ
ОТ КОЛЧАКОВСКИХ ВОЙСК**

23 декабря 1919 г.

Город Тайга занят сегодня, 23 декабря, после 8-часового боя. В городе находятся большие части регулярных советских войск, которые завтра выступают на преследование противника. В бою принимали участие некоторые из оставшихся солдат, офицеров и железнодорожников. Власть находится до завтра в руках одного комиссара, который завтра передает ее Военно-революционному комитету. Город и станция немного пострадали. Принимаются меры для восстановления транспорта и экономической жизни города. Настроение у всех бодрое.

Последние две недели для Тайги прошли очень тревожно. Белые части, как голодная саранча, пожирали тайгинское продовольствие и расхищали городское и обывательское имущество. Так, например, разграблена часть товаров местного отделения кооператива служащих и рабочих Томской железной дороги...¹ Первые часы существования красной власти проходят в лихорадочной работе. Железнодорожный транспорт и экономическая жизнь города налаживаются. Настроение населения радостное, оставшиеся белые части высказывают полное желание записываться добровольцами в Красную Армию, беженцы со слезами на глазах удивляются гуманности Советской Армии и высказывают сожаление по поводу попытки бегства.

Трофеи громадны. Поляки, которые, кстати сказать, дрались чрезвычайно храбро, отступили в беспорядке, оставив много военного имущества. Жители сегодняшнюю ночь засыпают спокойно, в городе полная тишина².

¹ Опущены второстепенные детали. (Прим. ред.)

² Газета «Знамя революции», № 5, от 25 декабря 1919 г.

И. Погодин

ЩЕГЛОВСКАЯ ТАЙГА

Погодин Иван Михайлович — военный комиссар 35 стрелковой дивизии. В ее составе — с 17 сентября 1919 г. по 17 марта 1920 г.

Участвовал в освобождении: Петропавловска, Омска, Новониколаевска, Красноярска. Затем — член Военного совета Народно-революционной армии ДВР.

Части 35-й дивизии, преследуя отступающего противника, подходили к небольшому уездному сибирскому городу Щегловску [Жемерово.— *Сост.*].

311 полку, по приказу дивизии, предстояло занять этот город. В тот же день я поехал в 311 полк, с тем, чтобы участвовать в занятии города. Начдив тов. Нейман остался в штабе дивизии для руководства остальными частями, с расчетом прибыть в город на другой день. Заехав по дороге в штаб 2 бригады и сговорившись с комбригом тов. Татаринцевым, мы отправились по направлению 311 полка, наступающего на Щегловск. Каково же было наше удивление, когда мы, приехав к вечеру в деревню, расположенную в 22 верстах от Щегловска, застали там 311 полк. Комполка тов. Зелипугин доложил нам, что им несколько часов тому назад была занята деревня, расположенная в семи верстах от Щегловска. К этой деревне сходятся две дороги: одна с запада, по которой наступал 311 полк, а другая — с юго-запада с направлением на Щегловск.

Когда эта деревня была без боя занята полком, то по юго-западной дороге показалась большая конная колонна противника, отступавшая по этой дороге. Обнаружив присутствие нашего полка в деревне, она повела наступление. Учтя то обстоятельство, что деревня, расположенная в балке, представляла очень плохую позицию для обороны и то, что противник наступал превосходными силами, комполка решил отступить в северном направлении, пользуясь прикрытием балки. По колено в снегу, полк развернутым строем отступил в деревню, где мы его и нашли.

Было уже около 24 часов, когда, посоветовавшись с комбригом тов. Татаринцевым, я приказал комполка по-

строить полк и выступить вперед для занятия Щегловска, рассчитывая нападением врасплох, по крайней мере, отхватить часть неприятельского обоза. Командир и комиссар полка заявили на это, что красноармейцы страшно устали, спят по избам и их очень трудно будет собрать, поэтому лучше отложить наступление до следующего утра.

Несмотря на это, мы с тов. Татаринцевым все же приказали собрать полк и выступить не на подводах, а пешим порядком, опасаясь, что усталые красноармейцы уснут на подводах и померзнут на сорокаградусном морозе; кроме того, в случае надобности, будет трудно развернуть полк в боевой порядок. В два часа ночи полк выступил. Красноармейцы, действительно, были очень усталые и почти через каждые две-три версты просили привала и, несмотря на сильный мороз, тут же на дороге ложились и засыпали. Можно полагать, что только мое личное присутствие, как комиссара дивизии, сдерживало сильный ропот красноармейцев, все время жаловавшихся на усталость. Однако не обошлось без инцидента. По дороге, верстах в четырех-пяти от деревни, мы наткнулись на отдыхающий наш батальон, который выступил еще до нас. Тут подошел ко мне комиссар батальона и, по-видимому под давлением красноармейцев, громко в присутствии последних заявил, что они идти дальше не могут, так как валятся с ног. Мне пришлось сейчас же сместить этого комиссара, поставить его красноармейцем в строй и назначить другого коммуниста из батальона. Батальону я командовал встать, и он пошел дальше.

Часам к восьми мы подошли к Щегловску, не нагнав белогвардейцев, и заняли его. Узнав от жителей, что хвост обоза белогвардейцев вышел из Щегловска только несколько минут тому назад, мы выслали конную разведку полка для того, чтобы создать хоть видимость преследования: посылать полк идти дальше не представлялось никакой возможности. Еще через несколько минут мы уже слышали за городом пулеметную и ружейную стрельбу, а через час наша конная разведка пригнала в город около 300 подвод неприятельского обоза, отрезав его от общей массы отступающей армии.

У жителей города мы выяснили, что начинающаяся в 17 верстах от города на восток тайга имеет только

одну трактовую дорогу, что в семи верстах от начала тайги есть маленькая деревушка переселенцев, не нанесенная на карту, и что к этой деревушке есть еще одна проселочная дорога... Мы быстро посадили один батальон из подоспевшего более свежего полка на подводы и направили по этой, свободной от неприятеля, дороге. Батальон подошел к деревушке в тайге как раз в тот момент, когда удиравшие остатки белогвардейской армии, все на подводах, головной своей частью подошли к выходу из этой сорокаверстной тайги в степь, а хвост их только что втягивался в тайгу. Двигались они очень медленно и, чтобы ускорить все-таки движение, построили обоз в три ряда. Трактовая дорога позволяла это. Зато свернуть в сторону было немислимо, так как все утопало в рыхлом полуторасаженном снегу. Подойдя к деревушке и не имея возможности из-за глубоких снегов развернуться, наш батальон неожиданно для неприятеля открыл стрельбу из пулемета, бывшего на первой подводе. Этого было достаточно, чтобы среди белых поднялась страшная паника. Паника передалась с быстротой молнии к голове колонны и, естественно, вызвала стремление быстрее ехать. К несчастью белогвардейцев, перед самым выходом из тайги оказался очень глубокий овраг, в который передние подводы под напором задних падали и тем загромождали дорогу. Тут уж расчищать путь, по-видимому, было некому. Всякий спасал свою шкуру и, кто еще мог, обрубал построики или распрягал лошадь, садился верхом и удирал. Но даже и это удавалось только немногим и то только передним. Весь обоз, в котором мы насчитали около десяти тысяч подвод, застрял в тайге и достался нам. Чего в этом обозе только не было! Тут были и пушки, и пулеметы, и ружья, и телефонно-телеграфное имущество, и гражданский, награбленный белогвардейцами, скарб, и продовольствие, и вещи самих белогвардейцев. Наши две саперные роты работали целые сутки только над тем, чтобы повозки среднего ряда из обоза разбросать по сторонам и дать возможность продвинуться вперед нашим частям.

Когда мы ехали среди этого кладбища, впечатление было довольно жуткое. Ехать пришлось буквально по трупам сотен издохших лошадей и даже замерзших людей, полузасыпанных выпавшим в этот день снегом. Много лошадей, в большинстве случаев распряженных с

целью проехать верхом, издыхало, утонувши в снегу около дороги.

Навстречу нам брели группами изнуренные голодные и полузамерзшие белогвардейские солдаты, направляясь в ближайшие деревни. Их никто не преследовал.

Когда мы выехали из тайги, тысячи лошадей, которых побросали белогвардейцы, бродили по степи, истощенные и голодные, их хозяева удирали дальше на свежих, похищенных у крестьян лошадях. Крестьяне, напуганные рассказами белогвардейцев, лошадей этих не брали, боясь того, что мы будем их отбирать и даже преследовать за это. Стоило много хлопот убедить их, чтобы они брали этих лошадей взамен угнанных белогвардейцами.

РАТНЫЙ ТРУД

Азарх Раиса Моисеевна (1897—1971 гг.) — медицинский работник Красной Армии. Член Коммунистической партии с марта 1917 г. Из семьи ремесленника. Окончила медицинский факультет Харьковского педагогического института (1917 г.).

Участница Октябрьских боев 1917 г. в Москве. В декабре 1917 г.—январе 1918 г. член ВЦИК. В 1918 г. на советской и партийной работе. С августа 1918 г.—начальник санчасти Северо-Восточного участка отрядов завесы (Вятка); во время Ижевско-Воткинской операции 1918 г.—военком полка Вятской особой дивизии. В декабре 1918 г.—июле 1919 г.—начальник Главного военно-санитарного управления Украины.

С ноября 1919 г.—на Восточном фронте, в январе—марте 1920 г.—начальник санслужбы 5 армии, один из организаторов борьбы с эпидемией тифа в сибирских городах. За заслуги в гражданской войне награждена орденом Красного Знамени.

С 1921 г.—на журналистской, партийной и литературно-издательской работе. В 1936—1937 гг. доброволец в составе интербригады в Испании.

Конец 1919 г. Москва торопит: «Продвигайтесь скорее, вести из 5 армии отчаянные: тиф косит, нет персонала, нужны руководители».

Приказом командования с Украинского фронта на Восточный перебрасывается специальный поезд-госпиталь. В поезде—семьдесят пять врачей, столько же фельдшеров, да еще вспомогательный персонал, всего человек триста.

Мне довелось уже побывать на Восточном фронте. В августе 1918 г. я выехала из Москвы с отрядом добровольцев. В суровых боях рождались тогда первые соединения Красной Армии. Я была комиссаром в Особой Вятской дивизии, подавлявшей Ижевско-Воткинский мятеж.

Теперь совсем другое время—освобожден Урал, Красная Армия перевалила через горы, бои идут уже на равнинах Сибири. Адмирал Колчак еще бросает резервные части на фронт, но уже ясно, что конец его близит — неотвратимо.

...А мы так много и подолгу стоим.

Маленькая станция. Здесь скопились десятки военных эшелонов. Каждый с пометкой «боевая скорость».

Наш состав даже имеет телеграмму В. И. Ленина о внеочередном продвижении.

С нами Артем, он за главного.

Партия послала Артема своим представителем в Башкирию, до Уфы нам по дороге.

Замечательный человек, один из рыцарей старой ленинской гвардии, любимец Донбасса и Харькова¹.

Топлива нет. В этих двух словах красноречивый ответ на длинные речи комендантов поездов.

Артем обслеует окрестности. В полутора верстах находит заброшенные штабеля негодных шпал, смерзшихся, занесенных снегом. Организует воскресник. Наш поезд выходит весь. Артем впереди.

Два дня мы разрываем кладбище шпал. Вспомогательные дружины пилят, переносят дрова, грузят.

И вот поезд уже весело бежит по рельсам.

Подобрались хорошие дружные товарищи. В Москве наша группа пополнилась Аней Васильевой. Аню Васильеву на «Динамо» звали Нюрой. С желтоватой головкой, особенного цвета, который бывает у деревенских ребятишек, с лицом можайской крестьянки и фигурой, похожей на березку, она пришла на завод еще девочкой и рано связалась с большевистским кружком.

В разведку, восстановить связь — Аня тут как тут. Всегда веселая, спокойная, немного застенчивая. Когда начались бои, Аня поехала на Украину. В Курске ожидали конца переговоров с немцами, Аня не выдержала и отправилась через фронт. Была поймана петлюровцами в Никитовке, но ни в чем не созналась даже под пытками. Потом дралась в коннице Буденного...

...В крошечном уголке вагона, за перегородкой стоит кроватка, прикрепленная к полу, и маленький столик с игрушками. Здесь мой сын Михаил — Мурзик.

Возились с Мурзиком все. Но особенно он любил Артема. С утра заметно нервничал, поджидая друга, и как только в коридоре раздавалось похлопывание — это Артем стряхивал с валенок снег, — он бросался к двери с возгласом:

— А-л-тем!..

При этом ручонки прикладывал к сердцу, изображая свою радость.

¹ Федор Андреевич Сергеев (1883—1921 гг.) — выдающийся деятель партии, руководитель Харьковского восстания в 1905 г., один из руководителей КП(б) Украины. (Прим. ред.)

Снова начались заносы. Мы стоим уже пятыё сутки у Бугульмы.

Артем обходит ближайшие деревни, собирает крестьян, ведет беседы, использует и всю нашу группу в качестве своих помощников.

Он уже связался с Москвой, сообщил Ильичу о злоупотреблениях в местном Совете, о необходимости перерайонировать части Пензенской губернии, тяготеющие к другому центру, о присылке людей.

Снова появляются ходоки. Старик крестьянин говорит:

— В Москве власть настоящая, бедняцкая, а у нас богатейшая. Пиши, мил друг, Ленину. Он всех их по шапке.

Уфа. В штабе фронта узнаем, что Красная Армия уже около Омска.

От Уфы начинается район действий нашей армии. Значит, будем продвигаться быстрее. Но пространства остаются все же огромные. Выделяем группу во главе с Дремлюгом, которая поедет впереди случайной оказией, так как всем поездом двигаться трудно.

Мы взбираемся по извилистому пути все выше и выше. Лес предгорья почти сливается с насыпью и кажется застывшим в своей неподвижности. Идем через Уральские горы. Незаметно берем вершины и плавно скатываемся к Златоусту... Большинство рабочих работает на дому, около половины мужчин ушли с Красной Армией. В поселках, среди разрушенных домов, уже высяты свежие выструганные бревна новых бараков для сыпнотифозных.

В Челябинске задерживаемся, так как в нескольких вагонах, по-видимому не рассчитанных на эксплуатацию при пятидесяти градусах ниже нуля, лопаются трубы отопления. Мы поселяемся в исправные вагоны и используем вынужденную остановку для работы, приводим в порядок совершенно лишенный персонала эвакуационный пункт...

Вагоны исправлены, но на день поезд задерживается из-за воды. Трубы у водокачек испорчены, и наливать воду приходится вручную.

Длинной цепью выстраиваемся от депо до пути, где стоят наши вагоны, и за два-три часа наполняем баки паровоза и всего состава. Собравшиеся железнодорожные работницы ошеломлены:

— Вот и нам так надо приловчиться — цепью, — рассуждают они между собой.

В Челябинске — разгул сыпного тифа...

Сибирская магистраль.

По второй железнодорожной линии вытянулись кладбища паровозов, вагонов, всякого скарба; все это занесено снегом, кое-где виднеются трупы.

Мимо, мимо! Этим займется тыловой эвакуационный пункт, оставленный в Челябинске армейский заслон, с переболевшим тифом и привезенным персоналом.

— Таять начнет, чума откроется, — пророчит торговец зайцами на одной из станций.

— Так всюду впереди, — говорят со встречных эшелонов.

Придется основательно поработать над «наследством» Колчака. Оставшиеся зимние месяцы должны стать решающими, иначе весной эпидемия тифа захлестнет весь край. Невеселые думы!

За Челябинском прощаемся с горами, ложбинами, — потянулись бескрайние, безбрежные степи. После украинских масштабов, где через каждые двадцать верст — станция, через пятьдесят — город, сибирская равнина кажется бесконечной. Станции почти через сотню верст, от города до города бывает и по восемьсот, людей мало, и на вид суровые, необщительные.

Курган, Петропавловск. Под Новый год подъезжаем к Омску, но в самый город попасть сразу нельзя — мост через Иртыш взорван, вагоны переправляют по льду.

Куломзино. Станция у самого Омска — большие железнодорожные мастерские, рабочий поселок; здесь, как и в Челябинске, все вчерашние боевики. Когда колчаковцы отступали к Омску, своей столице, куломзинские рабочие выступили с оружием.

— Только с мостом сплеховали, колчаки успели взорвать, — рассказывает машинист.

...Дремлюг встречает нас подробной информацией. Он приехал на неделю раньше.

...В Омске — тиф повоальный, с высокой смертностью; в особенности мрут люди интеллектуального труда, руководящие работники выбывают десятками. Медицинского персонала нет, врачи отступили с колчаковской армией. Где настигнем их, — сказать трудно, — возможно, часть задержалась в Томске, но основная масса, безусловно, покатится дальше.

Кое-что Дремлюгу удалось сделать, но коренного перелома, общей встряски ждуг с нашим приездом.

Навещаю переболевшего Гончарова, моего боевого начальника и в дни Октября, когда он возглавлял Военно-революционный комитет Симоновского района Москвы, в состав которого я входила, и по Вятскому укрепленному району в 18 году, где Н. К. Гончаров возглавлял штаб.

Сейчас товарищ Гончаров — член Реввоенсовета 5 армии, и это значительно облегчает нам организацию санитарного дела.

Приступаем к работе. Рассылаем приехавших врачей по дивизиям, полкам. Из наиболее преданных формируем управление, пополняя украинское ядро. Ведь сюда прибыл почти целиком Главсанупр Украины. И в течение нескольких дней сколачиваем аппарат, знакомимся с материалами, изучаем армейские части, присматриваемся к людям.

В Омске развертывается огромный эвакоприемник, но скоро и здесь уже будет тыл. Занят Томск, Красная Армия подходит к Красноярску.

Из Томска приезжает член Реввоенсовета товарищ Грюнштейн, он наступал с армией. Рассказывает об оставленных белыми госпиталях, о большом количестве медицинского персонала, об огромных запасах медикаментов.

Получив такие отрадные вести, вырабатываем детальный план наступления на сыпняк по каждой дивизии, по всей армии, — недаром же мой второй помощник, Ратный, — блестящий эвакуатор. Надо ехать вперед, сделать из Томска главный резервуар, куда будут стекаться все больные, откуда пойдет оздоровление, надо, не теряя времени, готовиться к борьбе с «колчаком внутренним».

У Новониколаевска природа резко меняется. Начинают попадаться перелески, — это предтайга. Тайга идет пока в стороне, приближаясь все ближе и ближе! Вот она совсем сомкнулась у стальных лент дороги.

Растерянные новониколаевские руководители слезно молят освободить город от мертвых, которые заполняют массы составов, стоящих на путях. Оставляем в Новониколаевске специальные команды, персонал по изолированию, развернутые госпитали.

Подъезжаем к Томску. Дорога идет по лесу. Сосно-

вые и кедровые рощи, перелески, белые прогалины и опять леса, леса. Все это непривычно для нас, жителей донбасской степи.

В Томске объявляем мобилизацию медицинских работников. Явилось свыше двухсот врачей и несколько сот человек среднего медицинского персонала.

Объезжаю госпитали. Прекрасное, большое помещение бывшего винного склада. Тифозные больные лежат вповалку, в рубище, а рядом кладовые ломятся от белья. Главный врач не знает, сколько у него больных, удивленно рассматривает разысканные нами в складах топчаны, кровати.

Резко отличается маленький, развернутый во временных бараках, госпиталь военнопленных. Персонал — венгерские врачи. Больные — красноармейцы и колчаковцы, бывшие военнопленные. На шестидесяти койках размещено сто пятьдесят человек. У каждого своя подушка, температурный листок, история болезни. Смертность пять-шесть процентов, в то время как в других госпиталях ее даже трудно учесть.

Главврача винного склада-госпиталя — под арест, персоналу лазарета военнопленных — благодарность от Реввоенсовета, — таковы опубликованные в газетах результаты наших осмотров.

Приказ нравится Петру Петровичу Шумкину. Это старый большевик, наша армейская совесть. Он все время поглядывает на меня чуть-чуть исподлобья, присматриваясь, а на другой день после приказа в местной газете встречает возгласом:

*Р. М. АЗАРХ —
начальник санитарной службы
5 армии*

— Ой-ей-ей! Здорово! Побольше бы в наших приказах такой большевистской диалектики!

Первая массовая демонстрация — революционный долг павшим. На площади хоронят замученных колчаковцами. Это центр Томска. Вскоре здесь раздаются слова красноармейской присяги:

— Я, сын трудового народа, гражданин Советской республики, принимаю на себя звание воина Рабоче-Крестьянской Красной Армии!..

— 5 армия, рабочие и крестьяне Сибири, вы победили Колчака внешнего, добьем Колчака внутреннего! Советская земля будет оздоровлена!

Дана клятва, великое обещание у могил...

В Сибири сто пятьдесят тысяч сыпнотифозных колчаковских солдат; они лежат вповалку на вокзалах, в деревнях, заполнили все. Города сплошь заражены тифом. Теперь слегли и десятки тысяч красноармейцев.

Охватить госпиталями весь край, заставить бесперебойно двигаться в сторону Томска, Тайги эшелоны с больными, а в обратном направлении к магистрали — со здоровыми; организовать изоляцию заболевших, ограждать здоровых, мобилизовать на работу все живое! Сто тысяч коек!

Вот наша задача.

Госпитали второй очереди — это небольшие лечебные учреждения в подвальных помещениях, на задворках больших домов.

В одном из таких госпиталей меня тронула особая заботливость медицинского персонала и приветливость санитаров.

В Томске почти вообще не приходилось встречать открытой враждебности или сопротивления, но этот маленький госпиталь поражал внутренней спаянностью, товарищеским уютом. Собрался персонал, разговорились; несколько санитаров просятся в отпуск по домам, заводам.

— Хоть взглянуть, что осталось от своих...

Оказалось, это бывшие пленные красноармейцы, арестованные рабочие, крестьяне, привезенные в Томск на четырех баржах, чудом уцелевшие смертники.

Старший врач госпиталя поддерживает просьбу санитаров и тут же передает свой рапорт и акты осмотра барж, составленные гарнизонным врачом Кононовым,

врачами Толстовым и Упоровым, бывшими представителями Всероссийского земского союза.

Вот выдержки из этих документов:

«7 сентября в Томск из Тюмени и Тобольска прибыли четыре баржи: «Волхов», «Белая», «Вера», «№ 4». В дороге они находились недель пять.

...Врачей на баржи пригласили, когда в дело вмешался американский Красный Крест, так как прибывшие баржи стали буквально кладбищами и очагами заразы для всего города. Сколько человек и кто там находился, установить невозможно, так как именных списков не велось, но по приемке значилось 10 000. При первом осмотре барж, по данным администрации, там находилось до 3500 человек, а 14-го, приступив к работе, сделал подсчет — оказалось 1800 человек...

Баржи все текут, в некоторых, как, например, на «Белой», в носовом трюме на полу грудой брошены умирающие и больные, почти наполовину в воде.

...Медицинской помощи никакой. Все население сбито в ужасающей тесноте; люки — единственный приток воздуха и света — забивались гвоздями и не открывались по несколько дней. Другой пищи, кроме кусочка хлеба, заключенные не получали ни разу...

На барже «Волхов» нары в несколько этажей из тоненьких дощечек, все население больно тифом и дизентерией. Больные испражняются под себя, и их испражнения стекают на тех, кто под ними.

Умершие валялись вперемешку с живыми по несколько дней.

На барже «№ 4» обнаружено 200 трупов. На другой барже комиссия нашла кучу лохмотьев; при разборке оказалось много трупов, уже сильно разложившихся.

Стража, находившаяся у люков, помимо обычного вооружения, снабжена резиновыми жгутами...

Большинство умирающих, в особенности красноармейцы, в кандалах. Под лежавшими в нижнем ярусе на «Волхове», в носовом трюме на «Белой» кишмя кишели черви, червями были полны гноящиеся раны еще живых, носы и уши умерших. Невыносимый смрад охватывал всякого, подходящего к люку; там люди лежали замурованные неделями...

Баржа «Белая» отличалась массовыми расстрелами. За малейшую провинность, за просьбу прикурить, даже без всякой провинности ежедневно расстреливали по не-

скольку десятков человек. Каждый вечер на палубу выводился ряд обреченных, начиналась расправа, сопровождавшаяся жестокими издевательствами. Расстреливаемых ставили в затылок друг другу и из револьвера убивали одного за другим. Упавших недобитыми заставляли подниматься, для того, чтобы получить смертельную пулю...

В числе расстрелянных много женщин...

Все население поголовно перенесло сыпной тиф и возвратный тиф, очень многие — брюшной; почти все больны дизентерией. Желудки настолько отвыкли от пищи, что многие заболели, когда получили кипяток и горячую пищу, при этом некоторые плакали...

Самые крепкие шатались от слабости, редко у кого был пульс меньше ста ударов в минуту. И эти выздоравливающие, едва державшиеся на ногах, считались здоровыми, гонялись на работы с помощью нагаек, резиновых жгутов, в кандалах, конечно.

Когда я приехал на баржу и потребовал открытия люков, чтобы дать умирающим воздуха, то смертность на другой же день упала со 180 человек до 116-ти...

Но большего, хотя бы снятия кандалов, добиться не удалось.

Перевести в госпиталь больных не разрешили, только в конце сентября, когда баржи стали тонуть и начались заморозки, часть уцелевших, «из наименее опасных», по мнению властей, удалось перевести в мой госпиталь, причем им отвели подвал.

Здесь же дан список восьмидесяти трех человек, которых всяческими правдами и неправдами доктор Толстов сумел спасти (выздоровевших немедленно расстреливали), — одних показал умершими, других устроил санитарам к сыпнотифозным больным.

Из десяти тысяч уцелело восемьдесят три!!!

С приходом Красной Армии было дано распоряжение не делать в госпиталях никакого различия между больными пленными и красноармейцами, они помещались рядом, в палатах. С больными мы не воевали.

Читая рапорт доктора Толстова, я невольно сделала на нем пометку — слова Лафарга: «Когда пролетариат возьмет власть в свои руки, он проявит акты величайшей гуманности».

Профсоюзы объявили мобилизацию на борьбу с

«колчаком внутренним»; партийные организации создали ударные комиссии.

Кроватный завод может давать только сотни кроватей, сбор у населения прибавил тысячу, а нам нужны десятки, сотни тысяч! Артели плотников организовали массовое производство топчанов, пошивочные мастерские готовят белье, сапожные — туфли, вся мануфактура поступает по какому-либо другому назначению только с нашего разрешения.

Лучшие здания города одно за другим переходят к санитарному управлению. Местные работники морщатся, но молчат.

Командование, от полковых штабов до Реввоенсовета, необычайно внимательно к нашим требованиям, помогают всем. Никогда еще звание медицинского работника не было так почетно, как в эти дни...

На две недели закрыли Томск, для эвакуации сюда больных, не пропускали от Тайги ни санитарных поездов, ни летучек. Это маленькое замедление сделано только для того, чтобы дать возможность собраться с силами и бешено пойти вперед.

Боевой штаб по подготовке: Ратный, Дремлюг, Рязанский — врачи-вдохновители, врачи-организаторы, врачи-бойцы; они не покидали управления целыми сутками, тут же спали, тут же перекусывали всухомятку...

Мобилизация персонала, комплектование дивизий, обслуживание железнодорожной линии, организация лечебных заградителей, бешеный натиск на месте — разве вложить все это в рамки суток! Уже в госпиталях стоят пахнущие смолой сосновые топчаны, на вокзале эвакуопункт, а в городе два распределителя.

Газеты ежедневно знакомят население с ходом санитарных работ, сообщают число развернутых коек. Это работа не отдельных людей, не оторванного от масс санитарного управления армии — это дело всех трудящихся Томска!

Наконец первый поезд тифозных. Его принимает делегация от профсоюзов, железнодорожники, работники.

Затем приходит другой, третий. Идут, идут эшелоны...

Четко, мерно распределяются больные по госпиталям.

Прошли все санитарные поезда, уже перестали курсировать летучки между Томском и Тайгой, а в сводке значится: «Места свободные есть».

Нет ни одного сыпнотифозного без призора, в госпитали помещена и часть гражданских больных.

Это была победа организованной воли класса над стихией голода, холода, над колчаком внутренним.

«Добиться такого положения во всех городах Сибири», — бросили лозунг газеты.

И добивались... Не всегда все шло гладко. Приходилось преодолевать сопротивление и отдельных работников и целых управлений...

Бывали нелады с местными работниками. По-человечески, в особенности теперь, многое понятно. Томск был для всей Сибири санитарным центром. Это мешало ему налаживать свою губернскую местную жизнь. Но считаться тогда с местными интересами было невозможно.

На заседании партийного комитета представитель Реввоенсовета знакомит с положением дел на фронте, зачитывает заметку из газеты: «Разбитый Колчак оставил своего единственного союзника — вошь. По ней, по «колчаку внутреннему», должны бить рабочие. Хорошо, что работа проводится под партийными агитационными лозунгами, хорошо, что так помогает томская организация».

— Мы заняли Красноярск, — говорит он, — идем почти без боев, не успеваем преодолевать пространство. Настроение частей — небывалое: в пятидесятиградусные морозы делают тридцативерстные переходы! В Красноярске захвачено огромное количество всякого имущества. Но может настичь катастрофа — это сыпняк.

В Красноярске, находящемся на главной магистрали, весь город лежит вповалку. Теплов сообщает, что там буквально задыхаются от больных и мертвых. За городом — большие лагеря военнопленных, тысяч на пятьдесят. Там положение неперередаваемое...

Вновь сибирский путь, только тайга теперь примелькалась. Поезд Реввоенсовета идет быстро. Вридкомандарма Устичев указывает на медицинские пункты станций. Они выросли по всему пути и гостеприимно украшены еловыми ветками. Это, по-видимому, директивы санитарно-гигиенического отдела, где работают инструкторами наши девушки.

Нигде по линии уже не видно валяющихся в тифу, что так потрясало раньше. Мы приободрились, так как видим непосредственные результаты нашей работы.

Грюнштейн, такой скупой не только на похвалу, но и на слова, ведет товарищеские беседы и поощряет мои «захватнические тенденции».

Ночью неожиданная тревога: зовут к вридкомандарму. Уставшее сердце не выдержало нечеловеческой нагрузки...

Траурным поездом подъезжаем к Красноярску, и едва не становимся сами объектами для похорон.

У Красноярского вокзала крутой спуск. Машинист не рассчитал и слишком поздно затормозил. Мы стремглав несемся в открытую пасть станции, забитую составами.

Ночь прорезали волны тревожных гудков летящего паровоза, свистки бригады, им ответили паровозы, стоящие на путях; началась паника. В поезде разбивали окна, с площадок бросались в снег, первой соскакивает бригада.

Аня Васильева, бледная, но спокойная, стоит подле меня.

— Соскакиваем?

— Нет, с Мурзиком не выскочишь, без него — ты сама понимаешь... Прыгай!

— Тогда останемся вместе.

Идем к ребенку. Мурзик встревожен. Его разбудили шум, свистки, крики. Он поднимается на ножки и просит:

— Возьми, мама, — Мурзику скучно.

Я прижала его к себе и видела, как пролетел с огнями вокзал, как мы окунулись снова в какую-то тьму.

А паровоз ревел, как раненый вепрь...

Железнодорожники, услышав тревожные сигналы, быстро очистили путь: два паровоза угоняли состав, с которым мы должны были столкнуться. Жертвы оказались лишь среди спрыгнувшей с поезда бригады.

Красноярск резко разнится от Томска, где сосредоточены все культурные силы Сибири и интеллигенция имеет хорошие революционные традиции. Мы получили основные санитарные «трофеи». Колчаковские врачи, без оглядки мчавшиеся от берегов Волги, как снежный ком, забирая на пути своих собратьев, здесь прекратили свой бешеный бег. По подсчету их оказалось тут больше пятисот человек.

Но что это за люди! Злобные, злопыхающие, нена-

видящие Советскую власть, махровые эсеры, кадеты, вся либеральничая дребедень.

— Они имеют некоторый общественный опыт, и борьба с ними будет ожесточенная, — говорят товарищи, приехавшие сюда раньше нас. — На приглашение к работе отвечают вызывающе, выговаривают целый ряд условий.

Хорошо, поборемся!

Немедленно вызвали из Томска пятьдесят врачей для руководства госпиталями. Но положение в Красноярске продолжает оставаться угрожающим, саботажники срывают работу. К присланным рабочим, комиссарам, уполномоченным отношение открыто враждебное. По-видимому, надо поговорить с этими людьми «по душам».

В помещении городского театра созывается чрезвычайная конференция профсоюзов, на которой обязательно присутствие всех красноярских врачей, делегатов от среднего и низшего медицинского персонала. На конференции ставится доклад городского санитарного врача о борьбе с тифом. Он пытается использовать трибуну.

— Тиф свирепствует, а бороться нечем! Мы разбили город на участки, организовали помощь, а пришла Красная Армия — врачей мобилизовали, все забирают под военные лазареты, городские больницы без дров, без продовольствия; город накануне всеобщего вымирания. В военных госпиталях работать нельзя: нами помыкают санитары или ничего не понимающие комиссары.

Делегаты рабочих слушают враждебно, но молча, а с балконов, набитых врачами, несутся сочувственные реплики.

— Маленько запоздали, ровно на двадцать семь месяцев; ваша речь — граммофонное повторение всего, что говорили московские врачи-саботажники, когда после Октябрьской революции бросили больницы, умирающих детей, рожениц. Правда, вы обогатились новым поводом, всему виной — Красная Армия. О Красной Армии — освободительнице рабочих и крестьян Сибири от колчаковских банд, о Красной Армии — освободительнице трудящихся — вы смеее так говорить перед лицом освобожденных! — возмущается представитель Реввоенсовета. Страсти разгораются. Оратор еле овладевает аудиторией вновь.

— Слушайте, товарищи рабочие, слушайте и вы, собравшиеся беглецы от Волги до Енисея. Вы, господа

врачи, бросили тысячи сыпнотифозных в Челябинске, забрав с собой все больничное оборудование. Это вы разогнали умирающих по частным квартирам и разнесли неслыханную эпидемию. Не хотите работать, пытаетесь агитировать против нас? Ссылаетесь на невозможные условия? Кто стоит сейчас во главе госпиталей? Томские врачи, которые самоотверженно работают с Советской властью. Какое они встречают к себе отношение?

— Товарищескую поддержку, помощь пролетариев! — несется с мест.

— Пусть они выйдут и скажут. Вы, господа хорошие, — продолжает оратор, — не знаете тех уроков, через которые прошла страна за эти два с лишним года. Пусть каждый поставит перед собой вопрос: что же дальше? Сейчас вам предстоит сделать выбор — с кем идти дальше...

Выступает слесарь ремонтного депо:

— Красноярские железнодорожники имеют славное революционное прошлое, красноярские расстрелы при Колчаке памятны всем. Что должны сказать мы представителям Красной Армии? Товарищи, вы слишком нянчитесь с этими... (конференция раздражается бешеной овацией). Если нужно, мы вам поможем. Пусть не клеветуют, не лгут...

Опять оратор не может говорить, прерывают...

— Вы только послушайте этого доктора! Красная Армия мешает ему бороться с тифом, — оратор долго подбирает слово, сдерживая свой гнев. — Мы хозяева, спрашиваем: будете ли вы работать или нет? Нечего валандаться!

На конференции происходит раскол среди врачей, большинство приходит к мысли о необходимости сотрудничать с Советской властью...

Постепенно, шаг за шагом, приводятся в жилой вид красноярские госпитали.

Иногда наше терпение подвергалось большому испытанию: было так во 2-м госпитале, где больных сгрудили в холодных коридорах, на полу, где нет печек, а рядом пустуют отремонтированные палаты. Это был саботаж грубый, неприкрытый.

В городе с трудом, шероховато, поневоле медленно пытаемся повторить томский опыт, но в армейском теле еще сидит тяжелая заноза: это — военный городок, на-

ходящийся в восьми верстах, бывший лагерь военнопленных.

Комендант — щеголь, галифе трубами, — щелкая шпорами, знакомит нас сначала с расположением своих владений, а потом с населением.

— В этих бараках живые, а вон там, — грациозный жест рукой, — мертвые.

Он, по-видимому, только что сам прискакал в городок, так как не может еще отдышаться. По огромной территории, на протяжении двух верст, все как вымерло, только возле одного барака, при входе, два человека раскладывают костер.

— Сколько человек числится у вас? — спрашиваю.

— Тысяч тридцать, но каждый день мрут сотнями.

В бараке, где полагается быть живым, при входе натыкаемся на труп.

— Не успели вынести, — поясняет комендант.

Картина тяжелая. В бреду мечется человек. Он бормочет проклятия, смешанные с мольбами. Другой просит пить.

— Где санитар?

Из дальнего угла, шатаясь, идет юноша, это неприменный кандидат в желтый дом.

Барак мертвых. В него захожу одна. Ряды сложенных друг на друга тел. Тишина прерывается неожиданным вздохом: умирающие. Они принимают меня за виденные потустороннего мира, один уцепился за полушубок и бормочет:

— Мари... Мари...

Сдают нервы.

В морозном воздухе могу только бросить коменданту:

— Под суд трибунала!

Все мобилизуем для военного городка. Все силы управления бросаются сюда. В помощь нам местная партийная организация выделила группу товарищей.

Через неделю мы в городке. Вновь приезжают представители Реввоенсовета, и товарищи видят просторный приемный покой, дымящиеся баки горячей воды, действующие бани, посыпанные песком дорожки, расчищенные аллеи для гулянья. Все больные на койках, возле — сестры, на каждые три барака врач.

— Чудеса! — только могут выговорить приехавшие.

Вся наша революция — это цепь вполне обоснованных чудес!

Суровая Сибирь чуть мягчеет. В воздухе ощущаются теплые течения. Енисей потускнел. Это — дуновение где-то идущей весны. На Украине в это время уже наливаются почки. Сюда весна докатится не скоро. Но подготавливаться необходимо заранее.

Город отвратительно загажен: два года не чистили улиц, дворов, два года люди жили в страхе за завтрашний день. Под снегом, на свалках сотни трупов.

Воззвания, распоряжения не помогут. Нужна всеобщая мобилизация.

Объявляем неделю чистки: транспорт, люди — все приведено в движение. Вывезено шестьдесят тысяч возов мусора!

Город приободрился. Для Красноярска боевая сводка — это сведения о заболевших, умерших, о количестве очищенных домов и дворов.

5 армия гонит остатки Колчака. Ей на подмогу в тылу у адмирала восстали черемховские шахтеры, они преградили путь Колчаку и поезду с украденным золотом.

В Иркутске Колчак был расстрелян, белочехи выведены за байкальские проходы. Вся Сибирь — Советская.

Японцы отошли к Чите, за ними потянулись остатки белогвардейских банд.

По ту сторону байкальских проходов, в Верхнеудинске, организуется ДВР — Дальневосточная республика, буфер между Советской страной и Японией. Боевой фронт сейчас там — партизанские полки и дивизии освобожденных народным восстанием Прибайкалья и Амурского края.

Тиф в Сибири побежден: несмотря на весну, заболевания резко падают; в начале марта мы имеем по армии двадцать тысяч свободных коек... Это расстрел «колчака внутреннего».

В Иркутске попадаем на партийную конференцию. Выступления показывают, как ценится проделанная нами работа.

Авторитет санитарной части в армии высок: ее работа расценивается не ниже оперативной, результаты теперь видели все. Вместе с передовыми частями продвигались летучие отряды, которые организовывали питательные пункты, изоляторы, бани, прачечные. Всюду чистота, порядок...

Начало апреля. Мы едем на новый фронт — Народно-революционная армия, Дальневосточная республика.

АЛТАЙСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

Громов Игнатий Владимирович (1884—1971 гг.). Из крестьян Воронежской губернии. В 17 лет рабочий мыловаренного завода в Острогжске. После революции 1905 г. уехал на Алтай, работал на маслозаводе.

В январе 1918 г. избран членом Каменского уездного Совета и штаба Красной гвардии.

Член Коммунистической партии с 1918 г.

С началом чехословацкого мятежа находился в отряде Красной гвардии Петра Сухова. После поражения Красной гвардии на Алтае в октябре 1918 г. организовал партизанский отряд. В 1919 г. — командир партизанского корпуса, входившего в партизанскую армию Е. М. Мамонтова.

После окончания гражданской войны — на советской и партийной работе. За участие в разгроме колчаковщины награжден орденом Красного Знамени.

Член ВЦИК и ЦИК СССР. В период Великой Отечественной войны участник партизанского движения в Белоруссии.

Почетный гражданин Новосибирска.

В один из дней октября 1919 г. в штаб партизанского корпуса, которым я командовал, пулей влетел начальник разведки Иван Кажаяев. В руках у него был пакет.

— Захватили у колчаковских офицеров. Дрались, гадюки, до последнего, — возбужденно проговорил он и бросил пакет на стол. Мы быстро распечатали его и прочитали. Перед нами был план разгрома Западно-Сибирской партизанской армии, утвержденный ставкой Колчака.

Разбитые под Тобольском и Петропавловском колчаковские войска под натиском Красной Армии в беспорядке отступали по всему фронту. С занятием Красной Армией Тобольска, Усть-Ишима, Тюкалинска и Тары была предрешена и судьба Омска. Белое командование понимало, что удержаться на рубеже даже такой реки, как Иртыш, невозможно. Ставка Колчака решила подготовить оборонительную линию на Оби и ее притоках: Алей и Чарыш. Цель — удержать за собой все обское левобережье и Горный Алтай как выход в Монголию.

Только вот беда — все междуречье Иртыша и Оби от Сибирской железнодорожной магистрали и почти до са-

мой монгольской границы охвачено массовым вооруженным восстанием рабочих и крестьян и находится под контролем Западно-Сибирской партизанской армии, которой командует Ефим Мефодьевич Мамонтов. Да и правобережье Оби, особенно по реке Чумыш и в районе Маслянино, Ик и Горный Алтай, контролируют партизаны.

Колчак приказал начальнику тыла генералу Матковскому разработать план немедленного разгрома всего этого «сермяжного челдонья».

Задача ставилась Матковскому очень нелегкая.

Войска и карательные отряды в Новониколаевске, Камне, Барабинске, Славгороде, Черепанове, Барнауле, Бийске, Семипалатинске, по линии Алтайской железной дороги он вынужден был усилить 43 Омским и 46 Томским пехотными полками с артиллерией и пулеметами. На станции Поспелиха Матковский сосредоточил ударную группу — 43 и 46 полки, полк егерей и полк голубых улан — и сам возглавил ее.

Удар он предполагал направить на партизанскую столицу — село Солоновку.

Вторую группу из казачьего полка, анненковских головорезов, полка черных гусар и других частей во главе с генералом Евтиным Матковский сконцентрировал на станции Рубцовка, чтобы через Лебяжье, Усть-Кормиху нанести удар в направлении села Волчихи — резиденции Западно-Сибирского облакома¹, центра Советской власти всей партизанской территории.

Таким образом, Матковский намеревался разгромить наши главные силы. А потом уже легче будет расправиться и с партизанами на реках Алее и Чарыше, с 1 Горно-Алтайской партизанской дивизией и партизанами на правобережье Оби.

Силы карателей достигали 18 тысяч штыков и сабель. На вооружении у них имелось 18 орудий, свыше 100 пулеметов и три бронепоезда, курсировавших по Алтайской железной дороге, «Сокол», «Стенник» и «Туркестан». Группировка врага была внушительной...

Через разведку мы установили, что в Славгороде неприятель держит 300 человек охраны на станции Бур-

¹ Областной исполнительный комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов, избранный на съезде делегатов партизанского края.

ла — 100 и броневик с двумя пулеметами, на станции Купино — 100, на линии железной дороги Карасук — Баган — 100, на линии Карасук — Славгород — 800 человек. Это наиболее крупный отряд, но состоял он из полков, настроение которых после недавнего поражения у Сидоровского было не очень боевое. К тому же начавшийся разгром белогвардейцев на фронте ничего им хорошего не сулил. Мы поняли, что с этими силами Матковский предпринять что-либо против нас, с тыла, со стороны Славгорода, не сможет.

Не представляли для нас большой опасности и вражеские войска, находившиеся в Камне, — поляки, запасный Новониколаевский полк и каратели, потрепанные ранее в боях с партизанами.

Более крупные силы колчаковцев были брошены против партизан Причумышья и горного Алтая. Но здесь с ними неплохо справлялись местные партизанские батальоны и 1 Горно-Алтайская партизанская дивизия, возглавляемая коммунистами И. Я. Третьяком и И. Л. Никифоровым.

Следовательно, перед нами открывалась возможность направить почти все силы на неприятельскую группу, сосредоточенную на участке станций Пospelиха и Рубцовка, откуда они простирали свои щупальца к Волчихе и Солоновке — нашим жизненным центрам. Если же разгромить эти силы, то тыл Колчака будет окончательно парализован...

После октябрьских боев наша армия значительно укрепилась и выросла, появились новые партизанские полки. Всего мы насчитывали теперь 25—30 тысяч человек. Правда, вооружены были плохо. Половина партизан имела только холодное оружие. Не хватало боеприпасов. Совсем не имели мы артиллерии. К тому же полки и отряды были разбросаны на огромном пространстве Кулундинской и Барабинской степей...

Исходя из сложившейся обстановки, командование и штаб корпуса решили срочно подтянуть все, что можно, к Солоновке и Малышевому Логу. А пока — встретить врага на наиболее выгодных позициях и задержать его наличными силами. 10 Змеиногорскому полку под командованием большевика Я. К. Шумского и 4 Семипалатинскому полку во главе с бывшим казачьим поручиком Козырем поручалось задержать группировку

Евтина на межозерном дефиле у села Лебяжье и на подступах к станции Волчиха у Усть-Кормихи.

Наш план был таков: в первую очередь разбить части Матковского и только тогда все силы перебросить на разгром войск Евтина. Уничтожить поодиночке колчаковские группы — в этом заключалась наша тактика.

Мы должны были очень быстро сосредоточить и разумно расставить силы. Предшествовавшие октябрьские бои обогатили нас опытом. Незаурядный военный талант проявили командарм Е. М. Мамонтов, начальник штаба корпуса Я. П. Жигалин, а мы с И. П. Маздриным, помощником начальника штаба корпуса, постарались их разработки претворить в жизнь.

Вначале мы планировали задержать колчаковцев силами трех полков. Но неприятель медлил с наступлением, и к нам успел подойти Кулундинский полк. Тогда мы решили сами перейти в наступление.

В ночь на 12 ноября состоялось совещание, в котором участвовали председатель облакома П. К. Голиков и главком Е. М. Мамонтов. Штаб корпуса разработал план: первый удар нанести по вражеским частям в Новичихе и Мельниково, выбить их из этих сел и отеснить к станции Пospelиха...

13 ноября десять эскадронов 6 Кулундинского полка и эскадрон 2 Славгородского полка двинулись в обход противника через Титовку, Токарево на Новичиху. Повел эту сводную группу командир 6 полка Григорий Шевченко — фронтовик, бывший фельдфебель...

14 ноября в четыре часа утра Шевченко подошел к Новичихе и внезапно ворвался в село. Партизаны уничтожили 400 колчаковцев, 300 взяли в плен, захватили девять пулеметов, несколько сот винтовок, много боеприпасов. Только случай спас самого генерала Матковского, который успел улизнуть на автомобиле.

Менее удачно была выполнена вторая часть нашего замысла. Подвели алейцы, их недисциплинированность. Они часто митинговали, стремились снова уйти на Алей, защищать свои села и семьи от карателей.

Командование полка да и более сознательные партизаны разъясняли, что только своими силами алейцы не спасут родные села и семьи. Уход их ослабит силы партизан и выгоден лишь врагу.

— Разобьем здесь сообща главные силы врага,—

убеждали агитаторы,— тогда не уйдут от нашего возмездия никакие каратели.

Но уговоры не действовали. Тогда командование корпуса и облаком командировали в 1 Алейский полк одного из первых организаторов крестьянского восстания на Алее Ф. И. Архипова, надеясь, что он лучше других воздействует на земляков. Но, оказалось, Архипов сам легко поддался местническим настроениям. В самый ответственный момент 480 алейцев ушли из полка. Они увели с собой 300 чарышских казаков из 7 полка Красных орлов. Это ослабило обе части, дезорганизовало. Их продвижение задержалось на целые сутки.

В 8 часов вечера 14 ноября мы с Мамонтовым вывели из Малышева Лога к Мельникову 2 Славгородский, 3 Бутырский и 5 Степной полки...

5 Степной полк, которым командовал бывший прапорщик Николай Чеканов, бесшумно снял вражескую заставу на окраине села и с ходу ворвался в Мельниково.

В селе стояла тишина, казалось, все спали... Как только партизаны появились на улицах, из переулков, с крыш домов и сараев хлестнули перекрестным огнем пулеметы. Ночной покой взбудоражили взрывы ручных гранат, винтовочные выстрелы. Многие бойцы, попав под неожиданный удар, пали замертво.

Чеканов растерялся и не сумел предотвратить панику. Полк в беспорядке стал отступать.

В это время по 3 Бутырскому полку ударили вражеская артиллерия и пулеметы. Бутырцы не смогли поддержать 5 Степной полк. А 1 Алейский полк все еще митинговал и к Мельникову не подошел. 7 полка Красных орлов тоже еще не было.

Колчаковцы воспользовались открытым левым флангом, в темноте совершили обходной маневр и заняли село Селиверстово, расположенное недалеко от Солонювки, создав угрозу ее захвата. Командир 3 Бутырского полка Каширов, не найдя слева соседей, усомнился в правильности занятой им позиции. Под ураганным артиллерийским и пулеметным огнем он вынужден был отойти, неся большой урон.

Ко мне подскакал связной и, стараясь перекричать шум артиллерийской канонады, ружейной и пулеметной стрельбы, доложил:

— Товарищ комкор, наши отступают!..

Я вскочил на коня и бросился к селу. Не доезжая покотины, у березовой заросли я встретил бегущих партизан, остановил их, приказал залечь. В это время из рощи резанул пулемет. Кто-закричал:

— Товарищ Громов, ложись, убьют!

Услышав этот окрик, вражеский пулеметчик запустил длинную очередь в нашу сторону. Подстреленная подомной лошадь шарахнулась и, сделав по инерции несколько шагов, свалилась за стог сена. Раздался крик:

— Комкора убили!

Услышав это, Мамонтов бросился к месту моего падения. Я как раз вылезал из-под убитой лошади.

— Жив? Возьми моего коня и скорее в 5 и 3 полки, там черт знает что творится. Сделай, чтобы был порядок, и отведи их к Солонювке. Бой примем там.

Я и Маздрин направились в полки, а Мамонтов собрался ехать в Солонювку и готовить там оборону. Ефиму Мефодьевичу дали коня. Увидев командарма, партизаны стали кричать:

— Товарищ Мамонтов, уезжайте скорее, а то белые могут подстрелить.

И тут же снова резанул пулемет. Коня под Мамонтовым убило наповал. Маздрин дал ему своего. Мамонтов умчался в Солонювку.

А я вдруг заподозрил: уж не бывший ли поручик Малышев, которому поручалось прочесать рощу, собиравший колчаковцам о наших планах? На всякий случай я обезоружил его и под охраной отправил в тыл. Увидев такую крутую расправу с Малышевым, командир 5 полка, чувствуя вину за беспорядочное бегство части, бросил партизан и сбежал.

Надо было во что бы то ни стало не дать неприятелю развить наступление. Я использовал для этого подошедшую интернациональную роту венгров численностью свыше 300 человек.

— Держите беляков как можно дольше,— приказал я командиру интернациональной роты Максиму Ламбергу.

— Будем биться до последнего человека, а с места не сойдем,— заверил он.

Дружными залпами и плотным пулеметным огнем интернационалисты прижали врага к земле.

Тем временем мы с Маздриным, наведя в частях кое-какой порядок, направили их в Солонювку. К вечеру они заняли подготовленные окопы. Рыли их под руко-

водством Жигалина жители Солоновки, обозники и беженцы. С прибытием в Солоновку партизанских полков село превратилось в военный лагерь. Все население было вооружено.

В ночь на 15 ноября по штабу корпуса дежурил Маздрин. Наша разведка сообщала, что 43 Омский и 46 Томский колчаковские полки, егеря и голубые уланы соединились и подходят к Солоновке, охватывая ее полукольцом. Всех нас тревожила мысль: выдержат ли этот натиск партизаны. Мы обошли всех бойцов в окопах и хатах, почти с каждым побеседовали, проверили караулы...

О других частях, отрезанных от нас, мы совсем ничего не знали.

Наступило утро 15 ноября. Порошил пушистый снежок. С визгом разрезая воздух, перед окопами упал первый снаряд. За ним последовал второй, третий... Несколько, пролетев над окопами, разорвались в деревне...

— Ну, паря, теперь держись, а то и шапку собьет... — сострил кто-то из партизан.

— Вон че, как свистит да рывкает, нас на испуг берет, окаянный,— добавил другой.

— Но... но... нас, паря, на испуг не возьмешь... Шибко уж мы обстреляны на германском,— пробасил здоровенный дядя с черной окладистой бородой и погрозил кулачищем в сторону противника.

А артиллерия все усиливала огонь...

Наконец из леса показались цепи белых в легких английских шинелях. Одна за другой, держа винтовки с примкнутыми штыками наперевес, они шли прямо на наши окопы.

— Эх, язви их! Как на параде вышагивают,— удивленно и немного тревожно сказал кто-то.

— Ничего, пусть вышагивают, подпускай ближе, чтобы не промахнуться, а тогда мы им покажем парад,— ответил другой, его поддержали остальные:

— Подпускай, подпускай, вернее будет...

Враг предпринял своего рода психическую атаку, рассчитанную на слабые нервы, на плохую дисциплину и выдержку партизан.

Когда колчаковцы подошли метров на 100—150, орудия перенесли огонь в глубь села. Этого и ждали партизаны. Они встретили неприятеля винтовочными залпами, пулеметной стрельбой, затем стали бросать гранаты.

Первые ряды колчаковцев как ветром сдуло. Послышались стоны, крики раненых. Белогвардейцы бросились бежать в лес. Атака врага захлебнулась.

Примерно так же развернулись события на участке венгров. Они удерживали межозерное дефиле. Подразделения 43 Омского полка основные усилия направили именно сюда потому, что лед на озерах был еще тонкий и пройти по нему было невозможно. Белогвардейские пушки усиленно били по позициям венгров. Казалось, что в их окопах все вымерло. Вот передняя цепь колчаковцев подошла на двести шагов... на полтораста. Все смелее стучат солдатские сапоги по мерзлой земле. Вот-вот они предпримут последний бросок. В этот миг ячейки оцетинились штыками. Раздался залп, второй, третий... Полетели ручные гранаты, застучали пулеметы. Десятки колчаковцев неподвижно застыли на снегу, остальные повернули назад.

Еще несколько раз противник пытался прорваться в Солоновку между озерами, но безуспешно. Потери он понес огромные. Дефиле сплошь было усеяно трупами.

Так прошел первый день боя. На второй мы вдруг услышали в тылу неприятеля сильную стрельбу. Как выяснилось, это наконец подошел к Долгову 7 полк Красных орлов. Уход из него 300 казаков дезорганизовал и ослабил его, но командир части Федор Колядо быстро выправил положение и повел ее на Мельниково.

В 1 Алейском полку после самовольного ухода части бойцов вместе с командиром П. Ф. Тибекимым командование принял коммунист Кожин. Он навел порядок и тоже двинул подразделения в сторону Мельникова. Узнав, что партизаны отступили к Солоновке и там ведут бой, Колядо и Кожин решили внезапно напасть на резерв врага у деревни Горькое Озеро. Они уничтожили более 200 колчаковцев, захватили несколько повозок с боеприпасами, много винтовок, пулеметов и другого военного имущества. Затем полки соединились с конной группой Шевченко, разгромившей врага в Новичихе, и направились к Селиверстово. Там завязали бой с 46 Томским полком белых, ударив ему во фланг и тыл...

У нас в Солоновке положение между тем продолжало оставаться напряженным. Колчаковцы не прекращали бить из орудий и пулеметов, офицеры снова и снова гнали своих солдат на наши позиции. Враг старался замкнуть кольцо вокруг Солоновки. Правым флангом

46 Томского полка и кавалерией голубых улан он стал заходить в тыл, чтобы через озеро прорваться к селу. Разгадав неприятельский замысел, Мамонтов установил в крайней избе пулемет и стал косить голубых улан. В это время подоспела помощь: нанесла удар кавалерия 6 Кулундинского полка во главе с Шевченко. Я приказал открыть шквальный огонь из пулеметов и винтовок.

Лед озера и земля вокруг Солоновки покрылись новыми трупами колчаковских солдат. Противник был отброшен к бору.

Из села Волчихи к нам подошли 4 Семипалатинский и 11 Северный партизанские полки. Они ударили по левому флангу белых. Получился своего рода слоеный пирог: враг нас взял в полукольцо, а подошедшие наши части начали зажимать его с флангов и тыла.

Белогвардейцы, несмотря на то что имели артиллерию и много пулеметов, не выдержали натиска партизан и начали в беспорядке отступать к станции Пospelиха, теряя много убитыми и ранеными. Ударная группировка Матковского была, по существу, разбита.

Генерал Евтин прекратил наступление на станцию Волчиха и двинулся в Семипалатинск.

Так был отбит последний колчаковский поход против партизан Западной Сибири. Теперь инициатива полностью перешла в наши руки. В ноябре — начале декабря 1919 г. партизаны освободили Славгород, Камень, Павлодар, Семипалатинск и другие города, встретились с Красной Армией.

Действия красных партизан в тылу Колчака получили высокую оценку. В приказе по войскам 5 армии Восточного фронта говорилось: «Навстречу шедшей в Сибирь Красной Армии поднялись тысячи восставших крестьян, соединившихся в полки. Самоотверженная борьба почти безоружных партизан навеки врежется в память поколений, и имена их будут с гордостью произноситься нашими детьми».

И. Бурсак

КОНЕЦ БЕЛОГО АДМИРАЛА

Бурсак Иван Николаевич.

Родился в 1895 г. в местечке Черный Остров, Каменец-Подольской губернии, из мещан. В 1915 г. призван в армию.

Участник Февральской и Октябрьской революций. В Коммунистической партии с августа 1917 г. В Красной Армии с начала 1918 г.

В мае 1918 г. командирован в Сибирь, летом арестован белогвардейцами и посажен в тюрьму. В январе — феврале 1920 г. комендант Иркутска и начальник гарнизона.

Затем инспектор кавалерии Народно-революционной армии Дальневосточной Республики, командующий Троицко-Савской группой войск НРА, командующий Правобережной группой войск в составе экспедиционного корпуса 5 армии, действовавшей против Унгерна; начальник конницы частей особого назначения войск Сибири.

После гражданской войны на хозяйственной работе.

★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★

Дни колчаковщины и эсеровщины были сочтены... И хотя у власти [в Иркутске. — *Сост.*] еще оставался эсеровский Политцентр, без поддержки большевиков он уже ничего не мог сделать.

По заданию губкома РКП(б) я с другими товарищами 5—6 января занимался розыском бывших колчаковских министров и других «деятели» колчаковщины.

Были арестованы министры: иностранных дел — Червен-Водали, труда — Шумиловский, путей сообщения — Ларионов, генерал Матковский, бывший командующий войсками Омского военного округа, руководивший карательными экспедициями против партизанских отрядов, и другие. Вся эта публика была отправлена в Новониколаевск, предана суду и получила по заслугам...

В начале января губкомом РКП(б) получил сведения о приближении поезда с Колчаком и его свитой, а также «золотого эшелона» — состава с 29 вагонами золотого запаса России¹. Губком тотчас же начал переговоры с

¹ В начале 1918 г. в связи с опасностью наступления германских войск Советское правительство дало указание сосредоточить в кладовых Казанского банка ценности из тех районов страны, которые могли оказаться под угрозой захвата.

Золотой запас Советской республики был захвачен восставшими чехами и белогвардейцами в Казани, а затем передан Колчаку.

Политцентром о предъявлении командованию интервентов требования выдать Колчака, премьер-министра колчаковского правительства Пепеляева, а также золотой запас, предупредив, что в случае попытки вывезти Колчака и золото на восток большевики взорвут кругобайкальские железнодорожные туннели. Командование интервентов вынуждено было принять требование Политцентра, чтобы обеспечить проезд своим войскам. К тому же выдачей Колчака интервенты рассчитывали в какой-то мере укрепить власть Политцентра.

15 января на станцию Иркутск подошел поезд с вагоном Колчака под охраной чешских легионеров. С этим же составом прибыли и восемь вооруженных рабочих во главе с начальником партизанского отряда В. И. Буровым, посаженных в поезд на станции Черемхово в качестве дублеров чешского караула. К вечеру заместитель командующего войсками Политцентра А. Г. Нестеров сообщил штабу рабоче-крестьянских дружин, что Политцентр получил согласие командования чехословацкого корпуса на арест Колчака, Пепеляева, их свиты и что ему Политцентр поручил эту операцию. Он просил начальника штаба рабоче-крестьянских дружин Букатого подобрать надежный конвой, который должен еще засветло прибыть на станцию.

Конвой собрали в основном из солдат бывшей инструкторской школы. Часам к семи вечера я пришел на вокзал к помощнику коменданта Польдяеву и часом около девяти вечера увидел «верховного» и его «премьера», которых конвой во главе с Нестеровым вывел из салон-вагона и привел на вокзал в комендатуру.

Колчак и Пепеляев были в подавленном состоянии, первый молчал, второй что-то шептал. На вопрос Нестерова, есть ли у них оружие, Колчак вынул из кармана револьвер и вручил его Польдяеву, тот передал его мне. По предложению чехов составили акт передачи Колчака

В соответствии с Куйтунским соглашением 1920 г. между Советским правительством и командованием Чехословацкого корпуса ценности были переданы 1 марта представителям Военно-революционного комитета Иркутска (18 вагонов, содержащих 5143 ящика и 1678 мешков с драгоценностями номинальной стоимостью в 409 625 870 рублей 86 копеек).

3 мая 1920 г. золотой запас РСФСР был доставлен в Казань и помещен в кладовые банка.

и Пепеляева. Документ этот подписали представитель командования чехословацкого корпуса и Нестеров — уполномоченный Политцентра.

После этого из вагона вывели княжну Темиреву — гражданскую жену Колчака, супругу бывшего омского военного министра Гришину-Алмазову, а также несколько офицеров штаба «верховного». Всех их препроводили в губернскую тюрьму.

В Иркутске в это время еще хозяйничали эсеры. Комендантом города был штабс-капитан Кашкадамов, комендантом тюрьмы — офицер Кутепов, родственник известного белогвардейского генерала Кутепова, начальником гарнизона — есаул Петелин. Командовал войсками Политцентра штабс-капитан Калашников, начальником штаба был Бандейкин. Не было никакой уверенности, что белогвардейцы (а их в Иркутске скопилось немало) не попытаются освободить всю банду во главе с «верховным правителем».

В эти дни мне неожиданно удалось связаться по телеграфу с 5 армией. У аппарата был член Реввоенсовета армии председатель Сибревкома И. Н. Смирнов. Он передал для Иркутского большевистского губкома указание В. И. Ленина: золотой запас на восток не пропускать, а Колчака при первой же возможности направить в распоряжение Реввоенсовета 5 армии для отправки в Москву.

Я немедленно доложил о разговоре А. А. Ширямову¹. На следующий день (это было 17 или 18 января) Ширямов вызвал меня и сказал, что я назначен комендантом города вместо Кашкадамова, а В. Букатый — начальником штаба войск Политцентра вместо Бандейкина...

Коменданту тюрьмы, которая находилась теперь в моем ведении как коменданта города, я дал указание принимать всех, кого будут направлять Чрезвычайная следственная комиссия Политцентра и другие органы, но ни в коем случае не выпускать без моего письменного разрешения.

В тот же вечер я приехал в тюрьму и вместе с ее комендантом и начальником караула прошел по корпусам, приказал поставить дополнительно круглосуточные караулы из бойцов рабочих дружин. После этого пошел

¹ А. А. Ширямов — секретарь Иркутского губкома РКП(б).
(Прим. ред.)

смотреть камеры. Вошел и к Колчаку. Он сидел на койке в накинутом на плечи романовском полушубке, увидев нас, встал. Между нами состоялся следующий разговор:

— Я комендант города и начальник гарнизона. Есть ли у вас жалобы?

— Никаких.

— Довольны ли вы питанием?

— Я эту пищу кушать не могу.

— Мы на воле сейчас не лучше питаемся.

— Следствие будет?

— Да, будет.

— Кто его будет вести?

— Чрезвычайная следственная комиссия. Уже назначена.

Проверку в тюрьме я проводил два-три раза в сутки и столько же раз докладывал об этом Ширямову лично или письменно...

Губком РКП(б) был полностью в курсе положения в городе, знал, что войсковые части Политцентра построены по-большевистски и ждут только команды штаба рабоче-крестьянских дружин. Кроме того, к Иркутску стягивались партизанские отряды Н. А. Бурлова, Н. В. Дворянова, Н. А. Каландарашвили и других. Всего сосредоточилось около 6 тысяч пехотинцев и 800 конников. Как начальник гарнизона, я в первый же день побывал почти во всех воинских частях, сообщил солдатам, кто я и кем назначен комендантом города и начальником гарнизона. После этого я доложил губкому партии, что везде слышал одно требование: поскорее ликвидировать «центропуп», как насмешливо называли Политцентр солдаты.

В эти дни 5 армия, громя колчаковцев и интервентов, быстро продвигалась к Иркутску. Заметно усилились удары партизан. Интервенты стали бояться посылать в села свои команды за фуражом и продовольствием — местное население уничтожало их. В большинстве уездов губернии большевистские ревкомы и Советы уже взяли власть в свои руки. Учитывая все это, также и то, что по Сибирскому тракту приближалась каппелевская группа (остатки армий Колчака) и скоро эти отборные белогвардейские части могли появиться под Иркутском, губком РКП(б) 19 января решил создать Военно-революционный комитет во главе с А. А. Ширямовым.

В состав комитета вошли также И. В. Сурнов, Д. К. Чудинов, В. И. Литвинов и А. Сноскарев. В тот же день состоялось совместное совещание губкома РКП(б), Центрального штаба рабоче-крестьянских дружин и бюро сибирской группы левых эсеров (автономистов). Совещание единогласно решило:

1. 25 января 1920 г. созвать Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

2. Военно-революционному комитету потребовать от Политцентра передать власть немедленно.

3. Центральному штабу рабоче-крестьянских дружин довести принятое решение до сведения командования экспедиционного корпуса интервентов.

20 января представители Иркутского губкома РКП(б) и Политцентра обсуждали уже вопросы, так сказать, техники передачи власти. Политцентр выделил «временный совет сибирского народного управления» по вопросу передачи власти Военно-революционному комитету. На следующий день был составлен акт передачи власти, подписанный Политцентром, «временным советом сибирского народного управления», с одной стороны, и большевистским Военно-революционным комитетом — с другой, в присутствии представителей чехословацкого командования...

Допросы Колчака, начатые еще при Политцентре, продолжались. До перехода власти к большевикам мне пришлось как-то видеть Колчака на следствии. Держался он спокойно, видимо, у него была еще надежда как-нибудь выпутаться. Вопросы, на которые ему приходилось отвечать, были преимущественно общеполитическими.

Другой характер приняли допросы, когда председателем Чрезвычайной следственной комиссии стал С. Чудновский. Колчак, очевидно, начал понимать, что дело его плохо. Большевики не эсеры. Каким-то путем факт перехода власти к большевикам стал известен Колчаку. В конце января, когда я при обходе тюрьмы зашел в его камеру, между нами состоялся такой разговор:

— Гражданин комендант, разрешите задать вопрос?

— Задавайте.

— Скажите, пожалуйста, кто у власти в Иркутске?

— Большевики. Военно-революционный комитет, которому Политцентр передал 20 января власть.

— А как отнеслись к этому чехи?

— 5 армия гонит чехов на восток, как и остатки ваших армий, а здесь они боятся застрять на кругобайкальской железной дороге. Кроме того, восставшие войсковые части потребовали от Политцентра немедленной передачи власти большевикам. Ясно вам? Передача прошла без каких-либо инцидентов.

— Да, теперь многое стало ясно. Но почему меня продолжают допрашивать члены комиссии, назначенные Политцентром?

— Председателем Чрезвычайной следственной комиссии назначен член губернского комитета партии большевиков Чудновский вместо Попова, а для окончания допросов пока оставлены юристы, члены комиссии, работавшие раньше.

Последние дни января и начало февраля прошли в напряженной подготовке к отражению подходивших к Иркутску частей каппелевской группы белых, которой командовал генерал Войцеховский. Энергично велась очистка города от белогвардейской агентуры, шло строительство оборонительных сооружений, формирование и подготовка новых дружин из добровольцев — рабочих и учащихся.

Силы противника нам не были известны...

В городе опять стало тревожно. Осевшие в Иркутске белогвардейцы предприняли попытку, правда неудачную, освободить Колчака.

3 февраля Чрезвычайная следственная комиссия представила ревкому список на 18 человек из числа содержащихся в тюрьме. В этом списке значились: А. Колчак, председатель совета министров колчаковского правительства В. Пепеляев и другие наиболее отличившиеся в зверствах против рабочих и крестьян главарь белогвардейщины. На заседании 6 февраля Чудновский и я, учитывая, что генерал Войцеховский отказался сложить оружие и требует выдачи Колчака и его окружения, а также то, что по данным, имеющимся в Чрезвычайной следственной комиссии и в следственном отделе управления коменданта города, в Иркутске действует белогвардейская организация, ставящая целью освободить Колчака и его помощников, настаивали на расстреле всех 18 человек.

Военно-революционный комитет с нами не согласился и вынес приговор о расстреле только Колчака и Пепеляева. В постановлении ревкома говорилось: «Бывшего

верховного правителя адмирала Колчака и бывшего председателя совета министров Пепеляева — расстрелять...»¹.

Вечером 6 февраля я был вызван в ревком, там уже находился предгубчека Чудновский. Ширямов вручил нам постановление о расстреле Колчака и Пепеляева. Мы вышли и договорились с Чудновским, что я подготовлю специальную команду из коммунистов. Коменданта тюрьмы предупредил о предстоящем расстреле и приказал ему не отлучаться, а весь караул держать в боевой готовности. Во втором часу ночи я с командой прибыл в тюрьму. Через некоторое время туда подъехал и Чудновский.

Мы вошли в камеру к Колчаку и застали его одетым — в шубе и в шапке. Было такое впечатление, что он чего-то ожидал. Чудновский зачитал ему постановление ревкома.

Колчак воскликнул:

— Как! Без суда?

Чудновский ответил:

— Да, адмирал, так же, как вы и ваши подручные расстреливали тысячи наших товарищей.

Поднявшись на второй этаж, мы вошли в камеру к Пепеляеву. Этот тоже был одет. Когда Чудновский зачитал ему постановление ревкома, Пепеляев упал на колени и, ваяясь в ногах, умолял, чтобы его не расстреливали. Он уверял, что вместе с братом генералом Пепеляевым давно решил восстать против Колчака и перейти на сторону Красной Армии. Я приказал ему встать и сказал:

— Умереть достойно не можете...

Снова спустились в камеру Колчака, забрали его и пошли в контору. Формальности закончены.

К четырем часам утра мы прибыли на берег реки Ушаковки, притока Ангары. Колчак все время вел себя спокойно, а Пепеляев — эта огромная туша — как в лихорадке.

Полнолуние, светлая морозная ночь. Колчак и Пепеляев стоят на бугорке. На мое предложение завязать глаза Колчак отвечает отказом. Взвод построен, винтовки наперевес. Чудновский шепотом говорит мне:

¹ «Известия Иркутского Военно-революционного комитета», 8 февраля 1920 г.

— Пора.

Я даю команду:

— Взвод, по врагам революции — пли!

Оба падают. Кладем трупы на сани-розвальни, подвозим к реке и спускаем в прорубь. Так «верховный правитель всея Руси» адмирал Колчак уходит в свое последнее плавание.

Возвращаемся в тюрьму. На обороте подлинника постановления ревкома о расстреле Колчака и Пепеляева пишу от руки чернилами:

«Постановление Военно-революционного комитета от 6 февраля 1920 года за № 27 приведено в исполнение 7 февраля в 5 часов утра в присутствии председателя Чрезвычайной следственной комиссии, коменданта города Иркутска и коменданта иркутской губернской тюрьмы, что и свидетельствуется нижеподписавшимися:

Председатель Чрезвычайной следственной комиссии
С. Чудновский

Комендант города Иркутск

И. Бурсак».

ДАТЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГОРОДОВ СИБИРИ

Тобольск — 22 октября 1919 г. 51 дивизия.

Петропавловск — 29 октября 1919 г. 35 дивизия.

Ишим — 4 ноября 1919 г. 30 дивизия.

Омск — 14 ноября 1919 г. 27 дивизия.

Татарск — 24 ноября 1919 г. 27 дивизия.

Барабинск — 1 декабря 1919 г. 27 дивизия.

Каинск — 1 декабря 1919 г. 27 дивизия.

Барнаул — 10 декабря 1919 г. Восстание трудящихся.

Новониколаевск — 14 декабря 1919 г. 27 дивизия.

Томск — 17 декабря 1919 г. Восстание трудящихся.

Тайга — 23 декабря 1919 г. 27 и 30 дивизии.

Мариинск — 28 декабря 1919 г. 27 дивизия.

Боготол — 1 января 1920 г. 30 дивизия.

Красноярск — 6 января 1920 г. 30 дивизия.

Иркутск — 21 января 1920 г. Восстание трудящихся.

Нижеудинск — 31 января 1920 г. 30 дивизия.

КОМАНДУЮЩИЕ 5 КРАСНОЙ АРМИЕЙ

П. А. СЛАВЕН (с 16 августа по 20 октября 1918 г.)

Ж. К. БЛЮМБЕРГ (с 20 октября 1918 по 5 апреля 1919 г.)

М. Н. ТУХАЧЕВСКИЙ (с 5 апреля по 25 ноября 1919 г.)

Г. Х. ЭЙХЕ (с 25 ноября 1919 по 21 января 1920 г.)

Г. Я. КУТЫРЕВ (врид, с 24 января по 3 февраля 1920 г.)

- В. Е. ГАРФ (врид, с 3 февраля по 8 февраля 1920 г.)
 М. С. МАТИЯСЕВИЧ (с 8 февраля 1920 по 27 августа 1921 г.)
 И. П. УБОРЕВИЧ (с 27 августа 1921 по 14 августа 1922 г.)
 В. В. ЛЮБИМОВ (врид, с 14 августа по 24 августа 1922 г.)
 К. А. ЧАЙКОВСКИЙ (с 24 августа по 6 сентября 1922 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Предписание В. И. Ленина Высшему военному совету	6
<i>В. И. Ленин.</i> Из речи перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт, 24 октября 1919 г.	7
<i>В. Шуклецов.</i> Разгром колчаковцев и интервентов в Сибири	9
<i>В. Познанский.</i> В первых рядах армии-освободительницы	21
Обращение ВЦИК и СНК к рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири	32
Формула торжественного обещания	36
<i>М. Тухачевский.</i> Курган — Омск	37
<i>Г. Эйхе.</i> Разгром войск Колчака	51
<i>В. Чуйков.</i> Не боги горшки обжигают	60
<i>А. Кучкин.</i> Великий марш	69
Листовка Сибревкома и Реввоенсовета 5 армии	99
<i>С. Вострецов.</i> Медведовка	102
<i>А. Матусевич.</i> Взятие Новониколаевска	105
Телеграмма И. Н. Смирнову	112
<i>К. Молотов.</i> Как произошел переворот в Томске	113
Сообщение Томского Военно-революционного комитета	117
Обращение Томского Военно-революционного комитета	118
Из сообщения газеты «Знамя революции» об освобождении города Тайги	119
<i>И. Погодин.</i> Щегловская тайга	120
<i>Р. Азарх.</i> Ратный труд	124
<i>И. Громов.</i> Алтайские партизаны	140
<i>И. Бурсак.</i> Конец белого адмирала	149
Даты освобождения городов Сибири. Командующие 5 Красной Армией	157

Подвиг Пятой Красной: Сборник (Сост. П44 Я. М. Кузнецов).— Западно-Сибирское книжное издательство, 1984.— 160 с., ил.

Книга рассказывает о легендарном походе Пятой Красной Армии, прошедшей путь от Волги до Енисея. Особенно ярко показано освобождение Западной Сибири.

П $\frac{10604-066}{M143(03)-84}$ 2—84.0505000000

ББК 63.3(2)712

**ПОДВИГ
ПЯТОЙ КРАСНОЙ**

Сборник

Составитель

Яков Мефодьевич КУЗНЕЦОВ

Редактор В. С. Новопашии
Обложка художника В. В. Сафроновой
Художественный редактор В. П. Минко
Технический редактор М. Н. Коротаева
Корректор Н. М. Жукова
ИБ № 1474

Сдано в набор 29.12.83. Подписано в печать 24.10.84. МН 07329.
Формат 84×108/32. Бум. тип. № 3. Гарнитура литературная. Высокая
печать. Усл. печ. л. 8,40. Усл. кр.-отт. 8,66. Уч.-изд. л. 8,28. Ти-
раж 10000 экз. Заказ № 118. Цена 45 к.

Западно-Сибирское книжное издательство, 630099, Новосибирск,
Красный проспект, 32. Полиграфкомбинат, 630007, Новосибирск,
Красный проспект, 22.